

ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Издание подготовили О.В.МОИСЕЕНКО и Ю.ДАНИЛИН

М.: Наука. 1974

Серия «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Послесловие и комментарии Ю.Данилина

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

К 140-летию Парижской коммуны

1-е действие — «ПРОЛОГ»

1-я картина — «ПОБЕЖДЕННЫЙ НАРОД» (июнь 1848 г.)

2-е действие — «КОНЕЦ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ»

2-я картина — «ПРИНЦ-УБИЙЦА»

3-е действие — «ОСАДА ПАРИЖА»

3-я картина — «ЧЕТВЕРТОЕ СЕНТЯБРЯ»

4-е действие — «КОММУНА»

5-я картина — «18 МАРТА. “ДО ПОСЛЕДНЕЙ КРАЙНОСТИ”»

6-я картина — «ПРЕДАТЕЛЬСТВО»

7-я картина — «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРЕФЕКТУРА»

8-я картина — «ФОРТ ИССИ»

9-я картина — «ПЕРЕКРЕСТОК КРАСНОГО КРЕСТА»

5-е действие — «РЕАКЦИЯ»

10-я картина — «САТОРИ»

11-я картина — «ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ СУД И ПОБЕГ»

Ю. Данилин. Жюль ВАЛЛЕС И ЕГО ПЬЕСА

ПРИМЕЧАНИЯ

См. также:

Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны

http://politazbuka.ru/knigi/danilin_poety_parizskoj_kommuny.djvu
или pdf, скачивание по главам:http://narod.ru/disk/8825604000/comm_poet1.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8825624000/comm_poet2.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8825639000/comm_poet3.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8825683000/comm_poet4.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8828109000/comm_poet5.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8828121000/comm_poet6.pdf.htmlhttp://narod.ru/disk/8828142000/comm_poet7.pdf.html

Вся литература о Коммуне, видео- и аудиоматериалы:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

1-е действие — «ПРОЛОГ»

1-я картина —

«ПОБЕЖДЕННЫЙ НАРОД»

Действующие лица «Пролога»:

Пьер Бодуен, кузнец, 28 лет, инсургент (прототипом ему послужил Малезье¹, деятель Коммуны 1871 года).*Луи Бодуен*, его брат, оптик, 35 лет, инсургент. *Ракатель*, деклассированный молодой человек, 22 года, инсургент.*Шовело*, столяр, 40 лет, инсургент.*Жорж Бонналь*, 20 лет, лейтенант мобилей, буржуа, заядлый реакционер.*Шовело-сын*, 16 лет, мобиль, получивший орден из рук Кавеньяка.*Республиканский гвардеец*, 28 лет, бывший солдат, поступивший в республиканскую гвардию, инсургент.*Генерал*.*Мобили*².*Пехотинцы*.*Инсургенты*.*Колбасник*.*Виноторговец*.*Старичок*.*Национальные гвардейцы из провинции*.*Женщина из народа*.*Инсургенты, пехотинцы, мобили, артиллеристы, офицеры, курьеры, женщины из народа*.

ПРОЛОГ

1-я картина

Побежденный народ (июнь 1848 г.)

Верхняя часть улицы Сент-Антуан. На первом плане, справа, улица Кастекс, слева — улица Турнель. Обе эти улицы защищены невысокими баррикадами. Улица Сент-Антуан тоже перегорожена баррикадой, доходящей с одной стороны до угла улицы Кастекс, а с другой до угла улицы Турнель. За третьей баррикадой видна площадь Бастилии, ближайшие дома Сент-Антуанского предместья, а также улицы Рокет, Сент-Антуан и Шарантон, защищенные внушительной баррикадой высотой с трехэтажный дом. На переднем плане, справа, лавочка виноторговца, слева — колбасный и оптический магазины. При поднятии занавеса сцена занята вооруженными людьми. Подступы к баррикадам охраняются часовыми. Утро 24 июня 1848 г.³

Явление I

Республиканский гвардеец в военной форме, первый часовой с улицы Кастекс, второй часовой с большой баррикады. Инсургенты спят, кто на тротуарах, подстелив соломы, кто у самой баррикады. По-видимому, все они — под защитой баррикады, расположенной где-то за рампой. Неподдалеку на башенных часах бьет пять.

Республиканский гвардеец (выходя из-за большой баррикады). Пять часов, уже рассвело. Пора будить ребят. Враг неподалеку, и денек будет жаркий (он говорит это, подходя ко 2-му часовому, который слышит его слова).

2-й часовой. Да, начальник, денек будет жаркий. Но, скажите, какие новости?

Гвардеец. Ничего определенного. Только отрывочные сведения. Нам сообщили их друзья, которые сражались на участке Сен-Лазар, а затем отступили и присоединились к нам, чтобы продолжать борьбу. Ясно одно: враг атакует нас сегодня и, быть может, сегодня утром. (Повысив голос.) К оружию! Подъем! (При этих словах инсургенты, спавшие по обе стороны большой баррикады, вскакивают и приводят себя в порядок.)

Явление II

Республиканский гвардеец, часовые, Шовело, Рака-тель, инсургенты, на голове одного из них окровавленная повязка.

Ракатель (потягиваясь). Собачья жизнь! До чего же погано спать на мостовой.

Инсургент. В особенности, когда ложишься, как мы вчера, на толстый жалюзий.

Ракатель. Ой-ой! у меня живот подвело от голода. (Подойдя к республиканскому гвардейцу.)

Ну как, начальник, получим мы сегодня харч, который напрасно прождали вчера?

Гвардеец. Надеюсь, что получим. Но, откровенно говоря, трудно рассчитывать на это. Некому прислать нам продовольствие. (Делает несколько шагов.)

Ракатель (следя за ним). Проклятие! Ведь ровно сутки мы ничего не ели!.. Черт возьми! Не так-то легко рисковать шкурой на пустой желудок, особенно, когда соседние лавочки ломаются от жратвы. Стоит ведь руку протянуть, чтобы взять что-нибудь съестное,

Гвардеец (строго смотрит на Ракателя; другие инсургенты окружают их). Взять съестное? Что вы хотите сказать?

Ракатель (спохватываясь). Я говорю не о том, что надо грабить лавочки! Но на войне — как на войне. Существуют реквизиции: лавочнику выдают талон, ну, а ежели он недоволен...

Гвардеец (возмущенно). Его можно избить, так что ли?.. Нечего сказать, превосходное средство, чтобы привлечь на нашу сторону буржуазию! Вместо повстанцев, мы прослышем ворами!.. Хорошенький результат!

Ракатель. Неужто вы всерьез считаете, что мы не прослышем ворами, если будем побеждены?

Гвардеец. Пусть так, но по крайней мере совесть наша будет чиста. Согласны со мной, граждане?

Шовело и другие инсургенты. Согласны, согласны, начальник!..

Шовело. В феврале мы писали на общественных зданиях: «Смерть ворами!». И воров расстреливали.

Инсургент. Расстреливать их надо и теперь.

Ракатель (бледный, дрожащий перед лицом своих возмущенных и грозных товарищей). Но ведь и я против воровства в том смысле, в каком вы его понимаете...

Я тоже честный человек; я говорю лишь о том, что надо достать еды, иначе и сил не хватит сражаться. Трудно, вернее, невозможно быть хорошим солдатом на пустой желудок. *(Обращаясь к республиканскому гвардейцу.)* Что вы делаете, гражданин начальник?

Гвардеец. Давайте устроим складчину, вывернем карманы и отдадим все, что у нас при себе. Словом, имущие заплатят за неимущих. *(Ощупывает свои карманы и вынимает пятифранковую ма-*

нету.) У меня еще осталось сто су, с радостью отдаю их, чтобы купить еды для всех.

Шовело. Bravo, начальник! У меня в кармане немногим больше тридцати су. От всего сердца жертвую их на общее дело.

Первый инсургент. Вот два франка, возьмите. Пусть никто не посмеет назвать нас ворами.

Второй инсургент. У меня всего несколько су. Вот возьмите их. Спасение чести нам недорого обойдется. *(Инсургенты отдают все наличные деньги, один Ракатель ничего не вносит.)*

Гвардеец (делая знак 2-му часовому). Капте-нармус!

Второй часовой (подходя к нему и вставая навтыжку). Слушаю, гражданин начальник!

Гвардеец (передавая ему собранные деньги). Вон там на улице Турнель, открыта булочная. Распорядитесь лучше этими деньгами. Главное, купите хлеба, а коли удастся, немного вина и колбасы. Если лавочки заупрямятся, начните с уплаты денег.

Второй часовой. Понятно, гражданин начальник. *(Перелезает через баррикаду и скрывается за углом улицы Турнель.)*

Явление III

Те же без второго часового, которого заменил на посту один из инсургентов. Республиканский гвардеец озабоченно ходит взад и вперед у основной баррикады.

Шовело (гневно Ракателю). Второй раз со вчерашнего дня, Ракатель, ты вызываешь у меня подозрения. Советую, в твоих же интересах, не свора-

чивать с прямого пути, не то мне начинает казаться, что ты неверный друг.

Ракатель (удивленный, сбитый с толку, вспыхнув). Я — неверный друг? Что ты хочешь сказать? *Шовело* (с горячностью). Этой ночью тебя чуть ли не силком тащили на пост, а ты отвертелся, господин бездельник, и не стоял на часах!

Ракатель (оправдываясь). Клянусь тебе...

Шовело (перебивая его). Замолчи! Впрочем, ты хорошо сделал, что спал этой ночью: баррикада, у которой ты стоял бы на часах, осталась бы, в сущности, без охраны. Но это не все. Несколько минут тому назад ты подстрекал ребят к грабежу, да и, наконец, ни гроша не внес в общий котел, хотя ты, вероятно, богаче всех нас.

Ракатель (выворачивая карманы жилета). Клянусь, что у меня нет при себе ни единого су. Вот, посмотри, ничего в руках, да и в карманах пусто. *Шовело*. Хватит! Хватит! Знаем твои песенки. Но, повторяю, смотри в оба. И увидишь, я глаз с тебя не спущу... (Возвращение солдата, посланного республиканским гвардейцем за провиантом, кладет конец этому спору.)

Явление IV

Те же, 2-й часовой, перелезающий через баррикаду. (У него по литру вина под мышкой, два хлеба в подоле блузы и связка сарделек вокруг шеи.)

2-й часовой. Эй, ребята! Ко мне, облегчите-ка папашу!.. (Инсургенты подбегают, чтобы разгрузить его.) (Гвардейцу.) А я постараюсь разделить все, как полагается.

Гвардеец. Да, сделайте по справедливости, чтобы каждому досталось хоть немного.

2-й часовой (приступая к раздаче, которая длится в продолжении этой сцены). Все заморят червячка, начальник, но, клянусь честью бывшего каптенармуса, порции будут невелики.

Гвардеец (вызывая). Гражданин Шовело!

Шовело (подбегая с ломтем хлеба в руке и с полным ртом). Слушаю, начальник!

Гвардеец. Мы должны обо всем позаботиться. Теперь, когда наши люди немного подкрепились, поговорим о другом. Как обстоит дело с боевыми припасами?

Шовело. Мне кажется, в порохе недостатка не будет, а вот пуль может не хватить.

Гвардеец. Свиноец для них есть?

Шовело. Да, сегодня утром я сначала подумал о боевых припасах, а не о жратве. И тотчас же разжег печурку, вон там, на углу улицы Кастекс. Огонь так и пылает, и свиноец, верно, расплавился. Сейчас же примусь за дело. (Повысив голос, обращается к инсургентам). Эй, вы там, ребята! Кто кончил есть, за мной, будем лить пули. (Направляется к горящей печке, несколько инсурентов следуют за ним, и все вместе принимаются за работу.)

Явление V

Те же, затем Пьер Бодуен. Возле баррикады на улице Турнель каптенармус заканчивает раздачу провизии. У баррикады на улице Кастекс Шовело с соратниками продолжают лить пули. Со стороны улицы Кастекс раздаются выстрелы, доносится звук поспешных шагов.

Тасовой (тог, что стоит на углу улицы *Кастекс*). Нечего и кричать: «Кто идет?» Это гражданин *Бодуен*, храбрейший из храбрых!.. Проходите, гражданин... Что нового?

Бодуен (перелезая через баррикаду). Где начальник баррикады? Я должен поговорить с ним. *Гвардеец* (подбегая). Вы здесь, *Бодуен*?.. Что случилось? (*Вполголоса*). Вы привели подмогу? Когда же мы перейдем в наступление?

Пьер Бодуен (протыкая бумагу, которую он вытащил из-под блузы, с грустью). Читайте!..

Гвардеец (подойдя к рампе в отдалении от прочих инсургентов, читает). «Неприятель, овладевший вчера Большими бульварами, наступление которого казалось приостановленным нашими отрядами с площади Бастилии, занял этой ночью Сите и остров св. Людовика; через несколько минут он атакует нас с фронта и с флангов; приказываю оставить баррикады в Маре, отныне бесполезные, и отступить к предместью для последнего сопротивления». (*Тихо Бодуену, возвращая ему приказ*.) Все погнбло!..

Пьер Бодуен (с полным спокойствием, пылко взглядывая в лицо гвардейца). И мне так кажется, но надо драться до конца, исполнить наш долг...

Гвардеец (пылко). Да, исполнить его до конца! *Пьер Бодуен* (*вполголоса, поспешно, указывая в сторону предместья*). Мы продержимся там прогив неприятельской артиллерии один день, не больше. Весть о нашем поражении распространилась по городу, паника растет, наши бойцы расходятся по домам. Много народу ушло еще вчера из-за слухов, распускаемых шпионами *Кавеньяка*⁴: «Ин-

цидент улажен: Учредительное собрание⁵ отменяет предыдущий декрет⁶ и провозглашает право на труд». От этой лжи наши ряды поредели больше, чем от вражеских снарядов... (*Молча идут рядом по сцене.*) (*Продолжая.*) Итак, мы отступаем. Соберите своих солдат, а я тем временем зайду обнять, вероятно, в последний раз моего брата, несчастного калеку (*указывая на оптический магазин*). Он овдовел два месяца тому назад и живет один со своей девочкой, прелестной двадцатимесячной крошкой.

Гвардеец (растроганно). Вы очень ее любите? *Пьер Бодуен* (со слезами на глазах). Люблю ли я ее?!

(*Поспешно входит в дом с вывеской оптического магазина.*)

Явление VI

Те же, без Пьера Бодуена.

Гвардеец (подходит к солдатам, которые, окружив литейщиков, распределяют между собой готовые пули, чистят или заряжают свои старые кремневые ружья. Громко). Граждане!

Инсургенты (подходя к нему). Что случилось, гражданин начальник? (*Со стороны улицы Турнель и Кастекс доносятся звуки выстрелов.*)

Гвардеец. Я только что получил приказ отступить в предместье. Удерживать дольше эти баррикады невозможно — нам грозит окружение. В этот час, перед решающим боем, я должен предупредить вас... (*Его слова тонут в шуме выстрелов и криков.*)

Явление VII

Те же; женщины из народа; жена 1-го инсургента, жена второго инсургента. Новые выстрелы, грохот пушки. Обезумевшие от страха женщины выбегают с улиц Кастекс и Турнель, оттесняя часовых, и заполняют сцену. Обе жены инсурентов видят своих мужей в группе, окружившей республиканского гвардейца, и становятся рядом с ними. Четыре женщины ранены. Одна пулей в поясницу, две другие сильно ушиблись, упав с вершины баррикады, четвертую смяли, сшибли с ног и затоптали бегущие за ней женщины.

Крики в толпе. На помощь! Спасите! Убивают!..

Раненые. Ой, ой, изверги! Умираю! Спасите! (Инсургенты и женщины спешат помочь раненым, относят их на тротуар возле лавочек и большой баррикады. Уложив раненых, инсургенты вновь окрещают республиканского гвардейца.)

Гвардеец (громким, взволнованным голосом). Я только что говорил вам, друзья, что этих позиций нам не удержать; теперь вы воочию убедились в этом...

Жена 1-го инсургента (поспешно прерывая его). Мобили — там! (указывая на улицу Турнель). Они прошли, пробив стены домов.

Жена 2-го инсургента (столь же поспешно указывая на улицу Кастекс). Мобили и тут тоже; они стреляют из окон! Просто чудо, что я осталась жива.

Гвардеец. Продолжать борьбу в этой мышеловке бесполезно — мы между двух огней: неприятель-

ские отряды наступают со стороны бульваров и центра. Есть среди вас отцы семейств?

Жена 2-го инсургента (хватая под руку мужа). Да, да!

Несколько инсурентов (громко). Я! Я! Гвардеец. Прошу вас подумать, пока еще есть время! Решительная минута настала... Мы отходим в предместье, но оттуда не уйдем — будем бороться до конца (мрачно). А конец — это смерть. Я не хочу ни звать вас с собой, ни отговаривать... Сами решайте, как вам поступить.

Жена 2-го инсургента (увлекая за собой мужа). Пошли, идем, Жан!

Инсургент (нерешительно ставит ружье у стены и молча, понуро следует за женой).

Жена 1-го инсургента (беря оставленное ружье и передавая его мужу). Идем, Эжен. Я вместе с тобой пойду в предместье. (Муж обнимает ее, несколько инсурентов приветствуют храбрую женщину.)

Явление VIII

Те же, без инсургента по имени Жан и его жены; Пьер Бодуен, Луи Бодуен, первый здоровяк на вид, второй преждевременно состарившийся человек, хилый и хромой.

Пьер Бодуен (выходя из дома). Прощай, брат. (Протягивает обе руки Луи.)

Луи Бодуен (дрогнувшим голосом). Итак, решено, ты уходишь? Но ты же сам сказал, что все погибло, что надежды больше нет.

Пьер Бодуен (веско). Тем более надо выполнить свой долг до конца.

Луи Бодуен (рыдая, обнимает брата). Тогда дай мне ружье, я тоже пойду; до сих пор я оставался в стороне, но раз ты идешь на верную смерть, я не оставляю тебя одного, я буду рядом с тобой, своим телом заслоню тебя от пуль.

Пьер Бодуен (растроганно). Полно, Луи, а Жанна?

Луи Бодуен (подавленно). Сам не знаю, что говорю... Я совсем потерял голову!.. Но ты прав: что станется с бедной крошкой, если нас с тобой убьют? (*Сжимая брата в объятиях.*) Умоляю тебя, останься с нами; подумай, как любит тебя девочка...

Пьер Бодуен (высвобождаясь из объятий брата). Невозможно! Вспомни, что я тебе говорил... Прощай! (*Уходит; Луи шатается, сраженный горем.*)

Луи Бодуен (хватаясь руками за голову). Надо вернуться к Жанне, к дочке; хоть взгляну на нее, иначе я уйду с Пьером. (*Входит в дом.*)

Явление IX

Те же без Луи Бодуена.

Пьер Бодуен (решительно). Итак, ребята, отступаем, к оружию! (*Инсургенты берутся за ружья. Повсюду пальба. Бодуен ранен, он обвязывает голову платком, чтобы остановить кровь. Республиканскому гвардейцу.*) Идем?

Гвардеец. Ступайте, я только забегу вот сюда, сменю мундир на блузу. (*Исчезает в проходе дома, где живет Луи Бодуен.*)

Явление X

Те же, без республиканского гвардейца.

Пьер Бодуен (своим бойцам, указывая на баррикаду, которая перегораживает улицу Сент-Антуан). Ну, друзья, на ту сторону и поживее в предместье. (*Инсургенты перелезают через баррикаду.*)

Раненая женщина (душераздирающим голосом). Умоляю вас, гражданин Бодуен, я не хочу пасть живой в руки мобилей. Они убивают женщин. Лучше сами прикончите, добейте меня. Мне легче умереть от вашей руки...

Пьер Бодуен (спускаясь с баррикады). Нет, гражданка, я не прикончу вас, а вынесу отсюда. (*Поднимает женщину с земли и собирается унести ее. Замечает нерешительного, угрюмого Ракателя, который остановился, не зная, как быть дальше.*) Ты что тут делаешь?

Ракатель (со своим обычным апломбом). Жду вас, гражданин Бодуен.

Пьер Бодуен (карабкается на баррикаду, неся раненую женщину). В таком случае, идем, и постарайся хоть на что-нибудь пригодиться! Возьми знамя! (*Бодуен уже добрался до гребня баррикады и как только он скрылся из глаз, Ракатель берет воткнутое в землю знамя и возвращается на сцену.*)

Явление XI

Ракатель один со знаменем в руках.

Ракатель. Идти на верную смерть? Ну нет, слуга покорный. Я дрался наравне с остальными, пока оставалась надежда, но, увы, надежды больше нет.

(Бросает знамя, снимает блузу, надетую на редингот и исчезает в проходе дома, в котором находится винная лавочка.)

Явление XII

Шовело-сын в форме мобилы осторожно выходит на сцену.

Шовело (спускаясь с баррикады улицы Кастекс). Дела мои недурны!.. Две благодарности в приказе! Недаром я знаю Париж вдоль и поперек!.. Право, военное ремесло как раз по мне! А папаша еще не хотел, чтобы я стал военным!.. Конца не было разговорам! Я обещал ему для блезире... *(Прыгает вниз с баррикады. Удивленно, не видя ни души.)* Смотались! Птички улетели из гнезда *(смотрит вверх)*. Окна? Закрыты, никого!.. Они не догадались спрятаться в домах!.. Не слишком сильны для парижан!.. *(Замечает знамя, поспешно хватает его и размахивает им.)* На этот раз военный крест мне обеспечен!.. Две благодарности, знамя и все задарма! *(Смеется.)* Недурно для начала!.. Папаша рот разинет от изумления при виде моей красной ленточки!.. Теперь он уже не посмеет называть меня бездельником!.. *(Влезает на баррикаду со знаменем*

в руке и зовет товарищей.) Эй, вы там, друзья, скорее сюда, ко мне!.. Победа по всему фронту!.. Я захватил знамя!

Явление XIII

Шовело-сын, затем лейтенант мобилей Жорж Бонналь, мобили и солдаты-пехотинцы. По сигналу Шовело, Бонналь в сопровождении подчиненных занимает перекресток. Он важно обходит сцену и садится на камень возле печки. Вынимает из кармана записную книжку, карандаш и что-то записывает. Мобили разбредаются по сцене, сержант подходит к Бонналю.

Сержант мобилей (отдавая честь). Господин лейтенант...

Бонналь (начальническим тоном, который не вяжется с его безбородой физиономией). Поставьте часовых на всех углах, прикажите открыть лавки. *(Вырывая страничку из записной книжки.)* Поплиньте это с верным человеком генералу Клеману Томэ¹. *(Вручая ему исписанную страничку.)* Да поживее.

Сержант мобилей (про себя). Ну и задает форсу! *(Идет, чтобы выполнить приказы. Видно, как уходит связной и как сержант расставляет часовых.)*

Бонналь (по-прежнему один, на том же месте). Наконец-то борьба окончена!.. Общество спасено, порядок восстановлен, чернь побеждена, раздавлена! Остается лишь одно — с помощью террора внушить населению спасительный страх!.. *(Во время этой сцены мобили заставили торговцев открыть лавки.)*

Явление XIV

Те же, колбасник, виноторговец. Колбасная лавочка осаждена мобиллями. Другие мобили входят в винную лавку.

Колбасник (стараясь сдерживать мобилей). По-терпите, ребята, придет и ваш черед.

Шовело-сын (выходя из лавки с огромным окороком под мышкой). Весьма кстати: я умираю от голода! Ну, этого хватит, чтобы подзаправиться. (Мобиллю, вышедшему из лавки вслед за ним.) Сбегай-ка за вином, и мы поделимся, не так уж дорого нам это досталось... (Мобиль спешит в винную лавочку.)

Колбасник (следуя за Шовело, который ищет местечко поудобнее). А деньги, гражданин? Целый майнцский окорок! Да ведь он стоит пятнадцать франков!

Шовело-сын (посмеиваясь). Деньги? Ишь чего захотел!.. (Преспокойно садится, вынимает из кармана нож, с жадностью набрасывается на ветчину, уплетая ее без хлеба. Перестает жевать лишь для того, чтобы посмеяться над торговцем, и тот, выведенный из себя, обращается к офицеру.)

Колбасник. Господин лейтенант! Гляньте-ка!.. Ваши люди грабят мой магазин у вас на глазах (с горечью), и вы спокойно смотрите на это безобразие, словно поощряете его...

Бонналь (холодно, заносчиво меряя его взглядом). Что вы сказали?.. Повторите... я не совсем понял.

Колбасник (дрожа). Извините, господин офицер; я был неправ... но они меня начисто обобрали.

Бонналь (пожимая плечами). А мне-то что? Люди голодные, должны же они поесть... на войне, как на войне!

Колбасник. Смотрите, теперь они бьют у меня стекла. (Рвет на себе волосы.) А инсургенты платили!.. (Бонналь настораживается. Колбасник вкрадчиво.) Не могли бы вы, господин лейтенант, выписать мне хоть талон с оплатой его в мэрии? Бонналь (недовольно). Есть у меня время заниматься такими пустяками! Пеняйте на себя: вы сами разозлили солдат своими воплями! Но довольно разговоров! Вы заявили минуту назад, что отпускали продукты инсургентам.

Колбасник. Ну да, господин лейтенант, и они все оплатили. Впрочем, я не продал бы товар в кредит этому сброду.

Лейтенант (громко). Сержант!

Сержант мобилей (подбегая с горшочком гусяного паштета и с бутылкой вина под мышкой). Слушаю, господин лейтенант.

Бонналь (холодно). Отправьте этого субъекта в тюрьму под конвоем четырех солдат.

Колбасник (пытаясь вырваться). Обобрали, избили, тащат в тюрьму!.. Это уж слишком!.. И это называется у них охраной собственности, восставлением порядка!..

(Во время этой сцены мобили высадили дверь в погребок виноторговца и, выстроившись в ряд, передают друг другу бутылки, которые тут же обменивают на хлеб и на колбасу. Все с жадностью едят; многие отбивают горлышко у бутылки, чтобы скорее напиться. Виноторговец зопит от ярости; мобили избивают несчастного и, подталкивая, тащат на улицу Кастекс, чтобы не слышно было его криков.)

Явление XVII

Те же, двое мобилей выводят Ракателя из дома виноторговца; один тащит его за ворот, другой подталкивает сзади ружейным прикладом.

Ракатель (с отчаянием в голосе). Что вам от меня нужно? Я ничего не сделал дурного!.. Я ни в чем не виновен!..

Один из мобилей (Бонналю). Господин лейтенант, мы нашли его на площадке четвертого этажа. Увидев нас, он пытался бежать.

Бонналь (строго Ракателю). Отвечайте!

Ракатель. Я не стрелял, господин лейтенант.

Мобиль (указывая на дом Луи Бодуена). Стреляли из этого дома. *(Сержант и несколько солдат вбегают в указанный дом.)*

Ракатель (торжествуя). Вот видите, господин офицер. *(Бонналь делает знак солдатам, те отводят Ракателя в сторону, и оставляют его под охраной.)*

Явление XVIII

Те же, сержант мобилей, подводя к Бонналю Луи Бодуена.

Сержант (Бонналю). Вот убийца!

Бонналь (торжественно). Что вы можете сказать в свое оправдание? *(Пристально смотрит на Бодуена.)*

Бодуен (не смущаясь). Я никого не могу убить. *Сержант (запальчиво).* Он лжет, господин лейтенант! Взгляните на его руки, они почернели от пороха.

Бонналь (Луи Бодуену). Слышите? Покажите ваши руки *(Бодуен показывает перемазанные углем руки.)* Готов побиться об заклад, что вы делаете порох для инсургентов.

Бодуен (удивленно). Я? Порох?

Бонналь. Чем вы занимаетесь?

Бодуен. Я оптик.

Бонналь. Почему же у вас такие черные руки?

Бодуен. Я испачкал их углем, когда разжигал плиту, хотел приготовить обед..

Бонналь (гневно). Вы бесстыдно лжете!.. Итак, вы не желаете сознаться? *(Сержанту.)* Надо положить этому конец! Возьмите четверых солдат и расстреляйте убийцу. *(Сержант уходит и быстро возвращается с солдатами.)*

Сержант (Бодуену). Идем, я поставлю тебя к стенке. Твоя песенка спета, за все получишь сполна! *(В эту минуту республиканский гвардеец, все в той же форме, выходит из дома Бодуена и бросается к людям, собравшимся около Бонналя.)*

Явление XIX

Те же, республиканский гвардеец.

Гвардеец. Погодите! Погодите! Не расстреливайте этого человека!.. Он не виновен!.. Это я стрелял в генерала.

Бонналь (удивленно). Вы? И стреляли в генерала? Полно, быть этого не может... Вы, видно, украли гвардейский мундир — у нас нет изменников...

Гвардеец. Скажите, кого вы называете «изменником»? Не генерала ли с плюмажем, который

только что, на этом самом месте, наградил орденом мальчишку, чтобы натравить на него таких же, как он,—его же братьев?.. Да, этот человек изменник. Он был моим начальником в Обществе времен года⁸. Он изменил своим клятвам, нарушил долг чести. Изменники — все те, кто служит народу ради тепленького местечка, чина или ордена, а затем, перед лицом опасности, бросают его на произвол судьбы или открывают по нему огонь. Таких изменников немало в ваших рядах! Я республиканец, но я стал солдатом, чтобы служить республике, чтобы защищать ее и, увидев на расстоянии выстрела подлеца-генерала, который сначала предал Республику, а теперь громит ее, я спустил курок. *(Бессильно опустив руки.)* К сожалению, я промазал... А вот вы постарайтесь не промазать, когда будете стрелять в меня, иначе я вновь примусь за прежнее... *(Отдается в руки мобилей.)* Освободите этого несчастного — он не виновен. *Сержант мобилей.* Не спорю, может быть, этот человек стрелял, но и хромою, конечно, стрелял... я слышал два выстрела.

Явление XX

Те же и курьер.

Курьер. *(Бонналю, протягивая ему конверт).* Вы капитан Бонналь?

Бонналь *(беря конверт).* Да. *(Распечатывая послание и читая его.)* «Приказываю расстрелять жителей домов, из которых был открыт огонь по нашим войскам. Подпись — Клеман Томà». *(Курьеру.)* Вы свободны. *(Курьер пускает лошадь в галоп.)*

Явление XXI

Те же, артиллеристы, катящие пушки; затем на заднем плане, в глубине площади Бастилии, которую частично скрывает высокая баррикада улицы Сент-Антуан, появляются Бодуен и другие инсургенты.

Бонналь *(сержанту, показывая ему приказ).* Ну, кончайте скорее!.. Расстреляйте этих двух мерзавцев, а я займусь установкой орудий. *(Сержант и несколько мобилей уводят Луи Бодуена и республиканского гвардейца на улицу Кастекс, где отряд выстраивается для расстрела. В это время Бонналь приказывает выдвинуть орудия на боевые позиции и разгромить баррикаду, которая мешает прицельной стрельбе. Под огнем орудий баррикада рушится, открывая задний план. У подножия колонны видны генералы со своими штабами; перед ними стоят пленные инсургенты, заслоняя их от пуль. В глубине сцены высокая баррикада Курне⁹. Пьер Бодуен, стоя на ее вершине, размахивает красным флагом. Инсургенты, засевшие на крышах, в окнах, за дымовыми трубами первых домов предместья ведут огонь по всем направлениям; один из наводчиков Бонналя убит.)*

Бонналь *(в ярости).* Огонь! *(Раздается одновременно грохот орудий и залп по двум арестованным инсургентам. Рушатся дома на площади Бастилии, между улицами Рокет и Шарантон. Когда дым рассеивается, перед зрителями предстает декорация, в точности воспроизводящая гравюру того времени. На улице Кастекс падают, расстрелянные, Луи Бодуен и республиканский гвардеец.)*

Явление XXII

Те же, низенький старичок, национальные гвардейцы, прибывшие из провинции. Стрельба с баррикады прекратилась; орудие умолкло. На площади мобили идут в наступление. Схватка на баррикаде, мобили побеждают, понеся значительные потери. В эту минуту гвардейцы-провинциалы, смехотворно одетые и снаряженные, выходят на сцену с улицы Турнель

Национальный гвардеец-провинциал (мобилу). Все кончено! Ну, и попали они в переделку. Много вы перебили этих подлецов? Мобиль (с издевкой). Порядком, а вы? Гвардеец (смущенно). Мы только что прибыли. От самого Даммартена шли пешком. Старичок (остановившись перед телами Бодуена и республиканского гвардейца.) Вот тебе, мерзавец! Вот тебе, разбойник! Вот тебе, вор, социалист! (Бьет по трупам своим зонтом.) Гвардеец (приближаясь в сопровождении товарищей к старичку и возмущенно смотря на него). Дьявол! До чего озверел. Он убил бы этих разбойников, не будь они мертвы!.. (Заметив саблю республиканского гвардейца, отстегивает ее и уносит с собой.) Оставлю себе на память. (Уходит с товарищами, старичок сворачивает на другую улицу.)

Явление XXIII

Те же без гвардейцев-провинциалов и без старичка. Колонна пленных, среди которых можно заметить Пьера Бодуена и Шовело, подходит к площади Бастилии.

Бонналь (своим людям). Стройся! (Мобили выполняют команду; Шовело-сын с боевым крестом на груди стоит в первом ряду. Пленные поют:

*За нас, бойцов отчаянья,
Отплатят сыновья!)*

Шовело-сын (иронически). Вот тебе нà! Откуда им известна песенка моего папаша? (В эту минуту Шовело-отец замечает сына.)

Шовелло-отец (вырвавшись из колонны пленных, подбегает к сыну). Подлец! (Срывает с сына орден и топчет его ногами.)

Мобили (оттаскивают Шовело-отца обратно и спрашивают у сына). Твой отец?! (Увидев расстрелянного брата, Пьер Бодуен пользуется суматохой чтобы выйти из рядов.)

Бодуен (с отчаянием хватаясь за голову). Лун! Брат! Какое несчастье! Они убили его!.. (Мобили возвращают его на место.)

Один из мобилей (ведя Ракателя). А с этим как быть?

Сержант (взмахнув рукой). В общую кучу. (Мобили водворяют Ракателя в колонну пленных, которая уходит по улице Турнель; пленные поют:

*Нет, нам, бойцам отчаянья,
Изменят сыновья! ¹⁰⁾*

Занавес

Конец первого действия и Пролога.

Шовело-сын, застывший на месте посреди сцены, хватает свое ружье за ствол и разбивает его о мостовую; товарищи бросаются на него.)

2-е действие —
«КОНЕЦ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ»

2-я картина —
«ПРИНЦ-УБИЙЦА» ¹¹

Действующие лица:

<i>Пьер Бодуен</i> , 48 лет, кузнец. <i>Руйак</i> , 60 лет, оружейный мастер. <i>Ракатель</i> , 44 года, представитель богемы	} Действующие лица про- лога, сосланные на пла- вучие тюрьмы и в Аф- рику после июня 1848 г. и вернувшиеся во Фран- цию в 1856 г.
<i>Жак Бриья</i> , 32 года, журналист, революционер. <i>Жорж Бонналь</i> , 40 лет, капитан в отставке. <i>Дюбрэ-Флошен</i> , адвокат, 36 лет. <i>Казимир Матуйе</i> , философ, бывший ученик Политехнической школы, 41 год. <i>Рено</i> , 35 лет, кузнец, друг Бодуена. <i>Эжен Шопен</i> , прозванный Постреленком, 15 лет, ученик-типограф, воспитанник Бодуена. <i>Элен де Вернэ</i> , 26 лет, богатая вдова, сестра Жоржа Бонналя. <i>Жанна Бодуен</i> , 22 года, племянница Пьера Бо- дуена. <i>Адель Шовело</i> , 28 лет, лоретка.	

Полицейский комиссар и его помощник-писец.
Мужчины и женщины из народа.

Действие происходит 12-го января 1870 года.

Танцевальный зал квартала Ла Вийетт, превращен-
ный в зал для общественных собраний. Стены вы-
крашены клеевой краской и покрыты аляповатой
росписью, изображающей нимф и амуров. Освеще-
ние — несколько газовых ламп, висящих на стенах.
На первом плане, слева от зрителя, входная двух-
створчатая дверь, ведущая в вестибюль. Дверь на-
половину заставлена столом, за которым сидит
кассир, взимающий входную плату. На первом же
плане, справа, около ramпы, небольшая гардероб-
ная, в которую входят со сцены. Окно этой комнат-
ки прикрыто занавеской на кольцах. За гардероб-
ной маленькая дверка в коридор, по которому мож-
но выйти на улицу. На заднем плане, справа от
зрителя, помост для оркестра, высотой в челове-
ческий рост, куда поднимаются по двум боковым
лестенкам в семь-восемь ступеней каждая. На по-
мосте пять стульев: три для президиума собрания
и два поодаль для полицейского комиссара и пис-
ца. Пространство между ними предназначено для
оратора. В глубине зала деревянные скамьи, рас-
ставленные таким образом, чтобы люди сидели ли-
цом к помосту. Видна лишь половина зала. При
поднятии занавеса на сцене находится Жорж Бон-
наль и несколько сидящих возле помоста слушате-
лей. На переднем плане никого.

Явление I

Жорж Бонналь, одетый как буржуа, но просто; в петлице у него нет даже ленточки Почетного легиона.

Жорж Бонналь (видимо, в дурином расположении духа разговаривает сам с собой и по временам пожимает плечами). Какая дурацкая штука любовь!.. Особенно в моем возрасте. Ведь именно теперь мне следовало бы подумать о выгодной женьтибе, которая могла бы упрочить мое положение. Нелепость, глупость, да просто идиотство влюбиться, точно школьник, в эту молоденькую работницу Жанну Бодуен! Из-за нее мне приходится якшаться со всякими революционерами, социалистами, крикунами — с подонками мастерских и пугалом для всякого благомыслящего человека, — а уж они не замедлят сюда явиться и порассуждать о том, что их не касается. (Спохватываясь.) Зато как мила Жанна! Никогда я не встречал девушки более цветущей, более привлекательной, более чистой. Недавно я сразу же загорелся. Я увидел ее впервые недели две тому назад; а увидеть ее, значит полюбить! Теперь я только и думаю о ней. До того дошел, что каждый вечер часами простаиваю у двери мастерской, где она работает, в надежде увидеть ее. И если сегодня я здесь, если я приехал на другой конец Парижа, то лишь потому, что узнал от верных людей, будто она придет на это собрание со своим дядей Пьером Бодуеном, бывшим ссыльным 48 год. Сколько раз я подходил к Жанне на улице, заговаривал с ней и даже делал ей довольно рискованные предложения, готов был преподнести ей золото, бриллианты, но она отвечала мне лишь

презрительным взглядом. Подумаешь, где кроется добродетель, черт возьми! Ведь лучшее платье этой девчонки стоит не больше луидора!.. Словом, она должна прийти, мне нужно ее видеть, поговорить с ней. А вдруг на этом собрании кто-нибудь из ссыльных 48 года узнает во мне офицера мобилей тех далеких июньских дней и скажет ей, что я приказал расстрелять ее отца Луи Бодуена?.. Сюда идут! Почитаем приличия ради объявление. (Читает объявление о предстоящем собрании, висящее на видном месте в вестибюле.)

Явление II

Бонналь, читающий объявление, Руйак, затем Постреленок.

Руйак (не замечая Бонналя и смотря на часы). Восемь часов! А Ракателя, организатора наших собраний, нет как нет. Какая досада, мне необходимо с ним поговорить.

Постреленок (зажав под мышкой кусок хлеба и пачку газет). Всему свой черед! Заморить червячка — недурно, но о делах тоже не след забывать. Ну-ка, рывкнем во всю глотку! (Выкрикивая). Покупайте «Голос народа»¹², орган народных собраний! Свеженький номер, только что отпечатанный! Одно су, всего одно су!

Бонналь (поворачиваясь к нему лицом). Орган народных собраний! Ну и пакость должно быть! Куплю все же этот листок и стану читать для вида, поджидая Жанну. (Подходит к Постреленку, покупает газету и встает под лампой неподалеку от входа.)

Руйак. А, это ты, малыш! Как дела? Что продаешь?

Постреленок. «Голос народа», папаша Руйак, «Голос народа», запрещенный или, точнее, конфискованный сегодня утром. Знатная газета! Зато, как вы понимаете, ее можно продавать только среди своих. Вот, держите, раскошеляйтесь на одно су.

Руйак (покупая газету). Говоришь, газета была конфискована?

Постреленок (задорно). Да, еще в типографии, и фараоны разбили молотками все наши формы. Но я малый не промах и припрятал три тысячи экземпляров под носом комиссара и его подручных, каково, а? И продаю их сегодня вечером. Дерзости мне не занимать статью! *(Руйак развернул газету и читает ее.)* Да вы не слушаете меня! А, понимаю, вы ищите заметку о речи, которую произнесли на днях в Бельвиле. Будьте покойны, она напечатана: вторая страница, третий столбец, взгляните, она там, навверняка.

Руйак (найдя речь, читает) ...«Гражданин Руйак, сосланный после июньских событий, взволнованно говорил о мучениях, которые он претерпел в плавучих тюрьмах. Его рассказ вызвал сочувственный отклик в зале». *(Постреленку.)* Напечатали, в самом деле... Ты сказал, что газета конфискована?

Постреленок. Еще бы! И самое потешное, что комиссар сослался при этом на закон, принятый в 48 году той самой республикой, которая упрятала в тюрьму вас и многих других хороших людей и достойных граждан. Ну нет, таких республик нам не надо.

Руйак. Не знаешь, придет ли сегодня вечером Бодуен?

Постреленок. Папаша Бодуен, храбрец из храбрецов? Конечно, придет. Имя его значится в объявлении среди других ораторов. И, верно, приведет племянницу, мамзель Жанну, лучшую девушку в мире, самую лучшую...

Руйак (наблюдая за Постреленком). Ты прямо-таки с восторгом говоришь о хорошенькой Жанне, племяннице Бодуена, моего старого друга и товарища по ссылке.

Постреленок (воодушевляясь, серьезно и с явным волнением). Как же иначе, папаша Руйак? Видите ли, я всем ей обязан. Когда мой отец умер, его друг, папаша Бодуен, взял меня к себе. Но кто меня воспитал? Мамзель Жанна. Мне было тогда шесть лет, я привык шляться по улицам, драться, был забиякой, злющим, как черт... Она шила мне одежку из обносок своего дяди, лечила мои болячки, а если мне случалось прийти домой избитым, заботилась обо мне, как о брате... *(Растроганно.)* И видите ли, папаша Руйак, я всего только мальчишка, но пусть кто-нибудь попробует обидеть мамзель Жанну, и, слово Эжена Шопена, по прозвищу Постреленок, ему придется иметь дело со мной, клянусь честью!

Руйак. Молодец, Эжен, ты хороший, добрый малый.

Явление III

Те же, Ракатель.

Руйак (подходя к *Ракателю* и пожимая ему руку). Ты пришел весьма кстати, мне надо поговорить с тобой. (*Серьезно.*) Знаешь, я организовал сбор средств в пользу политических заключенных, наших братьев по Интернационалу¹³. Мы тоже в свое время прошли через эти испытания и долг поведывает нам...

Ракатель (перебивая его). Словом, ты хочешь выступить в их защиту? Ясно, я запишу тебя...

Явление IV

Те же, Адель Шовело, кричаще одетая. Адель не замечает сперва Ракателя и спрашивается о нем у Постреленка:

Постреленок (перебивая *Ракателя*). Гражданин, вас тут дама спрашивает. (*Нагло осматривает Адель, про себя.*) Финтифлюшек больше, чем нужно! Фу-ты, ну-ты!

Ракатель и *Руйак* (вместе). Адель!

Адель. Я самая, папаша *Руйак*! Что это вы так уставились на меня? Разве я смахиваю на карнавальное чучело? (*Не отвечая, Руйак презрительно отворачивается от нее и подходит к Постреленку, стоящему у рамп.*)

Постреленок (тихо *Руйаку*). Плачу за выпивку, идемте, папаша *Руйак*, ну и доложу я вам... Я видел вчера эту куклу, она подпирала стены кафе «Мадрид». А затем кутила с офицерами национальной гвардии. На месте *Ракателя* я бы такого не потерял. (*Выходят.*)

Явление V

Те же, без Руйака и Постреленка.

Ракатель (мрачно). Хочешь поговорить со мной, Адель?

Адель. Да. (*Смотря на него.*) Какой у тебя любезный вид, прямо-таки смотришь волком! (*Движение Ракателя*). Знаешь, если ты собираешься последовать примеру *Руйака*, скажи об этом, не таясь, и я тотчас же уйду.

Ракатель (резко). Откуда ты взялась? Что тебе нужно?

Адель. Откуда? Понятно, не из мастерской! Хватит! Пусть попробуют водворить меня туда силой, и я устрою такой скандал, что небу станет жарко! *Ракатель*. Тебе больше нравится таскаться по кафе, ресторанам, танцулкам под ручку с первым встречным?

Адель (цинично). Что ж ты хочешь, дорогой? Каждый делает что может. Если бы папаша Шовело оставил мне наследство, неизвестно еще, кем бы я стала! Пожалуй, многие разряженные дамочки моего мизинца не стоят. (*Серьезно.*) Наверно, я вышла бы за тебя замуж, у нас было бы много детей!.. Неужто ты думаешь, что такая жизнь не пришлась бы мне по вкусу? Что мне больше нравится мое теперешнее занятие? Пить шампанское, когда этого не хочется, не так уж весело!..

Ракатель. Но в таком случае...

Адель. В таком случае... Почему тебе никогда не везло? Почему ты никогда не умел зарабатывать? Ты остался нищим, я опустилась на дно! Вот и все! *Ракатель* (с грустью). Прежде ты так не говорила...

Адель. Прежде я была «девчонкой Шовело», козлом отпущения, замарашкой; все обижали меня и частенько били... Лавочники звали меня отродьем социалиста, каторжника и показывали на меня пальцем. А рабочие считали меня сестрой предателя... Мне попадало и от тех, и от других... Да и кроме того я слишком вытянулась, была худющей и чернявой, меня прозвали «дурнушкой». (*Самодовольно поглядывая в зеркало.*) С тех пор я изменилась!..

Ракатель (со вздохом). Да, очень изменилась!..

Адель. В один прекрасный день являешься ты... Ты встретил папашу Шовело на каторге, в Африке; перед смертью он просил тебя позаботиться обо мне. Глупости все это!.. Опять мне припомнилось время, когда семья вот у меня где сидела!.. Бог мой, как счастливы подкидыши: по крайней мере, им никто не ставит в вину, что они дети своих родителей!.. (*Помолчав.*) Но с тобой все вышло иначе: ты являешься, ты мил, любезен, добр ко мне, как никто не был добр до сих пор. Ты покупаешь мне платье, новое платье!.. Из полушерстянки по пятнадцати су за метр.

Ракатель (обиженно). Тогда я не мог заплатить дорожке.

Адель. Знаю, глупыш!.. Разве мои самые шикарные туалеты доставляли мне когда-нибудь столько удовольствия, сколько доставило то чудесное платье?.. Ты воед меня в винный погребок и угощал разливным вином по тридцати сантимов за литр, а ведь обычно я ела сухой хлеб и запивала его водой. (*Подражая мужскому голосу.*) Гарсон, отбивную, да пожирнее для барышни! Как мы с тобой пировали... Да и кроме того, ты не бил меня,

разговор у тебя был деликатный, не то что у других мужчин, ты послал шюртук, у тебя были маленькие усики и длинные волосы, ты походил на артиста!.. По вечерам ты ждал меня у двери мастерской, и это бесило девушек, у которых не было поклонников!.. Я гордилась тобой, я обожала тебя!..

Ракатель (растроганно). Да! (*Вздыхает.*)

Адель. Но у тебя не было ни гроша, бедняжка ты мой! Ты без конца говорил о мастерской, о работе и почти ничего не зарабатывал... Это тяготило тебя, понимаю... Гнать спину десять часов подряд, чтобы обогащать хозяина, который смотрит, как ты работаешь, и платит тебе ровно столько, чтобы ты не умер с голоду,— совсем не весело!.. Тогда-то по примеру столько других ты попробовал заняться маклерством, делами... На бирже немало людей, которые начали с этого, мысль была недурна, но тебе не повезло. Да и к тому же, мне кажется, ты не очень-то изворотлив для такого занятия... Честность погубила тебя!.. Словом, мы оказались на мели, а потом стряслась беда... Ты очутился в тюрьме, я на улице. Сколько слез я пролила... Что мне было делать? Броситься в воду?.. Отравиться газом?.. Сознайся, это польстило бы твоему самолюбию!..

Ракатель (нетерпеливо). Но ведь потом я умолял тебя вернуться.

Адель (задумчиво). Когда ты попросил меня вернуться, было уже поздно, я привыкла жить по-другому... Прежде я не задумывалась о завтрашнем дне, довольствовалась малым, но испробовав иной жизни, я возненавидела нищету... Я поняла, что лучше пообедать в ресторане, чем в кафе, что хо-

рошее платье красивее и лучше греет, чем отрепье... Правда, денег у меня не было, но меня считали хорошенькой и постоянно твердили мне об этом. А красота — это капитал. И я пользуюсь своей красотой наподобие буржуа, живущего на проценты с капитала. Если бы ты мог дать мне хоть самое необходимое, я вернулась бы, ведь я все еще люблю тебя... в глубине души... Но я одергиваю себя... Ты никогда не выбьешься из нищеты.

Ракатель. Вот и ошибаешься... Напротив, в недалеком будущем у меня будет куча денег.

Адель (смеясь). Да, совсем забыла, ты же организатор общественных собраний. Забавное ремесло! И оно в самом деле может прокормить человека? По мне лучше показывать какие-нибудь диковины на ярмарке! Что это еще за новая затея?

Ракатель (обиженно). Это не затея... Я могу выколачивать здесь каждый вечер от двадцати до тридцати франков чистоганом...

Адель. Какой-нибудь месяц, полтора, а то и меньше... При первом же скандале зал прикроют, а ты попадешь за решетку... Видишь ли, Эдуар, все это так же несерьезно, как и моя работа в мастерской, а ведь я басонщицей была! Двенадцать часов гнуть спину за тридцать су в день и полгода сидеть на мели из-за безработицы... Вот что, приходи ко мне завтра, я буду одна, мы поужинаем, побеседуем о добром старом времени и о других вещах. (Видя, что он колеблется.) Ну как, придешь?

Ракатель. Ладно, приду.

Адель (целует его). Полно же, улыбнись своей крошке. Не надо дуться... Почему ты не хотел видеть меня, глупыш, с тех пор, как я?.. Ведь кукол-

ки, вроде меня, на полу не валяются! Словом, жду тебя завтра. Договорились. До завтра.

Ракатель (целует ее). До завтра.

Адель (расправляя юбку и показывая хорошо обутые ножки в белых чулках). Признаться же, что я больше нравлюсь тебе в таком наряде, чем когда-то в моем выцветшем капоре, в старой шали, в серых чулках и дырявых ботинках, подбитых гвоздями... Помнишь, как они шлепали по воде? Хлюхлюхлю! (Уходит.)

Ракатель (задумчиво смотря ей вслед). В общем-то, она права!..

Явление VI

Те же, Ракатель, кассир, затем Постреленок, Руйак и Жанна Бодуен. Проводив взглядом Адель Шовело, Ракатель опускается на стул кассира возле двери. Приходят рабочие, платят и садятся в глупине зала; Ракатель машинально собирает плати за вход.

Постреленок (входя). Я не плачу! Я свой! (Является кассир и заменяет Ракателя, который поднимается на трибуну, чтобы расставить там стулья.)

Руйак (вперед Жанну Бодуен). Входите, детка, входите! Как хорошо, что вы бываєте на наших собраниях. А Бодуен, ваш дядя?

Жанна (в опрятном рабочем платье). Я оставила его с приятелем в двух шагах отсюда, в винном погребке. Он скоро придет. Очень рада вас видеть (отдает ему маленький сверток). Вот, возьмите, я собрала эти деньги у себя в мастерской в пользу

политических заключенных. Голько здесь больше медяков, чем золотых монет.

Руйак Не важно, от всего сердца благодарю вас от имени обездоленных семей наших несчастных товарищей. *(С чувством.)* Вы все так же добры и хороши собой!

Жанна *(смущенная комплиментом)*. Полно, полно, вы всегда меня нахваливаете. Помогите-ка мне пробраться к трибуне, хочется слышать все, что скажут ораторы.

Руйак К вашим услугам, мамзель Жанна. *(Они пробираются между скамьями; Бонналь, делавший вид, что читает объявление, заметил вошедшую Жанну. Он следует на расстоянии за Руйаком и за ней, прикрыв лицо носовым платком.)*

Явление VII

Ракатель на помосте; Руйак, Жанна Бодуен и Бонналь в зале. Кассир, Постреленок, затем Матуйе.

Матуйе *(внешность, походка и манеры мечтателя; он входит в зал, смотря на часы, с бумагами и книгами под мышкой)*. Без десяти восемь. Едва останется время, чтобы просмотреть мою речь и добавить к ней несколько цигат. *(Проходит по сцене и садится на место Бонналя, возле лампы; перелистывает исписанные страницы, заглядывает в книги, равнодушный ко всему окружающему)*.

Постреленок *(смотря ему вслед, лукаво)*. Болгун! Этот незунт Ракатель называет его в лицо не иначе, как «глазезь премудрости», «украшение наших собраний»... Слова, слова и пустословие!..

Кто это? Неужто великий Дюбрэ-Флошен, ловкач-адвокат, привел сюда даму в платье со шлейфом?

Явление VIII

Те же, Дюбрэ-Флошен, холеный человек, типичный юрист-демократ; г-жа де Вернэ, просто и со вкусом одетая дама; при выходе на сцену они продолжают начатый разговор.

Дюбрэ-Флошен *(г-же де Вернэ)*. Мне придется покинуть вас ненадолго, когда я буду выступать, постараюсь устроить вас как можно лучше. *(Бросая на стол несколько медяков, кассиру.)* Не могли бы вы так устроить эту даму, мою родственницу, чтобы она все хорошо видела и слышала, а сама оставалась незамеченной?

Кассир *(смущенно)*. Не представляю себе...

Постреленок *(всматриваясь в г-жу де Вернэ)*. Где, черт возьми, я видел эту даму? *(Стараясь вспомнить.)* Ба, да это та самая дама, которой я отнес письмо от Бриия неделю назад. Она очень богата, живет в красивом доме на Севрской улице и имеет, можно сказать, целую армию слуг. *(Подойдя к кассиру.)* Знаете, любезный, вам не хватает смекалки, да и учтивости тоже: почему бы вам не устроить эту госпожу *(отвешивает поклон в сторону г-жи де Вернэ)* в гардеробной? Там ей будет удобно.

Дюбрэ-Флошен. Я не подумал об этом. *(Г-же де Вернэ.)* В самом деле, вам будет превосходно в гардеробной, комнатка очень чистенькая. Вы все услышите и увидите, а о вашем присутствии никто не догадается. Благоводите пройти

туда за мной. *(В сопровождении Постреленка под-
ходят к двери в гардеробную).*

*Постреленок (услужливо распахивая дверь
перед г-жой де Вернэ).* Пожалуйте, сударыня, вам
будет здесь так же уютно, как дома, и не менее
удобно, чем в ложе Гранд-Опера!

*Г-жа де Вернэ (окидывая взором гардероб-
ную).* Правда, здесь хорошо. *(Дюбрэ-Флошени.)*
Какой вопрос обсуждается на собрании?

Дюбрэ-Флошен. «Об организации труда», так
значится в повестке дня.

Г-жа де Вернэ. А кто выступает?

Дюбрэ-Флошен (не без фатовства). Я сам,
сударыня, затем Матуе и Бодуен.

Г-жа де Вернэ (разочарованно). И больше
никто?

*Постреленок (поспешно вмешиваясь в раз-
говор).* И кроме того Брийа, народный любимец,
шикарный оратор: публика встречает и провожает
его овациями... Вот увидите, сударыня.

Г-жа де Вернэ. Гражданин Брийа, в самом
деле? *(Дюбрэ-Флошени.)* Но вы же знаете его,
встречались с ним у меня.

Дюбрэ-Флошен (холодно). Прекрасно знаю.

Г-жа де Вернэ (с любопытством). И какого
вы мнения о нем?

Дюбрэ-Флошен. Человек он талантливый, но
пропащий, сам себя погубил!..

Г-жа де Вернэ (удивленно). Как так?

Дюбрэ-Флошен. Адвокат без клиентов, без де-
нег или, точнее, без средств, Брийа бросает Дворец
правосудия ради политики. Хорошо. Становится
демократом. Прекрасно! Это сулит ему велико-
лепное будущее!.. И вот, после нескольких удачных

выступлений в печати и на собраниях, которые
сразу же выдвигают его и даже доставляют ему
неслыханную честь быть принятым в вашем доме...
Г-жа де Вернэ. Действительно...

Дюбрэ-Флошен. И вот, повторяю, этот несча-
стный преступает все границы. Вместо того, чтобы
извлечь пользу из своего положения, занять место
в нашей когорте, где он вскоре стал бы одним из
руководителей, он, вопреки рассудку, дает волю
чувствам, закусывает удила. И вот однажды он при-
нимается громить с трибуны людей самых уважа-
емых, а на следующий день в статье, превосходно,
должен сознаться, написанной, восстает против
наших традиций и доказывает, что они ничего не
значат, нигде не ведут, ничего не стоят...

Г-жа де Вернэ (с живейшим интересом). Но,
важно знать, прав ли он.

Дюбрэ-Флошен. Тысячу раз прав, в этом-то
и вся беда, так как он нажил себе врагов. Я скорее
бы руку себе отрубил, чем стал бы писать о подоб-
ных истинах, а, однако, я богат... Короче говоря,
его отовсюду прогнали, пишет он лишь в газетах,
которые ничего не платят авторам, нигде не быва-
ет за неимением фрака и видится только с бывши-
ми мятежниками, сосланными после июньских со-
бытий *(иронически)*, — очевидно, чтобы лучше изу-
чить свою тему, ибо он намерен реабилитировать
это восстание перед судом истории. А это худшая
из его оплошностей: когда общественное мнение
создалось, его уже не изменишь.

Г-жа де Вернэ. Правда ли, что эти арестанты
были настоящими разбойниками? Брат сражался с
ними и рассказывает о них всякие ужасы! *(С лю-
бопытством.)* Есть здесь кто-нибудь из них?

Дюбрэ-Флошен. Вот, например, тот старик, который идет сюда (*понизив голос, скороговоркой*), был арестован с оружием в руках на самой большой баррикаде Сент-Антуанского предместья. (*Горько пожимая руку Руйаку, который подходит к нему.*) Как поживаете, гражданин Руйак, хорошо? *Руйак.* Помаленьку, на здоровье не жалуюсь. (*Он неловко кланяется и-же де Вернэ и скромно отходит в сторону.*)

Г-жа де Вернэ (*изумленно*). И этот славный человек — июньский инсургент? У него такое хорошее лицо!

Дюбрэ-Флошен. И это не обман. Он превосходный человек. Несколько простоват, простодушен, но человек верный, мужественный, достойный уважения. Он — друг Брийа.

Явление IX

Те же на тех же местах. Постреленок на трибуне, у стола, куда он со смешными ужимками ставит стакан воды. Мужчины и женщины из народа, Пьер Бодуен в толпе отвечает на многочисленные рукопожатия; зал заполняется, становится шумно, слышится скрип передвигаемых скамеек. Комиссар и писец поднимаются на помост, и Руйак усаживает обоих на приготовленные для них стулья.

Г-жа де Вернэ (*к Дюбрэ*). Сколько народу!

Дюбрэ-Флошен. Это рабочие с соседнего металлургического завода. Здесь всегдалюдно по вечерам.

Г-жа де Вернэ. А среди работниц много хороших. Взгляните вон на ту высокую блондинку!

Несмотря на строгий вид, она, право, прелестна в своем поношенном дождевике и в простеньком платье с ослепительно белым воротником! Бог мой, как немного надо, чтобы одеться со вкусом!..

Дюбрэ-Флошен. Та стройная блондинка, рядом с Бодуеном? Да это его племянница Жанна, самая красивая девушка квартала.

Г-жа де Вернэ. Она прехорошенькая! Так значит, этот коренастый рабочий с открытым лицом ее дядя? Право, у него красивая внешность... (*Смеясь.*) И он тоже инсургент?

Дюбрэ-Флошен. Да, сударыня, бывший начальник баррикады... А его брат, хромой безобидный человек, полатился жизнью вместо него... Был расстрелян мобилиями. Так что по возвращении из ссылки Бодуен воспитал его осиротевшую дочь. Он же воспитал мальчика, того, что проказничает на помосте. Ребенок остался без отца, попавшего на заводе в машину... Бодуен — тоже друг Брийа. Он прожил хорошую, настоящую жизнь.

Г-жа де Вернэ (*с затаенной тревогой*). Господин Брийа знаком с Бодуеном и его племянницей?.. И часто у них бывает?

Дюбрэ-Флошен. Очень часто. Они близкие друзья.

Г-жа де Вернэ (*пытаясь подавить волнение, входит в гардеробную и, как только Дюбрэ-Флошен удалился, говорит с досадой*). Все ясно! Вот почему он пренебрегает мною, вот почему перестал бывать на моих вечерах; теперь, чтобы увидеть его, мне приходится ходить на такие собрания. Уверена, что он любит племянницу Бодуена. (*Прикладывая руку к сердцу.*) Сердце не обмануло меня... Я хорошо сделала, что пришла... Быть может, я

многое узнаю... По крайней мере, пойму в чем дело... Но куда запропастился Жак?.. (*Приподнимает занавеску на окне, выходящем в зал, и, взволнованно, тревожно вглядывается в лица собравшихся.*)

Явление X

Зал полон. Ракатель, Руйак, Матуйе, Дюбрэ-Флошен, полицейский комиссар и писец сидят на помосте, 2-жа де Вернэ в гардеробной. Наступает тишина.

Ракатель (вставая). Граждане, сегодня у нас собралось много народа. Как вам известно, мы взяли за правило избирать демократическим путем председателя каждого собрания. (*Крики «браво».*) Прошу выдвигать кандидатуры...

Голоса (отовсюду). Руйака! Руйака!

Ракатель. Назван только один кандидат. Остается выяснить, имеются ли противники избрания гражданина Руйака и не большинство ли их в зале. Прошу тех, кто против избрания гражданина Руйака, поднять руку. (*Никто руки не поднимает.*) Гражданин Руйак избран председателем собрания единогласно. В качестве помощников председателя предлагаются граждане Рено и Мартен. Прошу тех, кто против их избрания, поднять руку. (*Поднимается лишь несколько рук.*) Помощниками председателя избраны граждане Рено и Мартен, последний назначается секретарем собрания. (*Руйак садится между своими помощниками в дальнем конце помоста, где уже находятся Матуйе и Дюбрэ-Флошен.*)

Руйак (вставая). Граждане, объявляю собрание открытым! (*Обращаясь к Ракателю.*) Повестка дня? (*Ракатель передает ему листок бумаги.*) Прежде чем огласить повестку дня, мне хотелось бы поблагодарить присутствующих за то, что они избрали меня председателем собрания. Я обязан этой честью не личным моим достоинствам — они невелики, ведь я простой рабочий. Но вы пожелали, конечно, почтить мои седые волосы, воздать мне дань, как бывшему защитнику баррикады Сен-Мери¹⁴, как человеку, сосланному после июньских событий, которого Барбес¹⁵ называл своим другом. Благодарю вас. (*Продолжительные аплодисменты. Разворачивает бумагу и читает.*) Повестка дня. Вопрос об организации трудящихся и об их отношении к капиталу и к собственности. Первым выступает гражданин Матуйе. (*Повысив голос.*) Слово предоставляется гражданину Матуйе.

Постреленок (у подножия трибуны). Болтун! От него мухи и тедохнут... Смотрите, как бы и вам не окачуриться. (*Смех в зале.*)

Руйак (с достоинством). Тише! Собрание продолжается.

Матуйе (с трибуны). Граждане, ораторы, выступавшие на предыдущих собраниях по важному вопросу о труде, к сожалению, делали это довольно бессистемно. (*Голоса: «Подумаешь!»*) Вместо того, чтобы обратиться прежде всего к истории вопроса, они сводили все...

(*В эту минуту в зале поднимается оглушительный шум, неожиданно прерывающий оратора.*)

Явление XI

Те же, Брийа. Входит Брийа и чуть ли не бегом направляется к трибуне. Пожав руку Руйаку, он что-то говорит ему вполголоса.

Голоса в зале. Брийа! Брийа!

Г-жа де Вернэ (выглядывая из окна гардеробной). Наконец-то пришел!.. *(Тревожно)* Но почему он так бледен? И как будто взволнован? Боже мой, что с ним случилось? Что он собирается сказать?.. Я дрожу от страха!..

Руйак. Слово предоставляется гражданину Брийа *(аплодисменты)* для важного сообщения. *(Движение в зале, затем полная тишина.)*

Матуйе (обиженно). Но извините, гражданин председатель, я еще не кончил..

Руйак. Вы продолжите свою речь после этого сообщения.

Брийа (отстраняя Матуйе, занимает его место на трибуне). Граждане! *(Крики «браво», Руйак звонит в колокольчик, чтобы восстановить тишину.)* Граждане, я вижу, как и следовало ожидать, что вы ничего не знаете об ужасном событии, которое взбудоражило весь Париж... *(Голоса: «Что случилось? Слушайте, слушайте!»)* Сегодня в два часа дня мой друг, редактор, как и я, в «Марсельезе»¹⁶, двадцатилетний парень, сильный, здоровый, жизнерадостный, был убит одним из Бонапартов¹⁷... *(Взрыв негодования, крики, полицейский комиссар встает и обращается к президиуму собрания, но его слова тонут в общем шуме; Ракатель тоже встает, вид у него напряженный, испуганный; он пытается в чем-то убедить Брийа, но тот отрицательно качает головой; Бодуен поднимается из за-*

ла на помост; Бонналь садится на освободившееся место Бодуена возле Жанны; Руйак изо всех сил звонит в колокольчик.)

Постреленок (по-прежнему стоя у трибуны, пронзительным голосом). Слушайте конец истории о преступлении прохвоста из династии Бонапартов. Им не привыкать к таким делам. *(Воцаряется тишина.)*

Комиссар. Запрещаю обсуждать здесь этот случай!

Брийа. Продолжаю, несмотря на запрещение. *(Очень громко.)* Этот молодой человек явился как секундант к Бонапарту, чтобы выяснить условия дуэли. Вы знаете, что личность секунданта неприкосновенна, священна. *(Крики: «Да, да!»)*

Комиссар (успевший надеть перевязь). Именем закона объявляю собрание закрытым! Заново в протокол слова, сказанные с этой трибуны и в зале. Прошу добропорядочных граждан разойтись, иначе я буду вынужден применить силу! *(Надевает фуражку и что-то диктует писцу. Шум, крики. Ракатель яростно спорит с Руйаком, Бодуеном и Брийа, многие уходят).*

Руйак (громко). Граждане, бюро не согласно с этим запрещением, собрание продолжается. *(Крики: «Браво! Браво!»)* Прошу занять места и соблюдать тишину. Слово предоставляется гражданину Бодуену, он выступит по поводу убийства и против закрытия собрания. *(Аплодисменты.)*

Постреленок (по-прежнему стоя у трибуны). Ну, и жарко же будет!.. Браво, папаша Бодуен! *Комиссар.* Я ухожу, но скоро вернусь, мои подчиненные неподалеку. Все нужные меры приняты. *(Уходит в сопровождении писца, многие трусы следуют за ним.)*

Явление XII

Те же, без комиссара, писца и ушедших граждан.

Бодуен (Ракателю, который в отчаянии готов рвать на себе волосы). Дай мне ключ от газового счетчика.

Ракатель. Что вы собираетесь делать? Прошу вас, меня хоть не компрометируйте. *(Умоляюще.)* Вы же знаете, зал для собрания нанят на мое имя. *Бодуен.* Тебя компрометировать?! Уж больно ты робок для бывшего ссыльного! Неужто такие люди, как мы, побоятся провести несколько дней за ре-

шеткой? *(Властно.)* Дай ключ от счетчика, ну, живо! *(Ракатель нехотя вручает ему ключ.)* *(Бодуен зовет.)* Постреленок!

Постреленок (вбегая на помост). Здесь, я здесь, папаша Бодуен. *(Подходит к Бодуену.)*

Бодуен (вручая ему ключ от счетчика). Возьми ключ, встанешь возле счетчика и выключишь газ, как только придет полиция...

Постреленок. Ясно, папаша Бодуен! Пиф! Паф! Мы расколошматим легавых! Вот так здорово!.. На мой взгляд их развелось слишком много.

Бодуен (к аудитории в то время как Постреленок занимает свой пост). Ну вот, мы теперь среди своих, это оказалось не трудным. *(Люди понемногу выходят в дверь между залом и гардеробной. Голосом оратора.)* Граждане, поменьше слов, побольше дела. *(«Да, да!»)* Предлагаю... *(«Слушайте!»)* Предлагаю отправиться за телом Виктора Нуара. Как нам стало известно, убитого перенесли в Нейи, к его брату... *(«Правильно!»)* Мы отнесем его в редакцию «Марсельезы»¹⁸ на Абукирской улице!.. *(«Браво!»)* Оттуда и отправится погребальное шествие! Жертву Бонапарта будет провожать на кладбище внушительная процессия. Весь народ пойдет за его гробом мимо Тюильри. Пусть декабрьский убийца¹⁹ видит нас собственными глазами! *(Оглушительные крики «браво».)* Идемте, граждане, идемте скорее, нельзя терять ни минуты... Мы отправимся разными путями, чтобы помешать полиции произвести массовые аресты... Ступайте к воротам Терн!.. У кого есть оружие, прошу прихватить его с собой. *(«Да, да!»)* *(Люди осаждают помост, что-то оживленно говорят. Слышатся голоса: «Есть у нас оружие!» Одни потрясают револьверами и палками со скрытыми в них*

клинками, другие потихоньку покидают зал. Дюбрэ-Флошен спускается с помоста и идет в гардеробную к г-же де Вернэ.)

Руйак. Да, граждане, пора покончить с империей, которая силой завладела властью и держится только на штыках.

Голос. Но штыки-то у нее остались! И солдаты, пожалуй, откроют по нас огонь, как в Обене²⁰. (Шум. Комиссар, двое офицеров и множество полицейских столпились у двери. Комиссар с перевязью через плечо еле сдерживает пыл своих подчиненных, некоторые из них уже обнажили сабли.)

Явление XIII

Те же, полицейский комиссар, офицеры,
полицейские

Голос. Полиция!

Другой голос. Собаки! У них сабли наголо! Им бы только убивать людей. (Шум, женские крики, толпа бросается к боковому выходу, отгесняя Дюбрэ-Флошена от гардеробной, где находится г-жа де Вернэ.)

Г-жа де Вернэ. Боже мой, что-то будет?.. Едва держусь на ногах... Не за себя я боюсь, за Жака!.. В такие минуты понимаешь, что любишь человека!.. Комиссар (надменно). Собрание это запрещено мною. Все, кто находится здесь, собрались незаконно. (Полицейским.) Прошу очистить помещение! И задержать следующих лиц: Бодуена, Руйака, Рено, Мартена, Ракателя и Бриия.

Г-жа де Вернэ. Бриия! Его тоже арестуют... Господи!

Бодуен (кричит). Постреленок!

Постреленок (выключая газ). Готово дело!.. Побарахтайтесь-ка в потемках господа фараоны! (Полицейские, вошедшие во главе с офицером в опустевший зал, нерешительно останавливаются в наступившей темноте. Продолжают слабо мерцать лишь два-три газовых рожка. На сцене почти ничего не видно.)

Комиссар (гневно). Смеее шутишь с представителями власти! Еще одно преступление?! Но вы и за него ответите перед законом.

Постреленок (насмешливо). Преступление?! Наглости у него хоть отбавляй! В выражениях господин комиссар не стесняется.

Комиссар (вне себя, полицейским). Главное, арестуйте Бодуена. Это он велел потушить газ, я узнал его голос. Задержите его и доставьте мне живого или мертвого!

Жанна (в ужасе). Боже мой! Дядя! Они убьют его!.. (Лишается чувств и падает на руки Бонналя; они сидят оба в самом темном месте зала.)

Постреленок (удивленно). Мне послышался голос мамзель Жанны. (Прислушивается. Помещение почти очищено от народа. Полицейские с саблей в руке продвигаются в глубину зала, а комиссар с другими подчиненными охраняет главный вход. Несколько полицейских безуспешно пытаются зажечь газовые рожки.)

Дюбрэ-Флошен (прижатый к стене между грибукой и маленькой дверкой). Быть демократом неплохо, это открывает широкие возможности; но важно не скомпрометировать себя и, главное, не попасть под арест. Квартал окружен... Спрячусь-ка вот тут, это надежнее всего!.. Вылезу на свет бо-

жий, когда полиция уйдет. (Прячется под помостом для оркестра, задрапированным крашенным холстом.) Черт возьми! Не станут же они разыскивать меня здесь!

Явление XIV

Те же, Бодуен, Руйак, Матуйе, Рено, Мартен, Брийа, посоветовавшись вполголоса на помосте, быстро спускаются в зал, откуда осторожно расходятся в разные стороны, намереваясь выбраться на улицу как кому удастся. Постреленок спокойно сидит на счетчике и прислушивается; г-жа де Вернэ по-прежнему находится в гардеробной; на скамейке, в темноте, Бонпаль поддерживает бесчувственную Жанну; Дюбрэ-Флошен прячется под трибуну; всем остальным удалось уйти через маленькую дверку, которая осталась приотворенной; полицейские приступом занимают помост; комиссар, офицеры и другие полицейские по-прежнему охраняют главный вход, наиболее темное место на сцене.

Г-жа де Вернэ. Они хотят арестовать Брийа!.. Я должна его спасти!.. Надо найти его, привести сюда, здесь он будет почти в безопасности!.. Ведь стоит ему попасть под арест... и его засудят... Женщина ничем не рискует... (Выходит из гардеробной.) Но как отыскать его? Ни зги не видно. (Руйак, Матуйе, Ракатель, Рено и Мартен, проскользнув вдоль правой стены, скрываются за маленькую дверку.)

Явление XV

Те же, без Руйака и его товарищей. Бодуен и Брийа пробираются по залу, не замечая друг друга и намереваясь отдаться в руки полиции. Г-жа де Вернэ разыскивает Брийа, которого она увидит, лишь столкнувшись с ним; другие действующие лица занимают указанные выше места.

Бодуен (в сторону). Строго говоря, я выполнил свой долг: теперь мне не к чему избегать ареста! В тот день, когда титулованные особы безнаказанно совершают убийства, честные люди должны ночевать в тюрьме. Это в порядке вещей!

Брийа (в сторону, решительно). Я уверен, что несмотря на встречу, назначенную в «Марсельезе», Бодуен даст себя арестовать. Я не оставляю его одного. (Пробираясь в темноте, наталкивается на г-жу де Вернэ.) Женщина?!

Г-жа де Вернэ (взволнованно). Это он! Как будто его голос? Это вы, Жак? Идите...

Брийа. Госпожа де Вернэ? И вы пришли сюда, Элен?

Г-жа де Вернэ. Да, и как раз во-время, чтобы спасти вас! Идите...

Брийа (озадаченно). Куда?..

Г-жа де Вернэ. Идите, идите! Я так хочу!.. Я все вам объясню... (Брийа позволяет увести себя; г-жа де Вернэ прячется с ним в гардеробной.)

Явление XVI

Те же, на прежних местах, только Бодуен находится уже в нескольких шагах от полицейского комиссара; г-жа де Вернэ и Брийа в гардеробной; полицейские шарят по помосту, опрокидывают мебель.

Комиссар (властно). Скоро вы кончите? Арестовали хоть кого-нибудь?

Голоса (с помоста). Никого нет, они все ушли.
Комиссар (гневно). А Бодуен? Видно, у зала два выхода. Мне следовало догадаться об этом...

Бодуен (в двух шагах от полицейских). Бодуен? Я здесь! *(Полицейские, дежурящие у входа, окружают его.)*

Комиссар (торжествуя). Да, это он, узнаю его по голосу! Арестуйте его!.. Вот уже два года, как он будоражит весь мой округ! Он заплатит мне за это... *(Полицейским, находящимся в зале.)* Все сюда — и в путь! Бодуен арестован — это главное. Остальных без него не подобешь на мятеж!.. *(Полицейские окружают комиссара.)* Все здесь?

Офицер. Да, все двадцать человек.

Комиссар. В таком случае, идем! И не спускайте глаз с пленного. *(Уходят, уводя с собой Бодуена.)*

Явление XVII

Те же, на тех же местах, без полицейских и Бодуена.

Постреленок (соскакивая со счетчика) Все конч.че.но.. Кончено!.. Так и думал, что этим кончится!.. Папаша Бодуен верен себе!.. Какая голо-

ва!.. Какое сердце!.. И подумать только, что он мне вроде бы родного отца!.. *(Прислушиваясь.)* Но что за шум?.. Разве не все легавые смылись?.. Надо смотреть в оба *(Во время этого монолога Дюбрэ-Флошен вылез из-под помоста и идет, держась рукой за стену, к маленькой дверке; он уже приблизился к ней, когда раздался шум шагов, привлечший внимание Постреленка: это Брийа и г-жа де Вернэ, выйдя из гардеробной, тоже направилась к маленькой дверке.)*

Г-жа де Вернэ (рядом с Брийа). Да, я хочу знать, почему вам непременно надо заниматься политикой, бегать по собраниям, ежедневно рискуя угодить в тюрьму... А ведь стоит вам захотеть *(с ласкающими нотами в голосе)*, и мы будем так счастливы с вами, любовь моя *(Они прошли мимо Дюбрэ-Флошена; Брийа отворяет маленькую дверку, они выходят и закрывают ее за собой.)*

Явление XVIII

Дюбрэ-Флошен (гневно, на сцене). «Моя любовь!» Обманщица! Кокетка!.. А я-то добивался ее руки, хотел жениться на ней!.. Но как может она любить этого Брийа, человека погибшего, архипогибшего?.. Ведь я говорил ей, что он себя погубил и сам виноват в этом. Но... но... я отомщу!.. *(Стремительно уходит.)*

Явление XIX

Те же, без Дюбрэ Флошена.

Постреленок (тоже направляясь к маленькой дверке). Скажи пожалуйста, Дюбрэ-Флошен! Откуда он взялся?.. Он отомстит! Кому, спрашивается? Уж не Бри́йа ли? Легче на поворотах! Бри́йа мне друг, черт побери! Дюбрэ, видите ли, не по вкусу, что Бри́йа приглянулся этой разодетой даме. Мне это тоже не по вкусу: я уверен, что и мамзель Жанна по уши влюблена в Бри́йа, а он...

(Подскакивает на месте.)

Голос Жанны (очнувшейся в глубине сцены). Помогите! Помогите!

Постреленок. Что это? Голос Жанны! Скорее к ней! Уж не фараоны ли там? *(Пробирается в темноте среди скамеек; слышится шум борьбы, затем слова.)* Подлец! Негодай! *(Наконец звук выстрела, и немного спустя Постреленок появляется на сцене, поддерживая Жанну, едва стоящую на ногах.)* Будь что будет! *(Увлекая за собой Жанну по направлению к маленькой дверке.)* А что, если я его убил?.. *(С ужасом.)* Бежим!..

Занавес

3-е действие — «ОСАДА ПАРИЖА»

3-я картина —
«ЧЕТВЕРТОЕ СЕНТЯБРЯ»².

Действующие лица:

Те же действующие лица, что и во 2-й картине, но без полицейского комиссара и писца.

Кроме них:

Дюран, мелкий лавочник, 50 лет.

Эжен, гарсон из кафе, 28 лет.

*Гамбетта*²², виден лишь издалека.

*Рошфор*²³ и его сын, видны лишь издалека.

Г-жа Бри́йа, 60 лет, мать Жака Бри́йа, буржуазная дама, заядлая реакционерка.

Национальные гвардейцы, народ.

Действие происходит 4 сентября 1870 года.

Площадь Ратуши. На первом плане Жеврская набережная. Немного дальше, слева от зрителей кафе, расположенное на углу площади и набережной. За ним здание Общества Социальной Благотворительности, проспект Королевы Виктории, кафе, лавочки и наконец кафе Национальной гвардии — все эти дома видны сбоку. Справа от зрителей Ратуша, тоже стоящая боком к ним. В глубине сцены улица Риволи и начало улицы Тампль.

Адель Шовело, затем Эжен; национальные гвардейцы, вооруженные и безоружные, проходят по сцене, направляясь к Законодательному корпусу. Часы на Ратуше бьют одиннадцать.

Адель Шовело (на ней кричащий, но уже поблекший туалет; она выходит с проспекта Королевы Виктории и садится за один из столиков, расставленных на улице; жеманно стучит кончиком зонта по столу). Гарсон!.. Кружку пива!

Эжен (кричит из кафе). Несу! Несу!.. (Более низким голосом.) Кружку пива на террасу!.. Одну!.. (Появляется в двери кафе, держа обеими руками поднос с кружкой пива, и останавливается перед Аделью.)

Адель (не глядя на гарсона). Спасибо! (Поднимает наконец голову и узнает Эжена.) Как, это ты, Эжен?.. Неужто ушел из «Мадрида»?

Эжен. Да, со вчерашнего дня...

Адель Шовело. Тебе отказали?

Эжен (задетый). Отказали... мне-то? Что ты! Это я по своему обыкновению отказал хозяину... (Таинственно.) На то были серьезные причины, и вот я здесь.

Адель (пренебрежительно осматривая кафе). Здесь!.. В этой пивнушке!.. (Смеется.) Уж не из-за любви ли к хозяйке заведения?

Эжен. Никогда не бегал за женщинами. В нашем положении стоит лишь пальцем поманить...

Адель Шовело. Почему же в таком случае ты ушел из «Мадрида»?

Эжен (опираясь двумя пальцами о стол, встает как танцор на носок левой ноги и говорит с хитрой

усмешкой, играя цепочкой от часов). О, я парень что надо! Занимаюсь своим делом не иначе, как с учетом политических задач. Предвидеть события — мое преимущество; действовать в соответствии с этим — мое право. Главное, не попасть пальцем в небо!.. Выслушай меня внимательно и постарайся понять, что к чему... Империи крышка... Баденге²⁴ влип в Седане... Революция на носу. Так вот, в такое время политическим центром становится Ратуша. Она, видишь ли, как бы новый Тюильрийский дворец для революции и для революционеров... С Бульварами покончено, по крайней мере на время... эти господа туда не пойдут.

Адель Шовело. Эти господа?! Какие господа? Эжен (улыбаясь). Тебе еще не надоело ломаться и корчить из себя дуру? Какие господа? Ведь ты только с ними и водишься... оголодавшие журналисты и политики не у дел!.. Все мои клиенты и друзья, ничего не скажешь!.. Узнав, что я перекочевал из «Мадрида», они явятся сюда всем скопом... Сколько пивных кружек мне предстоит разнести!.. Адель Шовело. А что если Империя не рухнет?

Эжен (смеясь). Шутить!.. Да разве это возможно? (Оживляясь.) Ну скажи... положи руку на сердце... Или на тебя нашло затмение?.. Можем ли мы вынести такой позор?.. 80 000 пленных! И Баденге, который отдает свою шпагу, покуривая сигарету, вместо того, чтобы найти смерть в бою... Трус!.. (Сжимает кулаки.)

Адель Шовело. Знаешь, ты нравишься мне в этой роли. (Смеется.)

Эжен (возбужденно). И вот что выводит меня из себя! Этот болван, этот кретин, вместо того, чтобы

оставить в покое нашего славного Мак-Магона²⁵..
Национальный гвардеец (сидя за другой стол). Гарсон!..

Эжен (громко). Несу... несу... сударь! *(По-прежнему к Адели.)* Вместо того, чтобы отступить к Шалону, он смещает Фроссара²⁶ и Канробера²⁷. *(Национальный гвардеец, выйдя из терпения, стучит по столу, Эжен снова прерывает свою речь.)* Несу, сударь, несу! *(По-прежнему к Адели.)* Ему следовало бы вооружить Францию до зубов, воздвигнуть перед врагом железную стену... *(Национальный гвардеец снова стучит, Эжен поворачивается к нему лицом и шепчет.)* Ну и нахал! Видит же, что я занят.

Адель Шовело (пьет). Подай же бедняге кружку пива... ему пить хочется! *(Гарсон входит, ворча, в кафе; Адель, оставшись одна, в сторону.)* Прав этот идиот Эжен — здесь теперь лучше всего... Останусь-ка пообедать... Быть может, сейчас уже идет потасовка у Палаты депутатов!.. Впрочем, плевать мне на это. Только бы стать «добычей победителя», как говорит Меленг²⁸... Большого я не прошу... Да и, верно, Ракатель придет. Хоть бы на этот раз ему удалось выплыть... тогда посмотрим... *(Задумывается.)*

(Гарсон, обслужив национального гвардейца, подходит к Адели и продолжает прерванный разговор, указывая на проходящих по площади людей.)
Эжен. Вот видишь, начинается... Все эти люди отравились в Палату... А после зайдут сюда... Кто-то станет во главе?.. Генрих Пятый²⁹?.. Орлеаны³⁰? Или провозгласят республику? Ты за кого? За что?
Адель Шовело (пожимая плечами). Мне все едино...

Эжен. А мне нет... я предпочел бы республику... Да, республика вполне бы меня устроила... Видишь ли, я всегда работал в кафе либерального толка: «Ренессанс», «Фронтен», «Глазер», «Мадрид»... Знаком со всеми оппозиционерами... они со мною на «ты»... славные, веселые ребята, не гордые... и способные! Хотелось бы видеть их у власти... Это польстило бы моему тщеславию... да и, кроме того, я выиграл бы пари...

Адель Шовело (смеясь). Не беспокойся, выиграешь... *(Заметив отряд национальных гвардейцев, плохо одетых, но всех до единого вооруженных, во главе с Бодуеном, поспешно встает с места.)* Этого еще не доставало... Рабочие из предместья, участники июньских событий!.. Неподкупные... Не хочу, чтобы они видели меня!.. Попрошу Эжена послать ко мне Ракателя, если он придет. *(Скрывается за дверь кафе; Бодуен со своим отрядом выходит на сцену с улицы Риволи.)*

Явление II

Бодуен с солдатами и сидящий за столиком национальный гвардеец. Бодуен одет как попало: бархатные штаны, рабочая куртка, фуражка с офицерским галуном. Плетеная веревка служит ему поручеем. Саблю он держит в руке. Зато у сидящего за столиком гвардейца вполне благопристойный вид, характерный для лавочников, национальных гвардейцев времен Империи.

Бодуен (своим людям, увидев сидящего за столиком национального гвардейца). Вот он, защитник порядка. *(С горькой иронией.)* Один из тех,

кто так здорово отделил нас в июне с помощью мобилей... *(Приближаясь к авансцене.)* Э, да это гражданин Дюран! Он-то по крайней мере славный, достойный человек. *(Подойдя к столу национального гвардейца.)* Здравствуйте, гражданин Дюран.

Дюран (вскрикивая и подавая ему руку). Здравствуйте, гражданин Бодуен. *(Рукопожатие.)* Уже несколько минут я смотрю на вас и лишь с трудом узнал в этом наряде...

Бодуен. Наряд истинных патриотов, дорогой друг... *(с силой.)* В нем мы дрались с врагом да так, что никто не посмел бы нас упрекнуть. Не далее как вчера при ненавистной, а ныне опозоренной Империи население предместий или, вернее, мансард, словом, рабочий люд потребовал оружия, чтобы сразиться с врагом и отбросить его, если бы он приблизился к городу... но наши правители, которые боялись нас гораздо больше, чем пруссаков, отказались выдать нам оружие, рискуя оставить Париж без защиты; однако сегодня утром, при вести о разгроме под Седаном, о пизости коронованного Баденге, негодование оказалось столь сильным, столь всеобщим, что мэрии сразу пошли на попятную, и мы вооружились сами, чем могли. Дело не затянулось.

Дюран (заметив фуражку Бодуена). Но я вижу, вы стали капитаном?

Бодуен. А почему бы мне и не стать им? Сегодня утром, как только мы собрались в достаточном количестве и более или менее вооружились, было приступлено к выборам офицеров³¹.

Дюран (удивленно). К выборам?

Бодуен (насмешливо). Да, совсем забыл... У вас,

в войсках охраны порядка, офицеры назначались приказом императора... Словом, мы приступили к выборам офицеров, и товарищи единогласно выбрали меня своим командиром.

Дюран (радостно). Тем лучше! Тем лучше! Побольше бы таких офицеров, как вы! Вы честный человек, сторонник порядка и мира. *(Во время этого разговора солдаты, которые шли все время, не останавливаясь, по знаку Бодуена скрываются за углом Жеврской набережной.)*

Бодуен (холодно, с силой). Я прежде всего патриот и республиканец.

Дюран (слегка смутившись). Патриот! Все мы патриоты или должны быть ими... Я тоже патриот. Что до республики, дело не в форме правления... Словом, вы за мир... Только мир может нас спасти...

Бодуен (с жаром). Я за революцию.

Дюран (растерянно). За революцию?! Но, несчастный, ведь во Франции пруссаки...

Бодуен (воодушевляясь). Вот именно, и по-скольку регулярная армия терпела и терпит поражение за поражением, то лишь революция, лишь пробудившийся и хорошо вооруженный народ очистит Францию от пруссаков и, главное, от лодырей, интриганов и предателей, которые отдали ее...

Дюран (пытаясь успокоить его). Поговаривают, что у нас будет республика...

Бодуен. Буржуазная республика, как в 48 году?

Дюран. Но мне кажется, что оппозиция, левые...

Бодуен. Левые? *(Пожимая плечами.)* Находясь в оппозиции, они таякают из подворотни, а заподлав власть, сразу умолкнут, да еще возьмут за

горло людей, вместе с которыми надрывались от воплей при Империи.

Дюран (отнюдь не убежденный, с интересом). Вы так полагаете?..

Бодуен. Уверен!.. Буржуа принадлежат к разновидности животных, всегда готовых укусить тех, кто их кормит. Левые! Да ведь это подручные и выкомыши буржуазии. Это они воспользовались плодами февральской революции 48 года, а затем в июне того же года обратили оружие против нас и многих революционеров расстреляли. Это же те самые люди, которые проповедовали беспринципные и беспочвенные теории. Стоит им прийти к власти, и не далее как через полгода народу, трудовому народу не поздоровится... Вот почему мы хотим навести порядок в этом деле... Мы идем в Палату и, если удастся выбросить левых в окно ³², сегодняшний день не будет потерян... Вы с нами?..

Дюран. Нет, у меня здесь деловая встреча.

Бодуен. В таком случае, до свиданья. Бегу за свизми. (Рукопожатие. *Бодуен бежит вслед за своим скрывшимся отрядом.*)

Явление III

Дюран один

Дюран. Какое несчастье, что у этого честного, достойного работающего человека столь крайние убеждения! (Задумчиво.) Надо сознаться, буржуазия обошлась с ними сурово, жестоко; но ни тюрьмой, ни ссылкой не исправишь и тем более не перевоспитаешь подлинных революционеров. Напротив, все эти меры лишь ожесточают их, приводят в ярость... *Д*

и кроме того, в его нападках есть доля истины: в 1830 и 1848 годах буржуазия обманула народ, ничего не сделала для рабочих. (*Адель выходит из кафе и прогуливается взад и вперед по сцене в ожидании Ракателя, который появляется в эту минуту на площади со стороны улицы Риволи.*)

Явление IV

Дюран (вновь садится за столик, на котором он оставил недопитую кружку), *Адель Шовело* возле кафе, затем *Ракатель*.

Адель Шовело (сидя на террасе). Наконец-то ушли эти июньские мятежники, эти неподкупные!.. Попадут они в ловушку, как нить дадь!.. (Смотря на башенные часы.) Полдень!.. *Ракатель* не пришел... Однако я должна повидать его, поговорить с ним... И адреса его не знаю... (Осматривая площадь). Какой-то человек спешит сюда... Словно бы похож на него... да нет, это не он... И все же (всматриваясь) нет... он... и какой нарядный!.. Сбрил бороду!.. в белой рубашке!.. новой шляпе... Черт возьми! Уж не ограбил ли он почтовую карету?.. (Тем временем *Ракатель приблизился к кафе. Адель встает с места и идет ему навстречу.*) Здравствуй, милый, куда это ты бежишь?

Ракатель (горько). Ты здесь?.. В этой дыре, вдали от своего квартала...

Адель Шовело (насмешливо). Как это ты не догадался, что я жду тебя?.. Нарочно пришла сюда, еще час тому назад, но ты-то куда идешь?

Ракатель (оживленно). Куда иду?.. В Палату вслед за Бодуеном и другими... Мы выбросим оттуда

оппозиционеров, левых! С этими людьми надо покончить раз и навсегда!.. Уж не думаешь ли ты, что я все позабыл?.. Нет, помню: июньские дни, плавание тюрьмы... свою собачью жизнь... Это они во всем виноваты... Они втоптали меня в грязь... Заставили вымалывать у них работу!.. Ну, посмотрим теперь — кто кого?..

Адель Шовело. И ты воображаешь, простофиля, что народ поддержит тебя? Ты отомстишь... Подумать только! А жить как будешь?

Ракатель. Я получу пост в правительстве, которое мы создадим.

Адель Шовело. Полно... ты бредишь!.. Пост?! Я заранее знаю, какой ты получишь пост... в тюрьме, в Мазас³³... Неужто ты в самом деле полагаешь, что Париж пойдет за вами, за июньскими инсургентами... за ссыльными?.. Да ты рехнулся!.. Вас расстреляют либо как немецких шпионов, либо как мародеров... вот и все!.. Допустим даже, что твоя партия одержит победу, что предместья возьмут верх, — никакого поста ты все равно не получишь, болван этакый, напрасно надеешься!.. Неужто забыл, как потерпел крах, пытаясь прокормить меня честным трудом... Завтра тебе бросят это в лицо, потому что народ неподкупен; он не шутит со своими, он требует, чтобы на совести у них не было ни пятнышка... Буржуа многое простится, но не инсургенту, не голодранцу!.. Ты будешь изгнан с позором, ты не сможешь стать даже шпиком, легавым; на такое место тебя и то не возьмут...

Ракатель. Пожалуй, ты права... *(Подавленно.)* Но как же быть?

Адель Шовело. Как быть? Живи по моему примеру: принимай жизнь такой, как она есть... Вот я,

скажем, шлюха, да?.. Ладно. Но разве я стыжусь этого, прячусь?.. Разглагольствую о добродетели, о возврате на прямой путь, как они говорят... Полно!.. Я занимаюсь своим ремеслом, и оно кормит меня... А на тебе лежит клеймо, бесполезно скрывать это... Людям, которые через несколько часов возьмут власть в свои руки, потребуются неудачники вроде тебя для разных щекотливых дел, которые не всем по душе... Смело предложи свои услуги, спрятав высокие принципы в карман. Поступай, как я: угождай тем, кто тебе платит... Почестей ты не наживешь, но деньги у тебя будут... Так-то оно надежнее. И поверь мне, выброшь из головы самую мысль о том, чтобы стать человеком, тогда всегда будешь сыт... Будь я добродетельна, я бы давным-давно сдохла от голода. Вот идет как раз Дюбрэ-Флошен, ловкач, он-то всегда на стороне сильного. Поговори с ним... пусть ему пыль в глаза, продайся подороже... *(Возвращается в кафе, опешивший Ракатель медленно направляется к Дюбрэ-Флошену, который идет по Жеврской набережной.)*

Явление V

Дюбрэ-Флошен, радостный, Ракатель, заискивающий. Дюбрэ-Флошен погружен в свои мысли и сначала не замечает Ракателя, а тот старается как бы невзначай попасться на его пути.

Дюбрэ-Флошен. Империя рухнула!.. Право же, в войне, во вторжении, в Седане имеется и хорошая сторона!.. Империя, подобно старому дереву, давно клонилась на тот бок, на который ей суждено было упасть; но без войны, и главное, без Седана потре-

бывался бы сильный порыв ветра, чтобы ее свалить; теперь дерево лежит на земле и всеми своими корнями смотрит в небо!.. Седан — это капля, переполнившая чашу! Да здравствует Седан!.. Палата дурацких колпаков распущена!..³⁴ Все уладилось!.. Точка!.. Сегодня вечером, через какой-нибудь час будет провозглашена республика!.. Народ жаждет республики, он ее получит... Он заслужил республику, вызволив нас из беды, и мы бросим ему эту кость!.. Но минутку! Надо знать, о какой республике идет речь и что под ней подразумевается... *(На часах Ратуши бьет половина первого, Дюбрэ обращает взор на этот дворец правдоуправления.)* Красивое здание! Что бы там ни говорили, оно лучше, чем Тюильри...³⁵ Осману не плохо жилось здесь!.. Правда, он принимал всех коронованных особ Европы... Но Осман был лишь слугой выдвинувшей его Империи... Зато человек, достаточно ловкий и даже продувной, мог бы при поддержке парижан получить пост мэра Парижа, ибо при республике префектура перестала бы существовать... и стал бы много могущественнее Осман!.. Петтион, мэр Парижа³⁷, сделал 10 августа гораздо больше, чем Законодательное Собрание, ибо он уничтожил королевскую власть!.. *(Останавливается и любовно смотрит на Ратушу, затем говорит вдохновенно.)* Побольше смелости!.. Нет, главное — побольше ловкости! *(Указывает на Ратушу, не слишком заметно поднимая руку.)* Мое место здесь!.. *(Ракатель прерывает его.)*

Ракатель (заискивающе). Здравствуйте, гражданин Дюбрэ-Флошен!

Дюбрэ-Флошен (меряя взглядом Ракателя). А, это вы. Ракатель!

Ракатель. Я думал, вы еще в Палате...

Дюбрэ-Флошен. Я только что оттуда...

Ракатель. Ну как, республика провозглашена?

Дюбрэ-Флошен. Да, победа, победа по всему фронту!.. Мы добились республики!.. Она будет провозглашена через два часа самое позднее.

Ракатель (вкрадчиво). Да, понимаю, республика, но наша ли это республика?

Дюбрэ-Флошен (пристально смотря на Ракателя и притворяясь непонимающим). Как это, наша республика?.. Что вы хотите сказать? Не понимаю.

Ракатель (доверительно). Буржуазная республика, черт возьми!

Дюбрэ-Флошен (недоверчиво наблюдая за Ракателем, говорит строго, как человек, который боится выдать себя). Мне кажется, гражданин Ракатель, что у вас несколько странные убеждения для участника июньских событий. Эти слова вам могли бы дорого стоить, если бы их услышал Бодуэн и его друзья. *(По-приятельски хлопая его по плечу.)* Советую быть осмотрительнее.

Ракатель (угодливо). Осмотрительнее?.. Но я же знаю, с кем имею дело... Да, вы правы, я бывший участник июньских событий... но именно поэтому, из-за того, что я перестрадал в плавучих и всяких других тюрьмах, да еще на каторге в Африке, я не хочу быть тем, кого ссылают, хотя и не желаю принадлежать к тем, кто ссылает... И говорю именно вам — я меняю тактику, отказываюсь от своих убеждений, и мне кажется, сделать это давно пора... Если бы я остался чистым, незапятнанным, если не изменил бы своим принципам, то смею вас заверить, вы не праздновали бы победу, как несколько минут тому назад... Победу пришлось бы

завоевывать, и ценой не менее дорогой, чем в июне.

Дюбрэ-Флошен (озадаченный, встревоженный). Что вы хотите сказать?..

Ракатель. А то, что останься я верным членом своей партии, я дал бы моим товарищам единственный совет, который мог их спасти, обеспечить им победу. Я отговорил бы их идти в Палату, где им нечего делать и которая к тому же кишит солдатами... Я посоветовал бы им воспользоваться тем, что здесь никого нет, и захватить Ратушу, а водворившись там, встретить вас и ваших единомышленников во всеоружии, чтобы отбить у вас охоту овладеть этим зданием.

Дюбрэ-Флошен (удивленно). И этот план принадлежит вам?

Ракатель (нахально). Да, от начала до конца...
Дюбрэ-Флошен. Ну, теперь я вижу, что вы с нами...

Ракатель. Можете рассчитывать на меня... Я целиком и полностью на стороне защитников порядка... (Народ хлынул на площадь с Жеврской набережной; позади идут национальные гвардейцы буржуа, изящно одетые женщины. Все останавливаются возле Ратуши.)

Голоса в толпе. Идут, идут! Республику провозгласят в Ратуше.

Ракатель (почти шепотом *Дюбрэ-Флошену*). Вот видите! А что, если бы ссыльные, участники июньских событий, вооруженные добрыми ружьями, встретили бы здесь буржуа с их чопорной республикой, замешанной на розовой водичке?

Дюбрэ-Флошен. Право, вы парень с головой, до сих пор я ошибался в вас. (Покровительственно

похлопав его по плечу.) Мы еще увидимся, заходите ко мне. (Идет навстречу своим друзьям-победителям; здоровается с Дюраном, с 1-жей Брией, с Жанной Бодуен, которые выходят на сцену со стороны Жеврской набережной.)

Явление VI

Те же, 1-жа Брейя, Жанна Бодуен, затем Матуйе, ведущий под руку 1-жу де Вернэ (двое последних выходят на площадь с проспекта Королевы Виктории). Все четверо останавливаются на тротуаре возле кафе. Прибывающая со всех сторон толпа продолжает скапливаться у ограды Ратуши.

Ракатель (не подавая вида, идет за *Дюбрэ-Флошеном*, хотя тот и простился с ним). Не надо оставлять его! Ведь он один из героев дня!.. Спусти два часа он получит причитающуюся ему долю власти, уцепимся же хоть за фалды его фрака!.. Если он поднимется, я поднимусь вместе с ним. (Задумчиво.) Разве только фрак его треснет, и в руках у меня останутся одни фалды!.. Надо все предусмотреть... (В эту минуту появляется 1-жа де Вернэ под руку с Матуйе; *Дюбрэ-Флошен*, за которым издали следует *Ракатель*, оказывается на тротуаре спиной к ним и лицом к Дюрану, Жанне Бодуен и 1-же Брейе.)

Дюбрэ-Флошен (подходя к Дюрану и обеим дамам и здороваясь с ними). Милостивые государины, разрешите приветствовать вас... (Дюрану.) Здравствуйте, гражданин Дюран. (Дружески жмет ему руку.) Всегда на посту, вот именно, на посту!.. (Обращаясь ко всем трем.) Вы пришли, очевид-

но, чтобы присутствовать при провозглашении республики?..

Г-жа Брийа (ворчливо). Подумаешь, республика! Правительство, которое приходится менять каждые три года! Да и Франция против нее!.. Республика! Неужто пруссаки позволят вам установить республику?.. Поверьте, вам не видать ее, как своих ушей... И, на мой взгляд, лучше всего было бы вернуть Орлеанов.

Дюбрэ-Флошан. Никогда! Слышите эти крики?.. Какой подъем! (*Многоголосые крики: «Да здравствует республика!»*) Как можно говорить, что народ не с нами?!

Г-жа Брийа (возбужденно). Какой народ!? Чернь, а не народ! И вот что приводит меня в отчаяние: мой сын, Жак, мог бы стать при желании превосходным адвокатом... ведь я за ним пришла, только не знаю, где его разыскать в этой неразберихе... Так вот, мой Жак яхшается с этими людьми, разделяет их идеи, словом, заодно с ними... Но он увидит, на свое горе, куда это его приведет... (*Замечает г-жу де Вернэ и Матюйе, которые, не видя ее, подошли к их группе.*) Кого я вижу? Да это милая, очаровательная г-жа де Вернэ. (*Делает несколько шагов к г-же де Вернэ, которая тоже идет к ней. В эту минуту Жанна и г-жа де Вернэ узнают друг друга.*)

Г-жа де Вернэ (внезапно останавливаясь, удивленно). Жанна! Племянница Бодуена (*в сторону*), та девушка, из-за которой Жак пренебрегает мною!..

Жанна (в сторону, с ужасом). Опять эта жепшина, эта светская дама, которая, как говорят, преследует Жака, а он, быть может, любит ее...

(И те и другие здороваются, происходит неслышимый для публики разговор, а слева от зрителей, на Жеврской набережной, толпа все растет.)

Крики в толпе. Гамбетта! Да здравствует республика!.. Гамбетту в Ратушу!

Несколько голосов. Нет, нет... Да здравствует республика, но и да здравствует Франция!

Громкий голос. Франция — это республика!.. Долой бонапартистов! *(Толпа все увеличивается; она состоит, главным образом, из национальных гвардейцев, в большинстве своем обмундированных и вооруженных чем попало. Некоторые отряды идут в походном порядке с развевающимися знаменами. Крики усиливаются. Наконец появляется Гамбетта в открытой коляске с тремя другими депутатами Парижа; все места в коляске заняты.)*

Явление VII

Те же, Гамбетта и его друзья в коляске. Они приветствуют толпу, среди которой лошади идут лишь шагом.

Дюбрэ-Флошен (заметив коляску и тех, кто находится в ней, говорит в сторону, пока дамы, Матуйе и Дюран продолжают беседу). Настало время показать себя, такой случай грешно упустить!.. (Внушительно.) Милостивые государи, я должен вас покинуть, это мой друг Гамбетта, и, конечно, я понадоблюсь ему. (Бросается вперед сквозь толпу, пожимает руку Гамбетте и прыгает на козлы, рядом с кучером.)

Ракатель (последовав за Дюбрэ-Флошеном). Черт возьми! Не время отставать от патруля!.. Ос-

бенно, если Гамбетта с нами!.. Вперед! Если не сядем ни в карету, ни на козлы, примостимся сюда. (Подбежав к коляске, пристраивается на ее задке.) Превосходно, вот что значит не зевать... (Торжествуя.) Важно успеть вовремя... (с погудой на остроумие) и будешь среди тех, кто преследует!.. (Коляска Гамбетты удаляется и исчезает во дворе Ратуши. Площадь заполняется народом, развеваются многочисленные флаги, еще громче становятся крики «Да здравствует республика!»)

Явление VIII

Те же, без Дюбрэ-Флошена, Ракателя, Гамбетты и его друзей, которые уже находятся в Ратуше.

Крики (поблизости от дворца градоуправления). В тюрьму Сент-Пелажи за Рошфором! Да здравствует Рошфор!

Голоса. Он тоже парижский депутат!..

Другие голоса. Он опрокинул Империю!

Еще голоса. Он был зачинателем, тогда как другие там, наверху, сдрейфили!

Новые голоса. Свободу политическим заключенным... Всем!.. Всем!..

(Депутат появляется в окне Ратуши и бросает откуда какие-то листки. Граждане подбирают их и читают.)

Один гражданин (вскакивая на стул). Республика провозглашена, парижские депутаты образовали временное правительство.

(Крики: «Да здравствует республика!»)

Другой гражданин (тоже стоя на стуле, читает). Будут освобождены все политические заклю-

ценные. Приказ уже отдан!.. За Рошфором послали. Он член временного правительства и прибудет сюда с минуты на минуту. (Крики: «Да здравствует республика!» «Да здравствует Рошфор!»)

Г-жа Брийа (г-же де Вернэ). Рошфор! И к чему им памфлетист, да еще бесноватый! Ей богу, не такой генерал прогонит пруссаков...

Дюран (сухо). Во всяком случае, гражданин, будь Рошфор в Седане или в Меце, он не сдался бы, как ваш император, не стал бы предателем, а генералы Баденге станут ими, если окажутся хотя бы на два дня во главе наших армий.

Г-жа Брийа (раздраженно г-же де Вернэ, которая погружена в свои мысли и не слушает ее). Он называл меня «гражданкой»... Неужто вернуться июньские дни!.. Господи!..

Матуйе (услышав ее слова, поучительно). Французское слово «гражданин», сударыня, взято с латинского и означает горожанин...

Г-жа де Вернэ. А я-то считала, что ваш сын друг Рошфора!..

Г-жа Брийа (горячо, с отчаянием). Вы правы, сударыня, они очень дружны. Жак сотрудничал во всех газетах, основанных Рошфором, и это особенно меня огорчает!.. Рошфор погубит моего сына!.. Что ждать хорошего от человека, который постоянно сидит в тюрьме?

Жанна Бодуен. Да, в тюрьме, но это потому, что он человек мужественный... великодушный...

Г-жа Брийа. Это ваш дядя внушает вам такие прекрасные мысли, мадемуазель?.. (Презрительно.) Сразу видно, что он сражался в июне!.. (Обычным тоном.) Я знала вашего отца Луи Бодуена, мы были дружны с ним... Он не разделял взглядов своего

брата и был бы очень опечален, узнав, что тот воспитал вас... (Подъезжает крытая карета; несколько граждан разглядывают в ней Рошфора. Это действительно он со своим сыном и с Брийа, который показывается в дверце, обращенной к главным действующим лицам).

Явление IX

Те же, Рошфор в карете, Брийа у ее дверцы.

К экипажу сбегается люди.

Граждане. Это Рошфор! Да здравствует Рошфор! Рошфора в Ратушу!.. Рошфора в правительство! Пусть выйдет из кареты! Мы должны знать, он ли это...

Брийа. Да, граждане, Рошфор выйдет из кареты, но он очень взволнован от неожиданности, от радости, и это легко понять...

Граждане. Да здравствует Рошфор! (Рошфор выходит из кареты, опираясь на Брийа и держа своего сына за руку. Сгустившаяся толпа подхватывает их и буржально несет по направлению к Ратуше. Г-жа де Вернэ, г-жа Брийа и Жанна взбираются на стулья, которые Матуйе принес для них из кафе.)

Г-жа Брийа (кричит в отчаянии). Жак! Жак! Сыночек!.. Дитя мое!.. Он под руку с Рошфором, несчастный!.. Боже мой, со всей их политикой они погубят его или убьют... Убьют мальчика, который стоил мне столько забот, столько бессонных ночей... единственного сына! (Рошфор, Брийа и несколько сопровождающих их лиц, сойдя в Ратушу, скрываются из глаз.)

Явление X

Те же без Рошфора, его сына и Брийа. Люди заполнили выходящие на площадь окна — Ратуши, здания Общества Социальной Благотворительности и прочих домов. Особенно много народа возле Ратуши; мальчишки примостились на фонарных столбах. Из окон Ратуши летят списки, в которых перечислены фамилии членов правительства. Люди читают, обсуждают их. Иные имена встречаются возгласами одобрения, другие с издевкой: «Гамбетта? Ура! Ура! Жюль Фавр³⁸? Ура! Ура! Жюль Симон³⁹? Ура! Нет, нет! Он иезуит, хвостун! Гарнье Пажес⁴⁰? Нет, нет, он сдрейфил в 48 году, из него песок сыплется...» Неожиданно раздаются мерные звуки барабана. Это Постреленок, ведущий за собой отряд Бодуена, заметно возросший в Законодательном корпусе. Бодуен идет во главе своих людей, вид у него сумрачный; один из последних солдат отряда несет красное знамя; тотчас же появляются на площади, среди трехцветных флагов, и другие красные знамена.

Явление XI

Те же, Бодуен, Постреленок и их отряд.

Бодуен (приказывает остановиться своим людям, которые, не слишком удаляясь от него, смешиваются с толпой, чтобы понять, что происходит; он взбежен при виде того, что Ратуша находится в руках национальных гвардейцев — солдат охраны порядка, они же, вооруженные или безоружные, составляют большую часть толпы). Нас опять предали!

Буржуазия снова у власти... опять, опять июньские убийцы!..

Дюран (подойдя к нему и пытаясь успокоить). На что вы жалуетесь, Бодуен? История еще не знала такого великолепного молниеносного переворота!.. Произошла мирная революция, без единого выстрела, без единой капли крови... И вот, у нас республика...

Бодуен (с горькой иронией). Хороша, нечего сказать, ваша революция! Увидите, что из нее выйдет через полгода, если она только продержится столько времени!.. (Мрачно, гневно.) Мирная революция! На это я и жалуюсь, это и выводит меня из себя... Ни единого выстрела.. вы еще их услышите... Ни единой капли крови, говорите вы... Погодите, вскорости и кровь полетится... ваша кровь, моя кровь, кровь народа... Она хлынет потоком, от нее покраснеют ручьи и сточные канавы. Преторианцы⁴¹ Империи, а ныне столпы буржуазной республики, упыются ею! И все потому, что вы оставили в покое реакцию!.. Она затаилась... молчит, но она все та же, что и вчера...

Дюран. Однако наш друг Брийа с ними. Он только что вошел вместе с Рошфором и его сыном в Ратушу... Я сам их видел...

Бодуен (в отчаянии ударив себя кулаком по лбу). Брийа! и он тоже?! Неужто он пошел на сделку с ними... с июньскими убийцами? (Отрицательно качая головой.) Быть этого не может!..

Дюран (настойчиво, но без всякого раздражения). Говорят же вам, я сам его видел.

Бодуен (заметив Жанну, которая прыгнула со стула и подходит к нему; гневно). Правда ли, Жанна, как это говорит гражданин Дюран, будто Брийа

(указывает кулаком на Ратушу) в Ратуше с шайкой жадных до власти честолюбцев, карьеристов, готовых на завтра после революции обмануть народ?

Жанна (смущенно). Да, дядя, Брийа в Ратуше, но почему вы гневаетесь?.. Вы же знаете, что Жак благородный человек, он неспособен не только на подлость, но даже на попустительство... и главное, он неспособен обманывать народ, за который стоит горой!.. Я отвечаю за Жака.

Г-жа де Вернэ (с горечью). Как она защищает его!... Как любит!.. Как хороша она в эту минуту!.. Какое мужество!.. Как побороть такую соперницу?..

Жанна (замечив Брийа, который с трудом пробивается в толпе). Вы сказали, дядя, что господин Брийа предатель... Смотрите, вон он!.. (В сторону.) Но, бог мой, в каком он виде! Что случилось?..

Явление XII

Те же, затем Брийа, растрепанный, запыхавшийся, в поту. Одни встречают его криками «долой!», другие восторженными возгласами.

Крики в толпе. Вот Брийа! Да здравствует Брийа!.. Долой предателя!.. Он покинул свой пост ради красного знамени!.. Да здравствует Брийа! Сюда, к нам, Брийа! Долой пруссака!..

Бодуен (возмущенно). Вы были с ними?

Брийа (протягивая ему руку). Да, но с этим покончено... Они так и остались себялюбцами, которые не помышляют о других!.. Я ушел от них с гневом в сердце и с краской стыда на лице... Они

как раз распределяют посты и делят Францию на префектуры... Я хотел говорить, воззвать к их совести... предупредить, ведь пруссаки близко, они хорошо знают, что у нас делается, да и народ ждет оружия... Меня освистали, подняли на смех, прогнали; и, кажется, даже побили!.. Я ушел возмущенный... куда глаза глядят... Наконец я заметил этот стяг. (Указывая на красное знамя.) Я пришел... Но я еле держусь на ногах... Возмущение, гнев душат меня. (Шатается.)

Бодуен (поддерживая его). Скорее стул. (Жанна, г-жа де Вернэ и г-жа Брийа бросаются на помощь Жаку, хлопочат возле него.)

Г-жа Брийа (в отчаянии). Сынок! Бедный мой мальчик! Они убили его!

Бодуен (громко, стуча о землю прикладом ружья). Так вот оно что! Честолюбцы по-прежнему в погоне за тепленьким местечком... К счастью, у нас есть оружие и порох!.. Такой денек бывает у народа не чаще одного раза в двадцать лет!.. Надо воспользоваться им... Я первый открою огонь... (Вскидывает ружье и целится в людей, выглянувших из окна Ратуши, украшенного трехцветной перевязью. Бонналь в мундире майора императорской национальной гвардии, с орденами на груди, хватая ружье за ствол, не дав Бодуену выстрелить.)

Явление XIII

Те же и Бонналь. Бодуен и разъяренный Бонналь меряют друг друга взглядом. Национальные гвардейцы и буржуа собираются возле Бонналя; вооруженные революционеры, бывшие сосланные и мно-

окнами секретер в стиле Людовика XV; у стола старое кресло; у стен пять или шесть разрозненных стульев. В задней стене — наружная дверь, ведущая в узкий проулок, рядом с ней старый книжный шкаф. Слева от алькова камин, справа — спальня г-жи Брийа. Внутренность алькова скрыта от глаз зрителей. На втором плане, тоже слева дом с магазином под вывеской: «Дюран, оптик». Дом этот стоит на углу улицы и бульвара. На первом плане, справа, сторожевой пост национальных гвардейцев, куда ведут две ступеньки. Над дверью — красный фонарь. За постом, на втором плане булочная с коленкоровой вывеской: «Городская хлебопекарня». Еще дальше, на углу бульвара, высокий узкий дом невзрачного вида; нижний этаж его занят лавочкой винооторговца. В глубине сцены, против зрителя, широкий бульвар с большими деревьями, который упирается в дощатую загородку. За деревьями пустырь с обломками снесенных зданий, дальше виднеются дома идущей в гору улицы. Посередине загородки небольшая деревянная будка, на ее стене крупными черными буквами написано: «Участки продаются, обращайтесь...» Все покрыто снегом, ледяные сосульки свисают с крыш и с водосточных труб, многие из которых лопнули от мороза.

Действие происходит 5 или 6 января 1871 года.

Явление I

У сторожевого поста стоит на часах национальный гвардеец. Мужчины, женщины, дети из простонародья ждут в очереди у закрытой двери хлебопекарни. Позже приходят Постреленок и Жанна Бодуен.

Начинает светать. Очередь, состоявшая сперва из семи-восьми женщин и детей, постепенно растет и к концу явления заворачивает на бульвар. Часовой переступает с ноги на ногу и дыханием пытается согреть себе руки; ружье он поставил рядом с собой. Порыв ветра со снегом срывается в улицу.

Люди в очереди (дрожа от холода и прижимаясь к стене дома). Брр!.. Ну и холодище!.. И снег пошел!.. (Какая-то женщина, вскрикнув, теряет сознание; соседи поддерживают ее, стараются привести в чувство.)

Часовой. Собачья погода! К счастью, проклятые пруссаки страдают от нее не меньше нашего.. правда, харч у них хороший, и они согреваются, набивая себе брюхо!.. А вот мы получаем на душу 35 граммов конины да 300 граммов хлеба, не больно густо... Но Париж не сдастся, вот что важно!.. Проклятие! Я замерзну, прежде чем придет смена. Постреленок (одетый как питомец Национальной гвардии, выходит на сцену из левой кулисы с миской бульона в руке, за ним идет Жанна). Дьявольщина!.. До чего вкусно пахнет ваш бульон, мамзель Жанна!.. Честное слово, я готов заболеть, лишь бы за мной так поухаживали...

Люди из очереди. Здравствуйте, здравствуйте, мамзель Жанна...

Жанна (здоровалась). Здравствуйте друзья... (Тихо Постреленку). Да замолчи ты, болтунишка, видишь, люди смотрят на нас, слушают...

Постреленок. Не бранитесь, буду нем, как рыба... (Чешет у себя за ухом). Вы говорили, что вам хочется повидать моего начальника и посмотреть собственными глазами, так ли он хорошо себя чувствует, как я вам рапортую?

Жанна (краснея, взволнованно). Я? И не думала говорить об этом, лгунишка!

Постреленок (лукаво). Значит, мне это приснилось... (Спознатываясь.) Если бы вы были хоть капельку расположены к нему (лицемерно) и захотели бы повидать... бедный малый так бы обрадовался, что, пожалуй, разом выздоровел!.. (Умолляюще.) Вы такая добрая... сделайте это для него... *Жанна (смущенно, нерешительно).* Нет, нет, ступай, я подожду тебя здесь... (Спасаясь от сильного порыва ветра, прячется в проулке, за спиной Постреленка.)

Постреленок (настойчиво). Идемте же! В такую рань он еще спит и ничего не увидит.. А мамаша его, по прозвищу «Тем хуже», тоже спит. Никакого риска! Вот и ключ. (Осторожно открывает дверь в комнату Брийа и входит.) Дело в шляпе. (Ищет.) Куда девалась спиртовка? А, вот она!.. (Зажигает спиртовку, ставит на нее миску с бульоном и переносит все это на стол, отодвинув в сторону загромождающие его бумажки.) Все в порядке. (Заглянув в альков, обращается к Жанне, застывшей в неподвижности возле двери.) Сюда, сюда; он ничего не узнает, ей бог. (Машет рукой.) Здорово дрыхнет... (Жанна подходит на цыпочках к алькову и заглядывает в него.)

Жанна (взволнованно). Как крепко он спит!.. Да он поправился!.. А вдруг проснется, увидит меня здесь... я вся дрожу... (Пятится к двери.)

Постреленок. Как, уже уходите?

Жанна. Да, да (взволнованно). Он пошевелился, я боюсь!.. (Стремительно убегает и появляется на улице возле хлебопечарни. Постреленок делает несколько шагов вслед за ней.)

Явление II

Те же, Жак Брийа, скрытый от глаз зрителей в алькове.

Брийа. Постреленок... Это ты?

Постреленок (возвращаясь в комнату и заговаривая за собой дверь). Здесь, начальник! Здесь! (Подходит к алькову.)

Брийа. Она приходила?

Постреленок. Да, ей хотелось посмотреть, как вы себя чувствуете, но она сразу же убежала... Не вздумайте говорить ей, что я тут откровенничал с вами. (Притворяясь испуганным.) Она мне этого до смерти не простит...

Брийа (улыбаясь). Будь покоен... она ничего не узнает...

Постреленок. Какой же я дурак!.. Забыл о вашем завтраке. (Берет миску с бульоном и несет ее в альков.) Что, хорош супец? (Продолжая говорить, пока Брийа ест.) Теперь не зевать! Сегодня мой отряд охраняет передовые посты, надо воспользоваться случаем и промыслить чего-нибудь съестного. (Выходит из дома, пересекает улицу и убегает по бульвару.)

Явление III

Те же без Постреленка, Руйак, Дюран.

Часовой сменился; несколько национальных гвардейцев, выйдя из сторожевого поста, заговаривают с людьми в очереди. Руйак, одетый в старую форму⁴⁵ — серая шинель и римская цифра на фуражке — появляется на бульваре и медленно идет по сцене.

Детские голоса в очереди. Эй, папаша, Руйяк! Пекарня все еще закрыта!.. Поторопите их там!.. Не откроют они сегодня что ли?..

Руйяк (стука в ставни магазина Дюрана). Товарищ, эй, товарищ, пошевеливайтесь там... Очередь не согласна больше ждать...

Дюран (открывает дверь и останавливается на пороге; одет он по старой форме, как и Руйяк, только вместо шинели на нем старое пальто). Готово! Готово! (Вынимая из кармана большие серебряные часы.) Еще половинны восьмого пет, мы не опоздали... А вот и моя поденщица!.. Можно будет отлучиться. (Мамаша Дюфур появляется со стороны дома Брийа.)

Явление IV

Те же и мамаша Дюфур.

Дюран (мамаше Дюфур). Вы что-то запоздали, мамаша?

Мамаша Дюфур (ворчливо). Надо же было приготовить что-нибудь тепленькое для моего бедного парня... Он скоро вернется, а солдат, стоящих у крепостных стен, обделяют, — такое безобразие! — чтобы получше накормить солдат, которые сидят под крышей, в фортах.

Дюран. Уж больно злой у вас язык, мамаша Дюфур. (Делает несколько шагов вверх по улице.) Входите, да присмотрите за моим магазином... а я займусь раздачей хлеба. Если случайно придет покупатель, позовите меня, я буду в хлебопекарне. (Мамаша Дюфур входит в магазин Дюрана, Руйяк и Дюран становятся у двери хлебопекарни. Жанна Бодуен входит в лавку и раздача начинается.)

Явление V

Те же и Адель Шовело.

Адель Шовело, держа в руке какую-то бумажку с печатью, подходит прямо к двери хлебопекарни и предъявляет свой талон Дюрану, который разглядывает его.

Голоса. В очередь, в очередь!.. Эй там, платье с оборками.

Адель Шовело (нахально). Да здесь подохнуть можно!.. Очереди хороши для вас!.. Я и так пройду... (Смеется.) Я из Отдела обслуживания мэрии...

Голос из очереди. Безобразие... в очередь! В очередь!

Дюран (Адели). Чья это подпись?

Адель Шовело (тыча пальцем в талон). Вам известна печать мэрии? (Дюран утвердительно кивает.) А подписано гражданином Ракателем, его отец бакалейщик: рис — хлеб — соль... Вот что, покажите-ка подпись гражданину Руйяку, он хорошо ее знает... Как вам идет эта шинель для инвалидов, панаша Руйяк!..

Дюран. Допустим, что это подпись гражданина Ракателя. Остается выяснить, имеет ли он право выдавать льготные талоны... не думаю...

Адель Шовело. Это еще что?! Пропустите вы меня или нет?.. Ладно, если вы так нос задрали, илжону-ка я на вас и пойду в Версаль⁴⁶ за белым хлебом и за свиными отбивными...

Несколько женщин (возмущенно). Что она говорит?.. Долой пруссачку!.. (Поднимается шум, разъяренные люди окружают отбивающуюся от

них Адель и выволакивают ее на улицу. Мальчишки увязываются за ней.)

Мальчишки. Это пруссачка! Пруссачка!.. Выпороть ее!.. Выпороть!..

Адель Шовело (в ярости). Пустите меня, сию же минуту! *(Взглянув в сторону бульвара, замечает Ракателя.)* Ну и повезло!.. Это он!.. *(Зовет).* Ракатель!

Явление VI

Те же, Ракатель, мамаша Дюфур, вышедшая из магазина Дюрана.

Ракатель (в форме офицера интендантской службы Национальной гвардии). Что такое? В чем дело?

Адель Шовело (не обращая внимания на мамашу Дюфур, которая разглядывает ее с порога лавочки). А то, что эти болваны не желают признавать талон, который ты мне дал, и даже собрались вздуть меня. Растолкуй людям, что к чему, да заткни им глотку. *(Высвобождается.)*

Мамаша Дюфур (подходя к Адели). Этот господин — ваш любовник?

Ракатель (тихо Руйаку). Да пропусти ее... Знаешь, с ней не так-то легко сладить. *(Руйак отрицательно качает головой.)*

Адель Шовело (мамаше Дюфур). Вот именно, этот господин мой любовник!.. *(Ропот в толпе.)* Ну, а дальше что?

Мамаша Дюфур (подбоченясь, Ракателю). Так вот вы чем занимаетесь в мэрии!.. Выдаете лишние пайки и льготные талоны вашим краям,

женщинам, которые к услугам всех и каждого! А матери семейств часами выстанвают под снегом и все равно не могут накормить своих детей!..

Ракатель (в замешательстве). Но, голубушка...

Мамаша Дюфур (вспылив). Я вам не голубушка, душой меня не выставляйте! Вы безобразно себя ведете, слышите?.. Но это вам даром не пройдет... *(Хватает его за шиворот.)* Я отведу вас в мэрию, в Ратушу, если понадобится... а там видно будет... Ну, живее!.. *(Толкает его.)*

Голоса из очереди. Браво, мамаша Дюфур! Да, правильно!.. Отведем-ка его в мэрию вместе с этой девкой!.. Пусть нам ответят... *(Ракатель и Адель изо всех сил отбиваются от окруживших их людей, которые не без труда уводят их.)*
Очередь. Браво! Браво!

Явление VII

Те же и два мародера⁴⁷. Толпа, увлекающая Ракателя и Адель, уже добралась до бульвара, когда на повороте показываются два мародера — один из них тащит, а другой подталкивает тележку с овощами, на которой лежит труп национального гвардейца. Удивление, шум. Толпа оставляет обоих задержанных, которые спасаются бегством, окружает тележку и забрасывает вопросами мародеров.

1-й мародер. Да сами же видите, что перед вами!.. Убитый!.. Несчастный старик!.. Он уже не очухается, можете мне поверить!.. Получил сполна. *(Приподнимает окровавленную тряпку и показывает лицо умершего; любопытные подбегают также из очереди.)*

Дюран (оставляя свой пост). Да ведь это дядюшка Мишю!..

2-й мародер. Здравствуйте, господин Дюран. Правильно вы сказали — дядюшка Мишю. (Показывая рану убитого.) Он получил свое на картофельном поле, на том самом, которое вы указали нам вчера вечером.

Дюран. По дороге в Фонтене-су-Буа?

2-й мародер. Да, там.

Какая-то женщина (смотря на труп). Бедняга! (Указывает на его судорожно сжатую руку.) Все еще держит картофелину.

2-й мародер. Да еще какую хорошую!.. Он совсем не мучился... нагнулся, и его уложило на месте осколком снаряда! (Продолжает путь, по-прежнему таща тележку, которую подталкивает сзади 1-й мародер.)

Явление VIII

Те же без Ракателя, без Адели Шовело и обоих мародеров; отряд национальных гвардейцев, в числе которых находятся Бодуен и Дюфур-сын. Национальные гвардейцы провели несколько дней за чертой укреплений и тащат поверх ранцев лагерное оборудование. Они останавливаются на бульваре лицом к улице.

Капитан (выкрикивая слова команды). Отряд! Стой!.. Смирно!.. Направо равняйся!.. К ноге!.. Разойдись!.. (Национальные гвардейцы, выполнив слова команды, расходятся, Бодуен, Дюфур-сын и другие сворачивают на улицу.)

Мамаша Дюфур (бросается к сыну). Наконец-то пришел!.. (Трет ему руки, чтобы согреть их.) Совсем замерз! Идем скорее, поешь супу, если только он не остыл. (Увлекает его за собой.)

Явление IX

Те же, без мамыши Дюфур и ее сына.

Жанна Бодуен (с порога хлебопечкарни и вновь образовавшейся очереди). Хлеб кончился, друзья. Сейчас выпекают новый!.. Магазин открывается ровно в одиннадцать... (Берет плащ своего дяди и на два поворота ключа запирает дверь.) *Голоса из очереди*. Как же так?!.. Столько времени ждем.

Жанна Бодуен (с ключом в руке). Если не верите, войдите! Сами увидите!..

Голоса из очереди. Не стоит... Девчонка никогда не врет!.. И все же обидно — зря простояли три часа... Она, конечно, не при чем... Я уйду!.. А я остаюсь! (Несколько человек уходят, другие упорно продолжают стоять, стуча ногами о землю, чтобы согреться. Жанна переходит на другую сторону улицы и отдает плащ своему дяде, разговаривающему с Дюраном и Руйаком.)

Бодуен (надев плащ). Спасибо, дочка!.. (Целует ее.)

Руйак. Если вы идете домой, Бодуен, я вас провожу.

Бодуен. Нет, я не домой, а в Ла Кордери⁴⁸...

Руйак (удивленно). В Ла Кордери!.. Но сегодня там нет заседания...

Бодуен. Заседание созыву я, чтобы сообщить важные новости.

Дюран (с живостью). Важные новости?.. В чем дело?

Бодуен. Скажу вам, все равно весь город узнает об этом через два часа. *(Вполголоса).* Началась бомбардировка...

Дюран и Руйак (вместе, изумленно). Бомбардировка?..

Бодуен. Именно!.. Этой ночью несколько немецких снарядов упали на Бют-о-Кай... в Монруже... на Орлеанской дороге и неподалеку от Обсерватории... Завтра, а, может быть, сегодня вечером снаряды станут рваться и у нас, здесь!..

Дюран (подскокив). Здесь!..

Бодуен. Вражеские батареи установлены на Шатийонском плато, дальноточность орудий девять километров. Снаряды могут попасть в Ботанический сад, в Винный рынок... И, пожалуй, даже в Сену!..

Дюран. В таком случае мне придется отнести товары в подвал!.. *(Поспешно входит в магазин, громко.)* Мамаша Дюфур! Мамаша Дюфур!..

Руйак (Бодуену). Черт возьми!.. Дело серьезное! Очень серьезное... Пойду-ка с вами в Ла Кордери!.. *(Они уходят направо, обогнув сторожевой пост.)*

Явление X

Те же, без Бодуена, Руйака и Дюрана; сэр Галифакс в форме врача Национальной гвардии и г-жа де Вернэ в костюме сестры милосердия с нарядной повязкой Красного креста.

В то время как Жанна, проводившая дядю и Руйака до угла улицы, возвращается обратно, огромный снаряд, со свистом летящий откуда-то справа, падает на тротуар посреди очереди. Душераздирающие крики. Снаряд убивает наповал одного национального гвардейца, тяжело ранит какую-то женщину и, отскочив рикошетом на другую сторону улицы, пробивает ставень в лавочке Дюрана, где и разрывается с оглушительным шумом. Суматоха, вопли; люди из очереди с криком разбегаются. На улице остается лишь труп гвардейца да женщина, которая стонет на тротуаре: снаряд раздробил ей плечо. Жанна бросается к раненой, приподнимает ее, поддерживает и с помощью национальных гвардейцев, привлеченных грохотом взрыва, уносит на сторожевой пост. Улица пустеет. Со стороны бульвара появляются сэр Галифакс и г-жа де Вернэ.

Г-жа де Вернэ (запылавшись). Как будто здесь!.. *(Замечает труп в луже крови и отшатывается.)* Какой ужас!.. *(Закрывает лицо руками.)* Сэр Галифакс *(тладоокровно нагибается, осматривает труп, пытается нащупать пульс и говорит, выпрямившись).* Мертв! Без всякого сомнения!.. Ничего нельзя сделать, ничего...

Г-жа де Вернэ (дрожа). Я сама не своя!.. Я не испугалась, но видеть это так близко...

Сэр Галифакс. Вот улица, на которой живет госпожа Брийа, но я не знаю номера дома... У кого бы спросить? Брийа должны хорошо знать в этом квартале... Но я никого не вижу... *(Заметив Жанну, вышедшую из сторожевого поста.)* А, какая-то девушка!.. *(Направляется к Жанне.)*

Явление XI

*Сэр Галифакс, г-жа де Вернэ в нескольких шагах
позади него, Жанна, затем г-жа Брийа.*

Г-жа де Вернэ (узнав Жанну). Вечно эта девушка (с досадой), моя соперница!.. Жак был ранен, видно, она ухаживала за ним, а, может быть, и теперь ухаживает, этого только не доставало!.. *Жанна Бодуен (подбегая).* Вы врач, сударь?.. Какое счастье!.. Я как раз ищу врача... Пожалуй-ста, перевяжите поскорее несчастную женщину, она здесь. (*Указывает на сторожевой пост.*) Ей раздробило плечо, это ужасно!.. (*Вздрагивая от неожиданности при виде г-жи де Вернэ, в сторону.*) Опять она!.. Дама с Севрской улицы!.. Сестра офицера, участника июньских расстрелов... подлеца, который... (*запнувшись*), которого Постреленок чуть было не застрелил из револьвера... Почему она здесь?.. (*Овладев собой, подходит к сэру Галифаксу.*) Идемте же, идемте скорее... (*Возвращается на сторожевой пост.*)

Сэр Галифакс. Позабыл спросить у нее адрес Брийа... Придется оставить вас одну; нельзя не прийти на помощь этой несчастной... Как быть?

Г-жа Брийа (выйдя из дома, замечает сэра Галифакса и г-жу де Вернэ и направляется к ним). Как, это вы, госпожа де Вернэ? Вы, сэр Галифакс?.. Верно, пришли проводить меня?.. (*порывисто, льстиво, угодливо пожимает обе руки г-жи де Вернэ.*) Все так же очаровательны! Как идет вам костюм сестры милосердия!..

Сэр Галифакс. Извините меня, госпожа Брийа, но здесь (*указывает на сторожевой пост*) раненая женщина, я должен оказать ей помощь...

Поручаю вам госпожу де Вернэ, я найду к вам через полчаса... Мне необходимо повидать Жака. (*Г-же де Вернэ.*) Вы подождете меня?

Г-жа де Вернэ (с живостью). Ну, конечно!.. Целый час, если понадобится!.. Как же я пойду одна? (*Сэр Галифакс переходит на другую сторону улицы, скрывается за дверью сторожевого поста.*)

Явление XII

Г-жа де Вернэ, г-жа Брийа.

Г-жа Брийа (с видом хитрым, лицемерным и жеманным). Как вы любезны и добры, сударыня!.. Вспомнили о нас... Пришли к нам... по такой непогоде, в разгар стрельбы.

Г-жа де Вернэ. Сэр Галифакс зашел ко мне, чтобы узнать ваш адрес... У него приятные новости для вашего сына... Я не знала, что случилось с вами, ведь вы больше не приходите ко мне, и я решила воспользоваться случаем.

Г-жа Брийа (в сторону, с хитрецой). Ну, не из-за моих прекрасных глаз. (*Громко.*) Так значит, этот славный господин Галифакс хочет сообщить Жаку приятную новость?

Г-жа де Вернэ. Да, но он взял с меня слово, что я ничего не скажу... Это чуть ли не дипломатический шаг... Сэр Галифакс явится к вам как полномочный посланец.

Г-жа Брийа (взволнованно, вздрогнув). Только бы это была правда!.. Дай бог, дорогое мое дитя,— извините, что я так запросто называю вас,— чтобы это была действительно хорошая новость!..

Сколько уж лет я узнаю только дурное!.. Дай-то бог, чтобы мой несчастный сын нашел наконец путь в жизни, чтобы я увидела его остепенившимся, спокойным... пристроенным (*смотря искоса на г-жу де Вернэ*) прежде, чем умру!.. Это было бы большим утешением для меня после всей жизни, полной забот и тревог!.. (*Доверительно.*) Видите ли, мне хотелось бы женить его!.. Он очень способный... все это признают, но своенравен и так упрям, что я вечно страшусь какого-нибудь безрассудства! Теперь он бредит народом, и я боюсь, как бы он не женился на какой-нибудь ничтожной девчонке, на простой работнице... (*Рыдал.*) Этого я не переживу!..

Г-жа де Вернэ (с живостью, стараясь что-нибудь выведать). Но откуда у вас такие опасения?

Г-жа Брийа (притворяясь смущенной). Гм... гм!.. Не знаю, должна ли я...

Г-жа де Вернэ (горячо). Вы же знаете, я понастоящему расположена к вашему сыну и, если хотите, чтобы я помогла вам образумить его... мне надо знать, в чем дело...

Г-жа Брийа (как бы против воли). Видите ли, тут замешана племянница папаши Бодуена, бывшего ссыльного. (*В сторону.*) Заставлю ее безумно ревновать Жака. (*Громко.*) Надо сказать, что она прехорошенькая!

Г-жа де Вернэ (в сторону). Она! Вечно она! (*Громко, взволнованно.*) И Жак любит ее? Вы это заметили?

Г-жа Брийа. Нет, но эти девчонки даже представления не имеют о стыдливости, зато нахальства у них хоть отбавляй. Мне кажется, Жанна бежит за ним.

Г-же де Вернэ (горестно). Однако на вид она очень скромна.

Г-жа Брийа. Да, правда, вы ее знаете!.. Недотрога!.. Но в тихом омуте черти водятся. *(Видя, что г-жа де Вернэ задумалась, в сторону).* Превосходно, удар нанесен. *(Громко, оживленно.)* Где у меня голова!.. Право, я не в себе!.. Держу вас на улице по такому морозу... Входите, входите же, пожалуйста. *(Входят в дом.)*

Явление XIII

Жак Брийа, г-жа Брийа, г-жа де Вернэ.

В ту минуту, когда обе женщины скрылись за дверью дома, Жак Брийа в мундире офицера национальной гвардии, но без фуражки, вышел из алькова. На ногах у него туфли, рука на перевязи; притрамывая, он делает несколько шагов по комнате и садится в кресло у стола.

Берет газету и рассеянно просматривает ее.

Г-жа Брийа (приоткрывая дверь в стене возле алькова, вполголоса). Жак! Жак! Ты встал?

Брийа (не меняя позы). Да, мама, войдите...

Г-жа Брийа (войдя, тщательно затворяет за собою дверь и подходит к сыну; радостно). К тебе пришли!.. Неожиданность и приятная!.. *(Поспешно собирает бумаги, разбросанные по столу, переносит спиртовку на камин и подходит к Жаку, по-прежнему сидящему в кресле.)* Бог мой, какой ты растрепанный!

Брийа (удивленно). Ко мне пришли?..

Г-жа Брийа (приносит гребенку и расчесыва-

ет волосы сыну). Это меня пришли проведать... но тут же справились о тебе; я сказала, что тебе лучше, что ты почти здоров!.. *(Поспешно подметает пол, прячет половую щетку в альков и задергивает его занавески.)*

Брийа. Кто же это?

Г-жа Брийа. Особа, которую ты прекрасно знаешь! И был очень заинтересован ею — года еще не прошло. *(Обнимая сына).* Бедный мальчик! Прошу тебя, будь благоразумен! Подумай, речь идет о твоей жизни, о твоём счастье,— а оно само пришло к тебе.... Нежданная удача!..

Брийа (поспешно встав и перебивая мать). Госпожа де Вернэ, да?

Г-жа Брийа (словоохотно). Она самая!.. Она здесь в моей комнате... ожидает сэра Галифакса... *(многозначительно)* он должен сообщить тебе что-то очень важное... Он задержался из-за перевязки и придет через полчаса. Она первая заговорила о тебе и самым любезным образом выразила желание повидать тебя... Сумей воспользоваться случаем, ведь это чуть ли не обещание с ее стороны!.. Бегу за ней. *(Уходит. Жак Брийа, явно взволнованный, ходит по комнате; доносится звук шагов... он останавливается.)*

Г-жа де Вернэ (входит и, увидев Брийа, учтиво раскланивается с ним). Сударь!

Брийа (любезно). Сударыня...

Г-жа Брийа (в сторону, войдя вслед за г-жой де Вернэ). Ну, они вдвоем, и все пойдет на лад; но как мне уйти, чтобы не поставить их в неловкое положение?..

Брийа (г-же де Вернэ). Сударыня, присядьте, пожалуйста. *(Придвигает ей стул.)*

Г-жа де Вернэ (садясь и пытаясь скрыть замешательство). Охотно, я все еще не могу прийти в себя после того, что случилось, ведь снаряд упал в нескольких шагах от нас... Этот человек был буквально разорван на части, он плавал в собственной крови!.. И та раненая женщина, которую сэр Галифакс пошел перевязывать... Это поистине ужасно! Дыхание у меня еще...

Г-жа Брийа (поспешно). Стеснено? Да? Что ж вы мне раньше не сказали.. Надо выпить чего-нибудь... Я принесу вам... (В спешке не договаривает.)

Г-жа де Вернэ (торопливо). Нет... нет... по жалуйста, не беспокойтесь... все обойдется... (*Г-жа Брийа, не слушая ее, выходит.*)

Явление XIV

Жак Брийа, г-жа де Вернэ, затем Дюран и сэр Галифакс.

Как только мать Брийа вышла, г-жа де Вернэ вскакивает с места, как бы собираясь броситься на шею им в объятия Жака.

Г-жа де Вернэ (горячо). Наконец-то я вижу тебя, Жак, дорогой мой... (Не договаривает, так как раздается стук в дверь, выходящую в проулоч. Она поспешно садится, почти падает на стул и торопливо отодвигает его от стула Брийа.)

Брийа (непринужденно, лишь слегка повысив голос). Войдите! (Входит папаша Дюран, покрытый пылью и паутиной.) Здравствуйте, папаша Дюран. (Встает, чтобы встретить гостя.) Но в каком вы виде? Где это вы так перепачкались?..

Дюран (в отчаянии, скороговоркой). И не говорите!.. Несчастье преследует меня... Я еще дешево отделался... Чуть было не отправился на тот свет, и уже счастье, что остался жив... (*С горечью.*) Если только это можно назвать жизнью... Представьте себе, Пьер Бодуен сказал мне перед уходом на передовые позиции, что бандиты-пруссакки начали бомбардировать город, и что прошлой ночью снаряды упали неподалеку от Люксембургского двора!.. Я тотчас же вернулся к себе, надо же было спрятать товары в безопасном месте... Зову мамашу Дюфур, чтобы она помогла мне спустить их в подвал, принимаемся за работу... И только мы успели перенести первую партию товара, как бух! снаряд падает на площадь, рикошетом пробивает мою витрину и разрывается в магазине, где камня на камне не остается; хорошо, что мы с мамашей Дюфур находились в подвале... (*Грустно, покорно.*) Видите ли, начальник, пришла беда, отворяй ворота!.. (*Плача.*) Как будто мало было, что эта проклятая война да осада отняли у меня мою несчастную жену!..

Г-жа де Вернэ. Бедняга!..

Дюран (справившись с волнением, все еще прерывающимся голосом). Извините меня, тут какой-то человек хочет видеть вас, но не знает, где вы живете. Из-за него я и пришел к вам... А теперь разрешите откланяться.

Брийа (дружески). До свиданья, папаша Дюран, не падайте духом... (Протягивает ему руку, Дюран горячо пожимает ее и уходит.)

Явление XV

Брийа, г-жа де Вернэ, сэр Галифакс

Брийа (протягивая руку сэру Галифаксу). Здравствуйте, сэр Галифакс!.. Как всегда здоровы, бодры!.. *(Галифакс пожимает ему руку.)* Госпожа де Вернэ *(указывает на г-жу де Вернэ)* и моя матушка уже сказали мне, что вы пришли сообщить мне какую-то важную, приятную новость... Но что ж это я? Садитесь, прошу вас... Так будет удобнее разговаривать.

Сэр Галифакс. Тем более, что вы ранены. *(Садится, Брийа следует его примеру.)*

Брийа. Ранен? Все уже прошло! Я здоров, совершенно здоров... и твердо надеюсь выйти на улицу денька через два-три... Давно пора, бездействие тяготит меня, особенно как подумаю, что по вине врачей я сижу дома из-за пустой царапины, тогда как сотни семейств рискуют жизнью на передовых позициях, на крепостном валу... *(Светским тоном.)* Но прошу простить мое нетерпение... я очень заинтересован: что это за приятная новость?..

Сэр Галифакс. Вы давно узнали бы ее, дорогой друг, если бы меня, так сказать, не перехватили; едва я успел свернуть на эту улицу, как меня позвали к несчастной женщине, раненной осколком того самого снаряда, который разрушил лавочку вашего соседа.

Г-жа де Вернэ и Брийа (вместе). Как ее здоровье?

Сэр Галифакс (назидательно). Рана серьезная, но женщина поправится... Я велел срочно поместить ее в ближайший госпиталь... Выздоровление, правда, затянется, тем более что теперь в

больницах нет многих лекарств... *(Обычным тоном.)* Что касается важной новости, которую я должен вам сообщить, вот в чем дело. *(Значительно.)* Правительство национальной обороны, оценив по заслугам подвиг, совершенный вами в сражении при Ле Бурже⁴⁹, где вы получили две раны, гораздо более серьезные, чем вы говорите, приняло решение наградить вас орденом Почетного легиона; сознавая, с другой стороны, что благодаря вашему образованию, вашему влиянию, скажем прямо, вашей растущей популярности, вы можете оказать и правительству и, главное, вашим согражданам более значительные услуги на административном посту, чем в качестве командира батальона, оно предлагает вам возглавить одну из парижских мэрий...

Брийа (перебивая сэра Галифакса). Я отказываюсь...

Г-жа де Вернэ (поспешно вставая с места и беря Жака за руки). Вы отказываетесь, Жак! Но, дорогой друг, это же безумие: вы губите свою будущность...

Сэр Галифакс. Итак, вы отказываетесь!.. *(Холодно.)* Кое-кто в правительстве предвидел этот ответ. Вот почему поговорить с вами, позондировать почву было поручено мне, иностранцу, дело которого сторона, и к тому же я дружен с вами!.. Желают избежать публичного отказа, который вызвал бы скандал...

Брийа (твердо). Да, я отказываюсь от ордена, так как не заслужил его: я только выполнял свой долг, будь то в Бурже или в другом месте... Рана моя — чистая случайность, ведь под ударом мог оказаться не я, а кто-нибудь другой... Кроме того,

я принципиальный противник всяких знаков отличия — они лишь подрывают равенство, которое должно существовать между людьми. Что до предложенного мне поста, я еще молод, и место мое на крепостном валу или на передовой... Пусть лучше назначат на этот пост человека в летах... Наконец — и эта причина не менее серьезная, чем все остальные — я не желаю иметь ничего общего с людьми, против которых мы сражались 31 октября⁵⁰. Я принесу больше пользы родине во главе моего батальона, чем в кресле мэра, и лучше буду служить республике в редакции моей газеты, чем в роли приспешника мерзких честолюбцев, которые через месяц, самое большее, сдадут Париж врагу. Уверен в этом.

Г-жа де Вернэ (сжимая руки Брийа, чуть ли не склоняясь к его ногам, умоляюще). Прошу вас, Жак, не отказывайтесь. Преодолейте свою непониманье — она лишена всяких оснований... Если вы не хотите сделать это для себя, сделайте ради вашей бедной матушки; она будет так счастлива, если вы выдвинитесь... Сделайте... *(С решимостью отчаяния.)* Сделайте это ради меня... *(Еще ниже склоняется перед ним.)*

Брийа (твердо). Нет, сударыня, вам меня не переубедить... Оставьте меня, я недостоин... *(спохватываясь)* вашего участия. Узнав людей, в руках которых находятся ныне судьбы Парижа, я не сделаю сегодня того, чего не сделал 4 сентября, когда питал, в сущности, лишь смутные подозрения... когда еще судил об этих людях по их словам.

Г-жа де Вернэ (выпрямляется, оскорбленная; властно сэрэ Галифаксу). Идемте, нам больше нечего здесь делать! *(Направляется к выходной две-*

ри. Оборачиваясь к Жаку.) Несчастный, ведь только стоило ему захотеть... *(Сэр Галифакс отворил дверь, они выходят, на мигновение исчезают из глаз, затем появляются на улице и сворачивают на бульвар.)*

Брийа (решительно, с горечью). Разрыв с ней должен был произойти, остается только радоваться. Все эти светские дамы на один лад — они рабыни своего тщеславия. Они любят вас при условии, что вы что-то представляете собой!.. Не мужчину они любят, а его положение или деньги, которые он имеет. И вот, даже глазом не моргнув, госпожа де Вернэ советует мне опозорить себя, предать дело, которому я служу, навлечь на себя презрение всех моих друзей. *(После паузы, задумчиво.)* Разве Жанна дала бы мне такой совет?.. Жанна!.. *(Встает с места и медленно проходит в комнату своей матери.)*

Явление XVI

Мамаша Дюфур, люди в очереди, которая снова образовалась у дверей открывшейся после перерыва пекарни.

Мамаша Дюфур (с порога разрушенного магазина Дюрана обращается к какой-то женщине, несущей под мышкой большой свернутый мешок). Эй, соседка, так и не получили дров?

Женщина (останавливается). Дров не дают!.. Склад закрыт!.. На воротах вывешено объявление!.. В Ратуше, видно, что-то предпринимают для подвоза дров!..

Мамаша Дюфур (гневно). Они, видите ли,

предпринимают!.. А пока что, как нам готовить обед?

Женщина. Вот именно! *(Взволнованно.)* А с ребятами как быть? Надо же их обогреть, обстирать! У меня их четверо. Они день-деньской дрожат от холода, да и муж приходит замерзший после дежурства на крепостном валу...

Мамаша Дюфур. А проходимцам из мэрии начать на это! Они-то ни в чем не нуждаются, всего у них вдоволь... Хотите верьте, хотите нет, — все эти люди предатели, они подкуплены пруссаками.

Женщина (вне себя). Так не бывать по-ихнему, ей богу!.. Я пошла за дровами и не вернусь домой без них!.. *(Глядя на дощатую загородку в конце бульвара.)* А это что, не дрова?! Смотрите!.. *(Стремительно бежит к загородке и принимается колотить по ней руками и ногами к удивлению людей в очереди и национальных гвардейцев на сторожевом посту.)*

Мамаша Дюфур (помогая ей отрывать доски). Правильно, милая! *(Повернувшись лицом к очереди.)* Знаете, склады пусты, и дрова перестали отпускать!.. Говорят, их больше нет... А вот они, дрова! *(Отрывает еще одну доску, несколько женщин выходят из очереди и тоже принимаются ломать загородку.)*

Сержант национальной гвардии (попавшись на городе сторожевого поста и увидев эту сцену, ссзет). Лейтенант! Лейтенант!

Лейтенант (выходя). Здесь!

Сержант (возбужденно). Взгляните на этих баб! Ломают загородку... Да ведь это грабеж! Нельзя этого допускать!

Лейтенант (подходя к женщинам в сопровождении сержанта). Нельзя трогать загородку, гражданки... Это частное владение!..

Мамаша Дюфур (наступая на лейтенанта). Что такое? Частное владение, говорите?.. А кому нужны здесь эти доски? Неужто я унесу участок в кармане, если он не будет огорожен?.. Знаем мы здешнего владельца. Он удрал в Италию еще в начале войны!.. Увидите, когда все успокоится, он вернется и потребует с нас квартирную плату⁵¹. *(С пылом.)* Надо бы отбирать собственность у этих мерзавцев. Подумать только, наши дети, у которых ни гроша нет за душой, идут на смерть ради этих проклятых собственников и ихних хороб!.. До чего же мы все глупы!..

Лейтенант. А ведь женщина права. И забор здесь ни к чему, да и те люди, что сбежали отсюда, не внушают особой симпатии.

Сержант (са сдержанным гневом). Старая ведьма!.. Надо что-то предпринять. Сообщу-ка в мэрию! *(Уходит.)*

Нищенски одетая женщина (худая, изможденная, в лохмотьях, с младенцем на руках, лейтенанту). Позвольте мне взять эту доску, гражданин лейтенант! Взгляните, ребенок посинел от холода.

Лейтенант (растроганно). Нет у меня права на это, гражданинка.

Нищенски одетая женщина (нагибаясь за доской и смотря на него с горькой усмешкой). Так значит, вы ничего не хотите видеть? А лицо у вас доброе... Я вдова, работы у меня нет, получаю из мэрии пособие — пятнадцать су в день... У нас в доме уже два дня нетоплено...

Лейтенант (подбирая другую доску и отдавая ее женщине). Возьмите и эту... (Женщина пожимает ему обе руки. Передернув плечами, лейтенант уходит на сторожевой пост, желая скрыть волнение.) Можно ли равнодушно видеть такую нищету?..

Явление XVII

Те же без лейтенанта. Во время этой сцены мамаша Дюфур отнесла несколько досок домой и вернулась, размахивая топором.

Мамаша Дюфур (показывая на высокие деревья бульвара). А эти деревья?.. Неужто мы станем смотреть, скрестив руки, как они растут, и мерзнуть от холода под ними? (Начинает рубить дерево под корень; другие женщины приносят косы, топоры и следуют ее примеру.)

Явление XVIII

Те же, Дюбрэ-Флошен, сержант, затем лейтенант Рубка деревьев продолжается два дерева уже лежат на земле, третье вот-вот упадет.

Сержант (запыхавшись, выходит на бульвар в сопровождении Дюбрэ-Флошена, помощника мэра; возбужденно). Вот видите, гражданин, они не ремонятся!.. Теперь уже за деревья принялись!..

Дюбрэ-Флошен (перебегает через улицу и, подойдя к сторожевому посту, спрашивает у часового). Кто здесь начальник?

Лейтенант (выходя). Я, гражданин!..

Дюбрэ-Флошен. Во имя закона!.. В качестве представителя муниципалитета (распахивает пальто и показывает трехцветную перевязь), я приказываю вам, лейтенант, положить конец этому безобразию, этому грабежу!.. Ваша нерадивость меня поражает!..

Лейтенант. Хорошо, попытаюсь, если вы приказываете. Пойдете с нами?

Дюбрэ-Флошен. Конечно.. Я сам обращусь к ним... Надо проявить решительность.

Лейтенант. Двадцать человек и горниста сюда, да поживее. (Сержант выводит всех солдат из сторожевого поста, за исключением Матуйе, который остается сидеть на скамье у входа с ружьем между ног. Он погружен в какие-то расчеты. На коленях у него лежат книги.)

Сержант (двадцати солдатам, выстроившимся в два ряда на тротуаре). Налево! Шагом марш! (Гвардейцы доходят до конца улицы, сержант командует.) Стой! Смирно! (Гвардейцы выстраиваются в боевом порядке.)

Лейтенант (командуя). Горнист, сбор!.. (Горн трубит; Дюбрэ-Флошену.) Теперь, гражданин, можете говорить.

Дюбрэ-Флошен (выпрямляется, упираясь на левую ногу, и распахивает пальто, чтобы показать перевязь). Граждане, гражданки... Собственность священна!.. Посягнуть на нее — преступление. (Ропот.) Эти доски должны быть возвращены... Пусть те, кто взял их, немедленно принесут обратно, иначе они за это ответят! (Несколько женщин, испугавшись, бросают доски, которые собирались унести.) Что касается деревьев, дело еще серьезнее... Это досягательство на общественную собствен-

ность. Срубить их и присвоить себе — не что иное, как кража! *(Поворачиваясь лицом к гвардейцам.)* Гвардейцы, арестовать преступниц! *(Национальные гвардейцы не двигаются с места за исключением сержанта, который выступает вперед и хватает женщину, вооруженную косарем.)*

Женщина (отбиваясь). Вы не посмеете меня арестовать, слышите?.. То-то! *(Остальные женщины набрасываются на сержанта, отталкивают его, обезоруживают. При виде этого национальные гвардейцы возвращаются один за другим на сторожевой пост.)*

Дюбрэ-Флошен (хватая за руку одного из гвардейцев). И вы, гражданин, отступаете перед бунтом! А ваш воинский долг?.. Извольте выполнять свой долг!.. Закон должен восторжествовать!.. *Гвардеец (останавливаясь и смотря прямо в лицо Дюбрэ-Флошену).* Долг?!.. Да разве у негодяев, пропойц и грабителей, вроде нас, есть какой-нибудь долг?.. И что можно требовать от людей, когда с ними обращаются по-скотски?.. Зовите для таких дел своих соглядатаев, своих мобилей. *(Уходит.)*

Дюбрэ-Флошен (лейтенанту). Что это значит?.. Не понимаю.

Лейтенант. Он говорит о приказе Клемана Тома⁵², который мне пришлось вывесить у нас здесь... Приказ всячески почосит национальную гвардию!.. До чего же мне все опротивело!.. *(Возвращается на пост.)*

Дюбрэ-Флошен (оставшись один у двери). Как быть? Если я вернусь в мэрию, бунтовщики окажутся хозяевами положения.. Через два часа деревья будут срублены, загородка разбрана.. Меня обвинят в слабости и сместят.. Плохая рекомен-

дация для будущего. С другой стороны, нельзя же вести борьбу в одиночку..

Явление XIX

*Та же декорация, те же действующие лица.
На сцену выбегает запыхавшийся Ракатель.*

Ракатель (Дюбрэ-Флошену). Я вас разыскиваю... Вы нужны в мэрии.

Дюбрэ-Флошен. Прежде всего, мне надо выйти из затруднения... *(Вполголоса рассказывает Ракателю о том, что произошло.)*

Ракатель (подумав с минуту). Обещайте мне пост, которого я домогаюсь, и я дам вам хороший совет.

Дюбрэ-Флошен. Это вызовет недовольство!.. Вы пользуетесь дурной славой... и потом ваш недавний провал... Но обещаю вам, что попробую.. Итак, ваш совет?..

Ракатель (улыбаясь). Надо тут же, не теряя ни минуты, отдать приказ, чтобы все деревья были срублены. *(Вынимает из кармана записную книжку.)* Пишите...

Дюбрэ-Флошен (удивленно). Что вы сказали? *Ракатель.* Иначе вам не сдобровать.. Подумайте, либо погибнут деревья, либо вы сами... Что бы вы ни делали, начало положено!.. Протестовать против совершившегося факта бесполезно. А применение силы приведет к ненужной и опасной жестокости. Если же вы открыто, смело возьмете на себя ответственность за эту меру, к тому же оправданную необходимостью, вы сразу же окажетесь в выигрышном положении!..

Дюбрэ-Флошен. Гм!.. Уступить бунтарям...
Ракатель. Вы не поняли меня... Бунта нет и в помине... Люди лишь выполняют ваш приказ, быть может, с излишней горячностью... Вы поступите как предприимчивый, проницательный, смелый администратор... И завтра же будете мэром.

Дюбрэ-Флошен (в сторону). Он прав, честное слово! *(Потирая руки.)* Да, да, поспешим написать приказ. *(Подчеркнуто.)* Приказываю срубить все деревья.

Ракатель. А я получу место?.. Обещаете...

Дюбрэ-Флошен (небрежно). Да, там посмотрим!.. *(Снимая пальто.)* Помогите мне, возьмите пальто.

Ракатель (в недоумении машинально берет пальто, в сторону). Пожалуй, меня понизили в чине вместо того, чтобы повысить. *(Следует за Дюбрэ-Флошеном, оба уходят.)*

Смеркается, на сцене никого нет, кроме часового и нескольких гвардейцев у сторожевого поста. Хлебопекарня открыта и освещена. В глубине сцены мужчины и женщины распиливают сваленные деревья.

Явление XX

Рено, Жанна Бодуен, неизвестный буржуа.

Рено (идет со стороны бульвара, под мышкой у него пачка красных афиш⁵³, в руке банка с клеем; он останавливается у стены хлебопекарни, ставит банку на землю и разворачивает одну из афиш). Вот я и в своем районе... За дело... (Напрасно пы-

таясь вытащить кисть.) Ба, клей пристыл, а я и не подумал об этом. *(Осматривается.)* Как быть?.. Какой я дурак! Ведь мамзель Жанна здесь, надо попросить у нее горячей воды. *(Входит в хлебопекарню и тотчас же возвращается вместе с Жанной, которая взяла афишу и читает ее.)*

Жанна Бодуен. Наконец-то! Вот это правильно... Жаль только, что время позднее, и мало кто прочтет эти афиши, а ночью их, быть может, сорвут... *(Вздрагивая.)* Если только...

Рено (наклеив афишу). Спасибо, мамзель Жанна. *(Уходит.)*

(Появляется буржуа).

Буржуа (останавливаясь перед афишей и пробегая ее глазами). Еще одна махинация красных... Следовало бы всех их упрятаť в Мазас... Они ослабляют нашу обороноспособность. *(Продолжает читать.)*

Жанна Бодуен (женщине, проходящей мимо с ружьем). Куда это вы, мамаша Томá?

Женщина. Хочу отнести ружье сына в мэрию... Он уже целый месяц лежит в госпитале, я очень боюсь, что и вовсе не выйдет оттуда... Уже прислали две повестки насчет ружья, надо его сдать... А вот и пехотинцы... *(Расклеивая афиш, сопровождаемый солдатами во главе с сержантом, несет афиши Трошю⁵⁴. Он наклеивает одну из них рядом с красной афишей.)*

Буржуа (читая). Военный губернатор не сдаст Парижа. *(В сторону.)* Слава богу! Золотые слова!.. И написано черным по белому!.. Чего еще надо этим чертовым социалистам? *(Сержанту.)* Сержант, необходимо не только расклеивать эти афиши (указывает на белую афишу), но и повсюду сры-

вать афиши смутьянов.. Начнем с этой (*Хочет сорвать красную афишу.*)

Жанна Бодуен (*выхватывая ружье у пожилой женщины и угрожая штыком буржуа, который пятится в растерянности*). Руки прочь, иначе.. Вот они, эти защитники порядка!.. Мы не трогаем ваших живых афиш; а вы срываете наши афиши только потому, что мы смеем говорить правду! По этой афиши вы не сорвете!.. Проваливайте отсюда, богатеи!

Буржуа (*испуганно солдатам*). Сержант, защитите меня, уведите эту фурию, исполните свой долг...

Сержант (*отталкивая буржуа, резко*). Тихе ты, посторонись, бездельник. (*Идет дальше со своими людьми и с расклейщиком афиш, то и дело оборачиваясь, чтобы взглянуть на Жанну.*) Клянусь честью Кермадека, до чего она красивая и отчаянная! (*Уходит.*)

Явление XXI

Жанна Бодуен, мамаша Томá, затем Постреленок и Матуйе.

Жанна Бодуен. Мамаша Томá, оставьте у меня ружье... Завтра я сама отнесу его в мэрию...

Мамаша Томá. Ладно, ладно, мамзель Жанна... И мне не охота лишний раз топтать по улице... Только не подведите меня. (*Уходит.*)

Постреленок (*выходя на сцену и останавливаясь в изумлении*). Что это? Женщина с ружьем! Да это мамзель Жанна!

Жанна Бодуен (*передавая ему ружье*). Встань

тут и охраняй афишу... не давай ее срывать! Пусть люди читают ее...

Постреленок. Понятно! Я буду читать ее вслух всякий раз, как соберется много народа.

Матуйе (*охранявший сторожевой пост во время сцены с афишей, шагает назад и вперед, разговаривая сам с собой и размахивая руками. Ударив себя по лбу, подходит к Постреленку*). Два объявления! Посмотрим, о чем в них говорится!.. Следовало бы примирить обе точки зрения!.. Я могу этому помочь!.. (*Жанна входит в хлебопекарню.*)

Постреленок (*в то время как Матуйе вынимает какое-то объявление из своего кармана*). Пожалуйста, гражданин Матуйе, замените-ка меня, пока я сбегаю на сторожевой пост. (*Убегает, унося с собой ружье.*)

Матуйе (*разворачивает свое объявление и старается приколоть его к одной из афиш; ружье он поставил рядом*). Вот, готово!.. И подписано!.. Пождем результата!..

Явление XXII

Матуйе, тот же буржуа в сопровождении полицейского.

Буржуа (*останавливаясь и указывая на Матуйе*). Вот полюбуйте, опять какой-то анархист вывешивает объявление... Наверно, призыв к оружию!..

Полицейский. Хватит! Все ясно! (*Подходит к Матуйе и хлопая его по плечу.*) Следуйте за мной!.. *Матуйе* (*удивленно*). Следовать за вами? Почему?

Полицейский. Без разговоров... (*Срывает обь-*

явление Матуйе и прячет его в карман.) Ну пошевеливайтесь, живее!.. (Матуйе не двигается с места, полицейский хочет взять его за шиворот.) Матуйе (отбиваясь и крича). Это нарушение свободы слова!.. (На его крики из двери сторожевого поста выходят несколько национальных гвардейцев, Жанна появляется на пороге хлебопекарни, а Брийа открывает окно своей комнаты, где он, видимо, что-то писал.)

Явление XXIII

Те же, на тех же местах, что и в предыдущем явлении. Неожиданно со свистом падает снаряд. Национальные гвардейцы мгновенно скрываются за дверью сторожевого поста и захлопывают ее за собою; Матуйе убегает в одну сторону, полицейский — в другую; снаряд разрывается посреди улицы и ранит Жанну.

Явление XXIV

Жанна Бодуен (шатаясь). Боже мой! Ай! (цепляется за дверь хлебопекарни.)

Брийа (встревоженно). Голос Жанны! Неужто она ранена?!.. (Прыгает из окна и, хромая, спешит к Жанне.) Вы ранены, Жанна?

Жанна. О, пустяки.. (Запинаясь.) Это.. скорее.. от испуга...

Брийа (дрожащий, взволнованный). Но кажется у вас кровь на лбу.. (Видя, что Жанна шатается и вот-вот упадет, поддерживает ее.) Боже мой, что с ней? Врача, скорее врача!.. (Жанна, видимо, в обмороке.) Никаких признаков жизни.. Уж не умер-

ла ли она?.. И как раз сегодня, сию минуту, я понял, что люблю ее...

Жанна (открывая глаза, слабым голосом). Вы любите меня, Жак, это правда?

Брийа. Клянусь вам...

Жанна (еле слышно). Наконец!.. Если я умру сейчас, то умру счастливой!.. Очень.. очень.. счастливой!.. (Лишается чувств в объятиях Брийа.)

Брийа. Врача! (Кричит.) На помощь! На помощь!

Занавес медленно опускается под глухой, торжествующий грохот орудий.

4-е действие — «КОММУНА»

5-я картина —

«18 МАРТА. «ДО ПОСЛЕДНЕЙ КРАЙНОСТИ»⁵⁵»

Действующие лица:

Те же, что и в предыдущих картинах, кроме Матуйе, Руйака, Адели Шовело и нескольких второстепенных лиц.

Ландри Дюфур, 45 лет, лейтенант жандармов. *Генерал Клеман Томá* (появляется лишь мельком).

Неизвестный генерал.

Бонналь, ставший за время осады штабным полковником.

Кермадек, 28 лет, бретонец, сержант-пехотинец, награжденный медалью, на рукаве у него нашивка. *Капитан, лейтенант федератов, капитан пеших стрелков, капитан войск местного гарнизона, дворянских делегатов, один солдат 88-го полка.*

Штабные офицеры, пешие стрелки, пехотинцы, жандармы.

Федераты, женщины из народа, несколько лавочников, несколько рабочих.

Женя, гарсон из кафе.

Площадь Пигаль и соседние улицы. На первом плане, слева от зрителей, угол улицы Дюперре, примыкающий к рампе. В этой же стороне бакалейная

лавочка и торговля гравюрами и старыми картинами; лавочка — на углу улицы Дюперре и площади Пигаль, магазин гравюр — на углу бульвара Клиши и той же площади. На первом плане, справа от зрителей, большое кафе под вывеской «Дохлая крыса» и терраса перед ним. Видна внутренняя часть кафе с бильярдом посередине и с мраморными столиками. За кафе красный кирпичный дом живописца Дидаса⁵⁶, доходящий до бульвара Клиши, который пересекает сцену параллельно рампе. В глубине сцены массив жилых домов, перерезанный тупиком Гельма, пассажем Элизе-дез-Ар с решеткой перед ним и улицей Гудона⁵⁷. Посреди площади безобразный фонтан, сохранившийся до наших дней.

При поднятии занавеса едва начинает светать, лавочки еще закрыты, на площади пустынно. Гарсон спит на бильярде в кафе. По бульвару Клиши молчаливо, словно крадучись, идут отряды. Одни продолжают путь по бульвару, другие сворачивают на улицу Гудона; решетка пассажа Элизе-дез-Ар заперта. Генерал со своими штабными, среди которых и Бонналь, остановился посреди площади, откуда он наблюдает за передвижением войск. Адьютант поспешно спускается по улице Гудона и подходит к генералу. Тот выслушивает донесение адъютанта и отпускает его взмахом руки.

Явление I

Генерал, полковник Национальной гвардии Бонналь, лейтенант жандармов Ландри. Пехотинцы, жандармы.

Генерал (Бонналю). Я только что получил донесение, что Леконт там, наверху⁵⁸. (*Указывает на Монмартр.*) Он захватил пушки.. и почти без сопро-

тивления... Всего двое убитых, пятьдесят человек взяты в плен. (*Потирая руки.*) Анархисты, виновники беспорядков, опять усмирены.

Жорж Бонналь (качая головой). Не разделяю вашего оптимизма, генерал.

Генерал (улыбаясь и похлопывая по плечу Бонналя). Дорогой мой, хорошенько запомните следующую истину: полк во главе с решительным командиром всегда обуздывает народ, даже людей мужественных и вооруженных... В этом и заключался секрет Империи... Я дарю его любому претенденту на трон... Дисциплинированная регулярная армия, беспрекословное повиновение... Все в этом... Попомните мои слова...

Жорж Бонналь. Да, но после пяти месяцев осады, боевой подготовки и перенесенных тягот национальная гвардия стала чуть ли не армией...

Генерал. Армией?.. Вы шутите, дорогой. Что за армия, которая спорит, читает газеты, горланит, сама назначает своих командиров?.. Полноте!..

Жорж Бонналь. Национальные гвардейцы доблестно сражались всякий раз, как им представлялся случай проявить свой патриотизм. Я был свидетелем этого в Монтрету, в Бюзенвале ⁵⁹ и убежден, что их зря не направили на другие участки фронта, мы только бы выиграли от этого.

Генерал. Согласен! Я не оспариваю их доблести... Они могут сражаться и сражаются хорошо, но им далеко до наших пехотинцев. Они обсуждают получаемые приказы и казарму превращают в клуб... Недаром сегодня утром мы отобрали у них пушки: им даже в голову не пришло их охранять... Объявление о захвате Монмартра ⁶⁰ — пробный оттиск его мы видели еще вчера — расклеено по всему Парижу,

и члены пресловутого Центрального комитета, по всей вероятности, уже арестованы... Завтра Национальное Собрание примет срочное решение о роспуске армии, монархия будет провозглашена и республика перестанет существовать.

Жорж Бонналь (задумчиво). Вы полагаете?

Генерал. Иначе и быть не может... Остается узнать, кто взойдет на трон. Генрих V слишком погряз в рутине; Орлеаны мало популярны... Юный принц ⁶¹ не достиг совершеннолетия... Правда, Базен ⁶² мог бы стать регентом.

Жорж Бонналь. Базен? После Меца?

Генерал. После Меца? А почему бы и нет?.. Подумайте, ведь сдав Мец, Базен оказал крупную услугу партии порядка... Он проявил себя дальновидным политиком... Иначе Мец продержался бы еще месяца два... Париж не капитулировал бы... поднялась бы провинция, утвердилась республика!.. А это было бы огромным несчастьем... Базен пожертвовал собой ради правого дела... Он заслуживает нашей признательности...

Жорж Бонналь. Никогда не примирюсь с тем, что можно сдать город, признанный неприступным, особенно имея гарнизон в 180 000 человек... Помему, Базен подлец...

Генерал. У вас свой взгляд на вещи, у меня — свой... Оставим это. Сейчас не время спорить... Я иду в Клиньянкюр... Проводите меня? (*Собирается идти.*)

Жорж Бонналь. Сделаю кое-какие распоряжения и догоню вас. (*Зовет Ландри.*) Лейтенант, сколько у вас людей?

Ландри. Сорок пять, господин полковник.

Жорж Бонналь. Вполне достаточно. Поставьте часовых на всех углах... Задерживайте всех прохо-

наверх?.. Не стоит и спрашивать, из наших ли вы... Разумеется, вы не знаете нашего пароля!

Брийа (холодно). Нет.

1-й жандарм. Идем, объяснитесь с начальником. *(Ведет Брийа к Ландри, который курит сигару, попивая абсент)*.

Ландри (смотря на Брийа, приближающегося под конвоем обоих солдат, в сторону). Где я видел этого субъекта?.. Он один из главарей... верно, послан на разведку... *(Брийа)*. Попались, господин коммунары... *(Жандарму, резко)*. Этот человек хотел проникнуть в пассаж?

1-й жандарм. Он пробирался туда тайком вместе с мальчишкой, но тот удра.

Ландри (жандарму). Добыча что надо! Молодец... Поместите задержанного в кафе и не спускайте с него глаз... Отправьте его в Мазас с первым полицейским фургоном.

Жандарм (подталкивая Брийа). Ну, пошевеливайся. *(Брийа входит в кафе, пожимая плечами; садится за столик, жандарм садится против него)*. *(В эту минуту с улицы Дюперре доносится шум шагов и возгласы «Кто идет?», сопровождаемые спором; громче всего звучат грубые голоса жандармов)*.

Явление III

Те же, Дюбрэ-Флошен, Ракатель

Ландри (всматриваясь). Неплохо, вот и другие!.. *(Жандармы подводят к нему Дюбрэ Флошена и Ракателя)*.

3-й жандарм. Задержаны на углу улицы Дүэ..

Они, видно, очень торопились, лейтенант... толстяк уверяет, что он...

Дюбрэ-Флошен (вырываясь от солдат, возбужденно). Наконец-то можно поговорить с офицером!.. *(Ландри)*. Лейтенант, я заместитель мэра в одном из округов Парижа... моя личность неприкосновенна. *(Указывая на Ракателя)*. Я отвечаю за этого господина, он сопровождает меня... велите немедленно отпустить нас и умерьте пыл ваших людей... *Ландри (холодно, с оттенком иронии)*. Господин заместитель, известен ли вам пароль?

Дюбрэ Флошен. Нет, я не знал, что происходит... Только что прочел объявление...

Ландри (резко). Ах, вы не знали... Тогда в общую кучу!.. *(Жандарму)*. И другого вместе с ним, пусть побеседует... это их развлечет... Присматривайте за ними...

Дюбрэ-Флошен. Говорят вам, я должностное лицо... *(Распахивает пальто, чтобы показать трехцветную перевязь)*

Ландри (смеясь). Подумаешь! Для меня, кроме инструкции и пароля, ничего не существует. *(Жандарму)*. Уведите их...

Дюбрэ-Флошен (взвешенный). Я протестую. *(Сопровождаемый Ракателем и жандармом, угрюмо входит в кафе, где уже находится арестованный Брийа)*

Явление IV

Те же, Брийа, Дюбрэ-Флошен, Ракатель и двое жандармов.

Дюбрэ-Флошен (заметив Брийа). И вы здесь, Брийа... (Подходит к нему и садится за тот же столик, Ракатель занимает место рядом с ними. Двое жандармов садятся за соседний столик и во время этой сцены заказывают и распивают бутылку белого вина.)

Брийа. Да, я арестован, дорогой мой... А вы, видно, тоже... (Понизив голос.) Знаете новость?.. Правительство показало себя...

Дюбрэ-Флошен. Я только что прочел объявление...

Брийа. Да ведь это государственный переворот... Но удастся ли он?

Дюбрэ-Флошен (качая головой). Гм! Гм! Боюсь, что удастся: они взяли быка за рога...

Ракатель и Брийа (холодно). Из этого переворота ничего не выйдет.

Дюбрэ-Флошен. Вы думаете?

Брийа (горячо). Уверен в этом... Правительство пошло по ложному пути. Оно не приняло в расчет Национальную гвардию, между тем осада закалила ее, а капитуляция ожесточила... Для успеха предприятия следовало бы давным-давно завладеть орудиями... Но Винуа⁶⁴, Трошю и вся их компания даже не позаботились заготовить упряжки для пушек... Орудия по-прежнему наверху... И теперь, когда совсем рассвело, стоит там, на Монмартре забить в барабан, призывая к оружию национальных гвардейцев... и увидите...

Дюбрэ-Флошен. Учтите, однако... Даже запре-

щение газет не вызвало беспорядков, а между тем все ждали их...

Брийа. Запрещение газет не затрагивает непосредственно национальной гвардии... Тогда как большинство пушек принадлежит ей.. Она оплатила их стоимость⁶⁵... И наконец гвардейцы прекрасно понимают, что как только пушки будут у них отобрачны... на следующий же день или же вскорости у них отнимут ружья и лишат их жалованья⁶⁶...

Дюбрэ-Флошен. Вероятно!

Брийа. Так вот, Париж не пойдет на это... Население восставлено против генералов, их считают предателями или дураками... Париж вот-вот поднимется и сметет их!..

Дюбрэ-Флошен. Так значит, вы возлагаете надежды на Центральный комитет⁶⁷, на его влияние?

Брийа. Я не возлагаю никаких надежд на Центральный комитет, который еще окончательно не сформирован... Но я рассчитываю на подъем народных масс... Национальная гвардия дорожит своими пушками и ружьями... она их не отдаст...

Дюбрэ-Флошен. Но в объявлении говорится, что орудия захвачены...

Брийа. Захвачены? Может быть... но несомненно одно — они все еще находятся на Монмартре из-за отсутствия упряжек...

Дюбрэ-Флошен. Если бы только Париж знал об этом...

Брийа. Скоро узнает... В эту самую минуту люди читают объявление... гнев нарастает... Еще немного, и произойдут важные события... Армия обескуражена, раздражена капитуляцией, за которую ей же приходится расплачиваться... она с недоверием смат-

рит на офицеров... Она дрогнет от первого же натиска!.. Как только станут бить сбор, пусть даже не во всем Париже, и вы увидите... Ну, что я вам говорил? Слышите, это же совсем близко, на Монмартре. *(Слышно, как бьют сбор.)* Ну как? Начало положено!.. Все идет на лад, через час мы будем свободны! *(Задумчиво.)* Остается узнать, сумеет ли народ воспользоваться своей победой...

Дюбрэ-Флошен. Так, значит, вы на стороне восставших.

Ландри *(проявляя при звуках барабана удивление, смешанное со страхом, зовет жандарма).* Взгляните, кто это бьет сбор там наверху... *(Показывая на улицу Гудона.)* Ступайте по этой улице и тут же возвращайтесь... *(Жандарм уходит.)*

Явление V

Те же, капитан федератов⁶⁸, лейтенант федератов, расклеивающий афиш, женщины из народа.

Окончательно рассвело. По-прежнему слышится барабан — это Постреленок бьет сбор. Вскоре откликаются еще два барабана. Минуту спустя раздается слева от зрителей, со стороны заставы Клиши, мощная барабанная дробь, призывающая ко всеобщему сбору. Этот грохот поднимает на ноги весь квартал: открываются лавочки, торговцы переговариваются, спрашивают, в чем дело, собираются кучками. Национальные гвардейцы и женщины из народа столпились в пассаже Элизе-де-Боз-Ар, решетка которого по-прежнему закрыта. Ландри, явно встревоженный, расхаживает по тротуару... Вбегает жандарм, посланный на улицу Гудона, вид у него растерянный, фуражку он потерял.

Ландри *(поспешно идя ему навстречу).* В чем дело? Что случилось?

Жандарм *(с трудом переводя дух).* Лейтенант!.. Национальные гвардейцы вооружились, выходят на улицу!.. Наши оставили улицу Гудона... меня чуть было не схватили...

Ландри *(озабоченно).* Черт возьми! Дело дрянь. *(Жандарму).* Сколько их там, ну хоть приблизительно? *(Во время этой сцены Дюбрэ-Флошен, Брийа и Ракатель неслышно разговаривают между собой в кафе.)*

Жандарм. Трудно сказать! Почему я знаю!.. Они лезут из всех щелей... Кишмя-кишат, как муравьи в муравейнике... Они словно взбесились и кричат: «На холм! На Монмартр!»

Ландри. Пусть идут... Леконт перестреляет их там, как миленьких. *(Указывая в сторону заставы Клиши.)* Вот какое место меня беспокоит. Правда, мы всегда сможем отступить по этой улице. *(Указывая на улицу Дюперре.)* А пока что будем насто-роже. *(Жандарму, который вытирает лицо цветным платком.)* Беги скорее в Клиньянккур... Расскажешь обо всем полковнику Бонналю и попросишь его прислать мне двести человек!.. Скорее! *(Жандарм убегает по бульвару, справа от зрителей.)*

Гарсон из кафе *(подойдя к столу, за которым сидят Брийа, Дюбрэ-Флошен и Ракатель).* Не подать ли вам, господа, чего-нибудь горячего?.. *(Брийа).* Узнаете меня, гражданин Брийа?

Брийа. Конечно, узнаю, вы Эжен из «Глазера», из «Мадрида» и «Ратуши»... Вы все еще увлекаетесь политикой?..

Эжен *(с живостью).* Больше чем когда-либо!.. *(С комическим пафосом).* Потому-то я и перешел

в «Дохлую крысу», здесь сподручнее наблюдать за орудиями на Монмартре, из-за которых — я всегда это говорил — не миновать заварухи... (Понизив голос.) А с той минуты, как забили в барабан, особенно там, наверху (указывает на Монмартр), я положительно стал революционером... Взгляните, стоило гвардейцам зашевелиться, как с жандармами приключились колики. (Подмигивая, указывает на Ландри, который лихорадочно шагает по тротуару.) Что прикажете подать?... Послушайтесь моего совета, скушайте или выпейте чего-нибудь, пока еще есть время... денек будет жаркий...

Брийа (повысив голос). Принесите три чашки чая!..

Гарсон (отойдя от них, громко). Сюю минуто, сударь!.. Три чашки чая на тронх!.. Да покрепче!.. (Жандарм преграждает путь штыком капитану Национальной гвардии в походной форме, в подобранной шинели, под которой скрыты сабля и револьвер; тот вышел из прохода за бакалейной лавочкой на площади Пигаль, где жандарм находился в засаде.)

Жандарм. Стой!... Проход закрыт...

Капитан федератов (вытаскивая револьвер и взведя курок). Закрыт? Это еще почему?

Жандарм (отступая на шаг, неуверенно). Ходить здесь запрещено! Таков приказ!..

Капитан (с живостью). Чей приказ? О чем приказ? (Холодно целясь в жандарма, сухо). Посторопись! (Жандарм пропускает его; капитан бросает быстрый взгляд вокруг. В эту минуту расклеивщик афиш выбегает с улицы Дюперре на площадь Пигаль и, найдя подходящее место, ставит на тротуар возле кафе банку с клеем и вывешивает объявле-

ние Тьера⁶⁹, затем направляется по прежнему бегу в сторону площади Клиши. Капитан федератов подходит к объявлению, пробегает его глазами и говорит вполголоса.) Что-то новенькое!.. (Оборачивается и, заметив в окне лейтенанта федератов, кричит ему.) Сюда, лейтенант, скорее, скорее! (Лейтенант отходит от окна и, присоединившись к капитану, читает объявление.) Что вы на это скажете? *Лейтенант* (в такой же форме, что и капитан). Пушки наши и скоро будут у нас в руках!.. Сбор бьют повсюду!.. Возмущенный народ поднимается! Бежим в мэрию, узнаём по крайней мере, что происходит... Идете, капитан?.. И черт возьми! Да здравствует республика!.. (Лейтенант и капитан быстро поднимаются вверх по улице Гудона.)

Ландри (видевший с террасы кафе эту сцену, своему сержанту). Соберите людей, постройте их здесь, на тротуаре; поодиночке их переловят в два счета... (Сержант выходит, чтобы выполнить приказ; Ландри вынимает из кармана часы.) Если через пять минут подкрепления не будет, я смоюсь... (Барабан бьет сбор на улице Лаваль и на улице Дюперре, слева от зрителей; Ландри в отчаянии машет рукой.) Пропали все пропадом!.. Слишком поздно! Мы окружены!.. (Соображая.) Остается только одно... (Медленно входит в кафе и направляется к Дюбрэ-Флошени.) Извините, сударь, вы говорили, что вы заместитель мэра?

Дюбрэ-Флошен. Я даже показал вам свою перевязь...

Ландри. Простите меня, сегодня такое беспокойное утро... Раз вы заместитель мэра, ваш арест — следствие простого недоразумения... Вы свободны.

Дюбрэ-Флошен (поспешно вскакивая). Свободен. Наконец-то... А эти господа?..

Ландри. Я сделал исключение для вас, сударь, поскольку вы должностное лицо... Большого у меня не просите. (Вкрадчиво.) Вы засвидетельствуете, надеюсь, что никто из вас не подвергся грубому обращению...

Дюбрэ-Флошен. Конечно!.. Если не считать нескольких резких слов... Но довольно об этом... Идемте со мною, Ракатель. (С порога кафе.) До скорой встречи, Брийа...

Брийа. До свиданья. (*Дюбрэ-Флошен и Ракатель выходят из кафе, идут по площади и скрываются за углом бульвара в направлении проспекта Клиньянкюр*.)

Явление VI

Ландри, Брийа в кафе; Кермадек и капитан пеших стрелков; 1-я женщина, 2-я женщина; стрелки, пехотинцы, федераты, жандармы, женщины из народа, дети.

В конце предыдущей сцены на площади кучками собрался народ, больше всего людей перед объявлением Тьера. Все оживленно спорят, особенно громко и раздраженно говорят женщины. Люди переходят от одной группы к другой и любопытнейшим образом поглядывают на жандармов, стоящих на тротуаре. Несколько мальчишек насмешливо глядят на них.

Жандарм (тот самый, которого Ландри послал за подкреплением). Вот ваши двести человек, лейтенант. Они идут за мной... (Слышится мерный воинский шаг, любопытные спешат перейти в эту часть сцены; отряд, состоящий из пеших стрелков

и солдат линейной пехоты, появляется со стороны бульвара Рошешуар и выстраивается лицом к зрителям по бульвару Клиши, в глубине площади Пигаль).

Ландри (весело). Вот мы и выкарабкались!.. Жаль, что я отпустил заместителя мэра и его спутника...

Капитан стрелков (подходя к Ландри). Меня прислали к вам на помощь, лейтенант, что надо делать?

Ландри. Был дан приказ помешать движению по улицам... но я не мог справиться... сюда хлынула толпа... Теперь уже ничего не поделаешь... Мне кажется, надо удержать эту позицию впредь до новых распоряжений...

Капитан. Значит, мы останемся здесь в ожидании? *Ландри*. Да, только и всего... По крайней мере до тех пор, пока толпа не двинется с места и ограничится выкриками... Но при малейшем нападении... огонь!

Капитан. Разумеется... Все ясно!.. (Возвращается к своему отряду.)

1-я женщина (Кермадеку, который выстраивает свой взвод.) Вы еще долго останетесь здесь, сержант?

Кермадек. Не знаю... милая дамочка. (Вполголоса.) Будь я командиром, нас давно бы тут не было... Все это у меня вот где сидит...

1-я женщина. Понятно. (Тихо.) Вы не станете стрелять в народ?

Кермадек. Нет, никогда! Будьте покойны!.. Мы уже смекнули, что к чему...

Капитан (громко). Безобразие, сержант!.. В строю не разговаривают...

1-я женщина. Ну и ну, будьте осторожнее, бедный малый... У вашего начальника довольно-таки свирепый вид... (*Отходит на два шага.*)

Гермадек (искося глядя на капитана). Вот каналья! Небось, ты не кричал и не задира л носа, когда в Шатийоне⁷⁰ спешил отдать свою саблю пруссакам!.. Я прекрасно узнал тебя, хотя ты и вернулся из Германии⁷¹ с лишней нашивкой на рукаве, а мы, дураки, сражавшиеся все это время, так и остались быдлом!.. Но я не спущу с тебя глаз и при первой возможности собою с тебя спесь... (*Занимает в своем взводе место замыкающего.*)

1-я женщина (к другой, вновь прибывшей). Знаете, соседка, наверху, верно, идет бой (*указывает на Монмартр*). Мой муж только что ушел туда.

2-я женщина. Мой тоже. (*Понизив голос.*) Солдаты переходят на нашу сторону... (*Торжествуяще.*) Они поворачивают ружья прикладом вверх!.. *Солдат из первого ряда (тихо своему соседу).* Слышал?

Солдат, стоящий с ним рядом (пожимая плечами). Полно! Это невозможно! А военные суды?

2-я женщина (продолжая говорить). И теперь идут с нашими, да еще в первых рядах! Они словно с цепи сорвались и собираются расстрелять своих генералов!..

1-я женщина. Еще бы... И бедняги правы!.. Ведь они-то не предали... Будь у них хорошие начальники, они вздули бы пруссаков!..

2-я женщина. Да и Париж не сдался бы!..⁷² Но их все время заставляли пятиться, отступать... Так было в Шампани⁷³, в Бюзенвале, повсюду... Начальники только и думали о том, чтобы сдаться...

1-й солдат (тихо соседу). Слышишь?

2-й солдат (так же). Да... В том, что они говорят, есть доля правды...

1-й солдат (тихо). Знаешь, я не стану стрелять... Кермадек тоже не станет... Кермадек славный малый!.. Под конец и ему стало тошно... И есть от чего.

Явление VII

Те же, Пьер Бодуен в сопровождении нескольких федератов, Жанна Бодуен рядом с дядей, старик, толпа. Бодуен в форме ротного делегата⁷⁴: фуражка с красной повязкой, красный значок на куртке, ружье на плече и револьвер за поясным ремнем; Жанна и старик — оба в форме национальных гвардейцев — не вооружены.

Бодуен (останавливается на площади вместе со своими солдатами, толпа окружает их; он поднимает руку в знак того, что хочет говорить. Громко). Граждане! Гражданки!.. Вы все знаете о том, что произошло... Доверие народа снова обмануто... (*Возгласы в толпе: «Да, да!»*). Под покровом ночи... наши часовые, люди неопытные, были разоружены и перерезаны!.. И это в мирное время!.. Наши пушки похищены... Пушки, которые оплатил народ... Патриотизм парижан страшит власть имущих... Они собираются разоружить народ, а затем начнут морить его голодом и расстреливать... Но это им не удастся! (*Возгласы: «Да, да!»*) Мы сметем с лица земли этот раззолоченный, увешанный орденами сброд! Пусть следуют за мной все те, кто хочет отстоять, а, быть может, и спасти подлинную республику!.. (*Несколько национальных гвардейцев и женщин присоединя-*

ются к небольшому отряду Бодуена, который поворачивается лицом к пехотинцам, по-прежнему стоящим с ружьем к ноге.) Но что делают тут эти солдаты, их место в казарме (*Возгласы в толпе: «Браво! Браво!»*), там они должны ждать, когда их распустият по домам. (*Возгласы в толпе: «Правильно!»*) Я требую, чтобы они ушли отсюда! (*Громкие крики «браво», Бодуен окружен людьми, которые что то оживленно говорят ему.*)

Не вооруженный старик (торопливо капитану стрелков). Поверьте мне, господин офицер, вам лучше уйти! Прикажите своим людям поскорее вернуться восвояси!.. Сами видите, национальные гвардейцы взбешены!.. Бодуен пользуется большим влиянием!.. Я уже полчаса напрасно стараюсь втолковать ему, что Франции нужен мир... Вы слышали, что он сказал? Если вы останетесь, начнется перестрелка между французами, между братьями. Какое это несчастье, сударь! Боже мой!.. (*В отчаянии воздевает руки.*)

Капитан (грубо). Проваливай!

Старик (отходя). И те, и другие одинаково упрямы. (*Жанне, беря ее за руку.*) Умоляю вас, мамзель Жанна, ведь я знаю вас с тех пор, как вы были крошкой, постарайтесь увести отсюда своего дядю, иначе его убьют. (*Жанна отрицательно качает головой.*) Подумайте, здесь, в кафе находится несчастный молодой человек, его арестовали сегодня жандармы.. Если начнется схватка, они могут его расстрелять... Но я совсем запямятовал, вы знаете его, это Жак Брийа, друг вашего дяди...

Жанна (в сильном волнении). Что, Жак Брийа арестован?!

Старик Да, мамзель, арестован! (*Указывая на ка-*

фе, перед которым Ландри собрал своих жандармов.) Он там внутри, бедняга! Я увидел его в окно... Хотел было поговорить с ним, но не смог... Жандармы никого и близко не подпускают... Какое несчастье, боже мой! Какое несчастье!

Жанна (подбегая к Бодуену и хватая его за руку, прерывающимся голосом). Дядя, Брийа аресто-

ван, он здесь, в кафе!.. Если начнется.. схватка, его, пожалуй, расстреляют...

Бодуен (удивленно). Брийа! Под стражей!.. *(Овладевает собой.)* Ничего не поделаешь!.. Нам надо немедленно покончить со всем этим!.. Каждый из нас должен пожертвовать сегодня своей жизнью *(взволнованно)* и жизнью своих близких!.. Иду!.. *(Подходит один к капитану пеших стрелков.)* Требую во имя народа, чтобы вы ушли отсюда, ваше место не здесь, вы нам не нужны!

Капитан (угрожая Бодуэну саблей). Разойтись, не то прикажу открыть огонь.

Бодуен (горячо). Вы сдали Париж, а теперь хотите обезоружить его, заткнуть ему глотку! Какая наглость, право!.. Убирайтесь!.. И скажите вашим хозьявам, что их переворот не удался.

Капитан (командуя). Приготовиться!.. Пли!..

Бодуен (примыкая штык). В штыки, ребята!.. *(Национальные гвардейцы бросаются вперед с ружьями наперевес, но тут же останавливаются, удивленные. В самом деле, ни один человек не выполнил приказа капитана, а Кермадек вышел из рядов и встал рядом с Бодуэном, который пожал ему руку.)* Кермадек *(размазывая фуражкой).* Я перехожу на сторону народа!.. Да здравствует республика!..

Толпа. Bravo! Bravo! Да здравствует сержант!.. *Капитан (гневно, с пеной у рта).* Пли! Черт возьми! Пли! *(Бьет солдат, стоящих с ним рядом, плоской стороной сабли.)* Пли! Пли! Мерзавцы!..

Солдат из 1-го ряда (соседу). Будешь стрелять? *(Поворачивает ружье прикладом вверх.)*

2-й солдат (в свою очередь поворачивая ружье). Нет, понятно, да и он обозвал нас мерзавцами!.. *(Другие солдаты следуют их примеру.)*

Старик (хватая за руку Кермадека). Друг мой, подумайте! Что вы делаете? А ваши начальники!..

Капитан (заметив Кермадека среди федератов, гневно). Ах ты, негодяй! Дезертируешь, переходишь на сторону врага!.. *(Стреляет в него из револьвера и убивает старика, повисшего на руке Кермадека.)*

Кермадек (холодно). Долг платежом красен! *(Целится из ружья и убивает капитана стрелков. Шум, гвалт. Все солдаты поднимают ружья прикладом вверх и побегают к федератам и женщинам, которыежимают им руки, обнимают их.)*

Солдаты (крича). Bravo!.. Он получил по заслугам!.. Подлец!.. Да здравствует Кермадек!.. Да здравствует бретонец!.. Да здравствует республика!.. Да здравствует народ!..

Жанна Бодуен (выбегая из толпы). Граждане!.. Здесь есть арестованный наш друг, Жак Брийа!..

(Солдаты и федераты окружают жандармов, обезоруживают их, врываются в кафе, освобождают Брийа и торжественно выносят его на улицу.)

Жанна (в порыве радости бросаясь на шею Брийа). Спасен!.. Спасен! *(Возвращается в полном смущении к своему дяде.)*

Брийа (растроганно провожая ее глазами). Что за девушка! Какое сердце!.. Сколько у нее мужества... Освободила меня... Другие и не подумали об этом...

Солдат (ведя пойманного им Ландри). Граждане, это начальник жандармов... Отправить его за решетку, что ли?

Брийа (указывая на кафе). Пока что посадите его здесь.

Солдаты и федераты (ведя других пленных). А с этими как быть?

Брийа (в замешательстве). С этими!.. (Обращаясь к одному из жандармов). Что вы сделаете... если мы вас отпустим?..

Жандарм. Гм! Сами видите, нас обезоружили... Вернемся в казарму и пообедаем — умираем от голода.

Брийа (федератам). Отпустите их... они не опасны. (Ропот.) К тому же они будут путаться у нас под ногами, а нам идти приступом на Монмартр. (Голоса: «Правильно!») Задержим только их командира.

Голоса из толпы. Расстрелять бы хоть парочку! Для остротки!.. Победивший народ бывает слишком добр, и эта доброта губит его! (Крики. «Да, да!» «Нет, нет!»)

Другие голоса. Если они хотят, чтобы их отпустили, пусть крикнут «Да здравствует республика!» («Браво, браво!»)

Жандармы (орут). Да здравствует республика! Федерат (смеясь). Социальная!

Жандармы (повторяя). Да здравствует социальная республика! (Бросаются врассыниую, сопровождаемые смехом толпы и шутками женщин и мальчишек.)

Явление VIII

Те же без жандармов. Солдаты 88-го пехотного полка. Сцена освобождения жандармов разыгралась на переднем плане, перед кафе, на углу площади, и Бодуен, находившийся на заднем плане

среди кричащей толпы, ничего не заметил. Шум немного утих. Кермадек берет командование над федератами, к которым присоединяются несколько солдат, и выстраивает их вдоль тротуара.

Бодуен (выходя вперед и обращаясь к ним). Это еще не все, друзья... Не забывайте о нашей главной задаче... Основное сейчас — отвоевать пушки! На Монмартр! На Монмартр!

Федераты (погряся ружьями). На Монмартр! (В эту минуту толпа, состоящая из федератов, солдат 88-го пехотного полка, женщин и детей с криками радости наводняет площадь. Люди сбегаются отовсюду — с бульвара, с улицы Гудона. Солдаты держат ружья прикладом вверх, федераты нацепили на ружья свои фуражки, женщины жестакулируют. Новоприбывшие идут под руку и оттесняют тех, кто собрался на площади, в частности, небольшой отряд Бодуена.)

Толпа (крича). Победа! Монмартр взят!.. Орудия отвоеваны! Да здравствует республика! Долой Тьера! Долой деревенщину!⁷⁵ (Всеобщая радость. Федераты, живущие в этом квартале, и женщины из близлежащих домов приносят еду и вино солдатам. Все располагаются в живописном беспорядке.)

1-я женщина (останавливая солдата и давая ему хлеба и мяса). Слышать, парень, Винуа взят в плен?.. Так ему и надо, подлецу.

Солдат. Не Винуа взят в плен, а Леконт!.. Да, национальные гвардейцы хорошо сделали, что пришли... и, главное, вовремя! Представьте себе, милая дамочка, мы были там, наверху, у подножия башни Сольферино⁷⁶... И вот видим, национальные гвар-

дейцы идут на приступ, поднимаются все выше и выше!.. А Леконт командует нам: «Пли!»

1-я женщина (в пылу негодования). Мерзавец он!.. Подлец!..

Солдат 88-го пехотного полка. Да, «Пли!» — кричит генерал. Офицеры повторяют команду... Я вижу, что с национальными гвардейцами идут наши товарищи и решаю не стрелять, мои соседи тоже... А те все лезут вверх... Я им машу рукой — идите, мол, скорее. Тут Леконт велит своим полицейским, переодетым мобилиями, схватить нас... *Женщина (удивленно).* Переоделись мобилиями!.. Подумать только! Ну и негодяи!..

Солдат 88-го пехотного полка. Так вот, нас схватили, обезоружили... Посадили всех без разбора в подземелье башни... Генерал совсем взбеленлся... Он топал ногами как бешеный. Глаза у него на лоб полезли, словно он заболел надучей... «Разбойники, я всех вас перестреляю», — крикнул он, когда нас вели мимо. (*Женщина в ужасе поднимает руки.*) Словом, доложу я вам, дело наше было дрянь; вот почему, сами понимаете, мы поспешили убратся, как только ребята выпустили нас на свободу... Но самое интересное вышло, когда Леконт был взят в плен... Поглядели бы вы на его рожу!.. Теперь настала его очередь труса праздновать. Зато мы ног под собой не чуяли от радости!.. В эту минуту я не променял бы своей шкуры даже на шкуру капрала!..

Женщина. Куда же отвели Леконта?

Солдат 88-го пехотного полка. В Шаторуж... говорят... Он лебезил перед офицерами, сопровождавшими его, подлец этакий!.. Уж и разговору не было о том, чтобы перестрелять солдат, это

мы, напротив, кричали: «Смерть ему!..». Но буржуа говорили: «Нет, его надо судить!..»

Женщина. Все же вы дешево отделались!.. Идемте, выпейте стаканчик, вы вполне этого заслужили. (*Входят к виноторговцу.*)

Бодуен (выходя из толпы). Граждане, зло исправлено... Победа нами одержана. Но на этот раз надо быть настороже; мы не позволим застигнуть нас врасплох, как прошлой ночью... Надо забаррикадировать все улицы, ведущие на Монмартр, — на случай если будут посланы новые войска. (*Люди бегут на угол улицы Гудона, выламывают камни из мостовой и начинают строить баррикаду.*)

2-я женщина. Идемте за нашими пушками... Мы установим их на баррикадах!.. (*Она убегает в сопровождении толпы федератов. Баррикада растет на глазах, она уже почти окончена, когда федераты спускают с Монмартра орудие и ставят его на баррикаду, повернув жерлом в сторону Парижа. Женщина, увлекшая за собой солдат, взбирается на вершину баррикады; федерат передает ей красный флаг и она втыкает его между камнями.*) Ну, теперь мы у себя дома!.. Пусть только сунутся к нам!..

Явление IX

Те же без 1-й женщины и солдата 88-го пехотного полка; Жорж Бонналь и другие пленные офицеры.

Голоса в толпе. Вот и пленные!.. Офицеры!.. (*С бульвара Клиши, справа от зрителей выходят, под охраной федератов, Жорж Бонналь и несколько пленны офицеров. Люди подбегают, чтобы взглянуть на них.*)

Жорж Бонналь (идет во главе пленных, вид у него надменный. По выходе на сцену он осматривается, видит баррикаду, перегораживающую улицу Гудона, красный флаг, 2-ю женщину, окруженную жестикулирующими солдатами... Пожав плечами, в сторону). Ну, чернь опять принялась за свое!.. И даже женщины вмешались в дело! (*Обращаясь к офицеру-федерату, начальнику отряда.*) Можно узнать, куда вы нас ведете?

Офицер-федерат. Мы только отведем вас на ближайший пост... Кажется, он где-то здесь... (*Заметив Брийа, подходит и пожимает ему руку.*) Как здоровье, гражданин?

Жорж Бонналь. Брийа, здесь?! (*С иронией.*) А как же иначе? Было бы удивительно не встретить его здесь... революция, бунт притягивают его как магнит! Он всюду сеет смуту!.. (*С горечью.*) Надо признаться, сестра умеет выбирать себе знакомых!.. *Офицер-федерат (Брийа).* Ваш батальон здесь?

Брийа. Я уже не командую батальоном... Мы с Бодуеном ведаем этим кварталом.

Офицер-федерат. В таком случае, я сдам вам пленных и схожу пообедасть. Умираю от голода. (*Делает знак своим людям, которые подводят к Брийа пленных.*)

Брийа (явно удивленный и раздосадованный при виде Бонналя). Вы, сударь?..

Бонналь (насмешливо). Я самый!.. Как будто, я ваш пленник... поскольку вы командуете, очевидно, этими симпатичными оборванцами?

Брийа (хватая его за плечо). Замольтите и идемте скорее!.. Я не отвечаю за вашу жизнь, если люди услышат, как вы оскорбляете их... (*Вводит его*

в кафе.) Здесь, по крайней мере, вы сможете излить свой гнев сколько душе угодно.

Бонналь. Главное, получите стерегите меня. Если бы вы оказались у меня в руках, я даже не потрудился бы стеречь вас... я расстрелял бы вас на месте... Можете сделать любой вывод из моих слов...

Ландри (с недоброй улыбкой Бонналю). Тоже попались, полковник?..

Бонналь (с показным равнодушием). Бог мой, да!.. (*Ландри усаживает его рядом с собой и что-то оживленно говорит ему на ухо.*)

Брийа (выйдя из кафе и прогуливаясь по тротуару в нескольких шагах от пленных офицеров). Нельзя оставить под арестом этого человека, после того как я резко порвал с его сестрой!.. Она полагает, будто мой поступок вызван досадой, неприязнью... Это было бы ужасно!.. Однако он ценный заложник... я не могу отпустить его, не могу взять на себя такую ответственность... Надо поговорить с Бодуеном... пусть он решит! (*Спотхсываясь.*) Нет, нельзя... Бодуен тоже не может распорядиться судьбой полковника... Ведь именно он обвинял Бонналя, что в июне 1848 года тот приказал расстрелять Луи Бодуена, его брата и отца Жанны?.. Я сам слышал это 4-го сентября. (*В отчаянии.*) Как же быть?

Явление X

Те же, на тех же местах. Взятый в плен Клеман Томá. Его ведут солдаты и федераты, сопровождаемые толпой.

Голоса в толпе. Клеман Томá!.. Да, это он!.. В тюрьму его! Он у нас в руках!.. Вот он!.. *(Шум, толпа хлынула навстречу пленному. В глубине площади смутно вырисовывается фигура высокого старика с седящей бородой, одетого во все черное, с цилиндром на голове; его ведут, подталкивая, несколько федератов; он исчезает среди кричащей толпы, возле баррикады на улице Гудона.)*

Голоса в этой части сцены. Вот он, убийца! Знаем его с июньских дней! Он капитулянт! Сообщник Жюля Фавра и Трошю... Как только он ни оскорблял нас!.. Помните его афишу? *77* *Федерат (выступая вперед).* Где гражданин Бодуен?

Бодуен (подходя к нему). Я здесь!.. Что случилось?.. В чем дело?

Федерат. Гражданин, я только что арестовал Клемана Томá, вот здесь, на углу площади!.. Он зарисовывал в своей записной книжке *(показывая книжку)* план этой баррикады!..

Бодуен (удивленно, громко). Клеман Томá?..

Федерат. Да, Клеман Томá! Можете мне повесить, я его прекрасно знаю!.. Насмотрелся на него во время осады, в третьем секторе... Как быть? Может, расстрелять его как шпиона?..

Бодуен. Гражданин, не мне судить этого человека... Между нами кровь... Уведите генерала. Стоит мне увидеть его... *(Лихорадочно сжимает приклад своего ружья.)*

Федерат. Но куда его вести?.. Ведь надо же в конце концов его судить...

Бодуен. Отведите его на улицу Розье, там, верно, заседает Центральный комитет... Он и решит его судьбу...

Федерат. Ладно *(Повернувшись лицом к своим товарищам.)* Идем в Центральный комитет! *(Отряд удаляется, уводя Клемана Томá.)*

Явление XI

Те же без Клемана Томá и сопровождающего его отряда Постреленок.

Последний выходит на сцену с бульвара Клиши, со стороны заставы Клиши. Он все еще бьет одной палочкой по барабану. Толпа окружает его, каждому хочется его поздравить. Увидев Брийа, Постреленок подходит к нему

Постреленок. Наконец-то я вас нашел!.. Давно вас разыскиваю...

Брийа. Знаешь, ты доблестно вел себя сегодня утром... Первый поднял тревогу на Монмартре.

Постреленок. Что правда, то правда!.. Дело в шляпе!.. *(Напыжась.)* Меня следовало бы представить к награде!.. Ведь я малый не промах.. Только как быть с барабаном? Его ослиная кожа тоже выполнила свой долг... и право же, лопается от гордости... но это еще не все...

Брийа (смеясь). Ты хочешь представить к награде и свой барабан?..

Постреленок. Наши газеты должны непременно выйти сегодня вечером... В этом вся соль!.. Не то другие нас переплюнут... И тиснуть в них надо не скучные разглагольствования... Такой день, как сегодняшний, требует чего-нибудь невиданного, сокрушительного, потрясающего! Словом, сногшибательного... Послушайте меня и начните вашу статейку *(пародируя плохой газетный стиль)* вот

так: «Сегодня утром гидра реакции подняла все свои головы до единой, но взрыв народного негодования...» Как по вашему? Не в бровь, а в глаз!.. В этом есть изюминка!.. Сдается мне, право, что я подохну в шкуре журналиста.

Брийа (*задумчиво, не слушая Постреленка*). Да, надо выпустить газету... Но в такие дни, как сегодняшней, необходимо прежде всего иметь программу и знать, на какой основе ее строить... А здесь еще неизвестно, последовал ли Париж за движением... примкнула ли мелкая буржуазия к революции. (*Входит в кафе и садится за столик, куда ему приносят письменные принадлежности... Задумывается.*)

Несколько федератов и женщин (*заглядывая в окна кафе.*) Здесь был один жандарм. Не сбежал ли? Что-то его не видно!..

Постреленок (*вошедший в кафе вслед за Брийа, к Ландри*). Любезный друг, бравый гвардеец, встаньте, раскланяйтесь с почтенной публикой, которая боготворит вас и хочет полюбоваться вашей прекрасной физией!.. (*Ландри встает, любопытные расходятся довольные. К Брийа.*) Не клеится?.. Ничего еще не написано!.. Проклятие! Нелегко это...

Явление XII

Те же, Дюран, мамаша Дюфур, капитан национальной гвардии, батальон национальной гвардии. На улице Дюперре, на первом плане, слева, раздаётся звук горни. Постреленок поспешно вскакивает и выбегает наружу. Толпа, собравшаяся на площади, подается в ту сторону, откуда доносится этот звук,

Постреленок (*возвращаясь, к Брийа*). Начальник! Это ветераны из 315-го батальона, прежнего нашего батальона... Бегу устроить им оглушительную встречу... Не пожалею своего барабана, пусть даже лопнет его ослиная кожа! (*С комической ужимкой.*) Только бы моя кожа уцелела!.. Впрочем, плевать! Не каждый день бывает 18 марта!.. (*Берет барабан, палочки и выходит на улицу, выступившая мелодию «В полях».* Батальон с барабаничками и горнистами, под командованием седовласого капитана в орденах, проходит торжественным маршем по сцене. Оптик Дюран в форме ветерана идет рядом с капитаном; мамаша Дюфур шагает с фланга 1-й роты; в центре 4-й роты развеваются рядом два флага — красный с фригийским колпаком на острие древка, и трехцветный, прикрепленный к золоченой пике.)

Собравшаяся толпа (*громко*). Да здравствует 315-й батальон!.. Да здравствует республика! *Федераты* (*крича*). Да здравствует республика!.. Долой Тьера! ⁷⁸ Долой деревенщину!..

Брийа и Бодуен (*подходят к капитану ижимают руку ему и Дюрану. Батальон выстраивается в глубине площади, солдаты ставят ружья в козлы.*)

Брийа (*капитану*). Итак, гражданин, вы с нами? Окончательно и бесповоротно?

Капитан. Это Дюран убедил нас... Я-то, откровенно говоря, долго колебался! Но этот несносный человек всех нас перетянул на свою сторону... Я никогда не видел его таким!.. Он столько всего наговорил!..

Дюран (*с живостью*). Все это проще простого. честное слово! Я сказал, что настало время покоп-

чить с политикой правительства, которое всегда нас дурачило и притесняло!.. Что мы должны попытаться сами управлять собой!.. Я не стремлюсь навязывать свою волю другим... Но хочу, чтобы и мною не командовали... Париж, например, желает сам, по своему усмотрению, решать вопросы о квартирной плате и о сроке погашения векселей ⁷⁹... Ведь это же непосредственно касается парижан!.. Они знают лучше других, как им поступать... А эти люди из Версаля лишают парижан демократически избранного Совета ⁸⁰, хотя такие советы имеются даже в маленьких городках; версальцы хотят заставить нас платить за квартиру даже больше того, что требуют домовладельцы... Это уж слишком!.. Неужто мы не вольны сами распоряжаться у себя дома?..

Брийа (вздрыгнув). Париж волен распоряжаться... Превосходная мысль!.. Готовая программа!.. *(Подумав.)* Республиканская федерация крупных городов!.. Вот именно... Франция поддержит этот лозунг! *(Поспешно входит в кафе, садится за столик и принимается писать.)*

Голоса (среди группы людей на тротуаре, возле кафе). Давайте сюда жандарма! Покажите нам его! *(Женщины, впереди которых стоит мамаша Дюфур, заглядывают в окна кафе.)*

Мамаша Дюфур (заметив Ландри, взволнованно). Это он!.. *(Пятится.)*

Постреленок. Что это на вас нашло, мамаша Дюфур?

Мамаша Дюфур. Это он! О!..

Постреленок. Кто он? Неужто вы знаете этого миленького жандарма? Вот здорово!..

Мамаша Дюфур. Знаю ли я этого мерзавца! Да ведь это мой муж!..

Постреленок (с живостью). Право, я покраснел, как рак!.. Поддержи меня, о, холм Шатийон!.. А я-то гогов был голову прозакладывать, что вы вдова!.. Ну и влип я! Ну и влип!..

Мамаша Дюфур. Вдова? А как же я не вдова, ежели он бросил меня пятнадцать лет назад! Бросил с ребенком на руках, промотав все, что у меня было... Отец мой только что помер и оставил мне винную лавочку... Он заходил ко мне... Красавец был мужчина... Я голову потеряла!.. Вышла за него... А он все проел и, главное, пропил с друзьями-приятелями. Дома — одни попойки да колотушки, когда откажешь ему в деньгах на кабак! Ну, а когда было продано все, даже мебель, он ушел и запретил мне разыскивать его...

Постреленок (взволнованно). Горькая ваша доля, мамаша Дюфур! Куда жалостнее, чем у Женевиевы Брабантской ⁸¹... Но губа у вас не дура!.. Ей богу, этот господин недурен собой!.. Я не слишком ласково с ним обошелся! *(Входит в кафе)* Смотреть в оба! *(Обращаясь к Ландри.)* Вот что, возлюбленный страж порядка, мамаша Дюфур, ваша законная, узнала вас!.. Будьте начеку! Она разыскивает в толпе двух-трех славных федератов, чтобы кокнуть вас...

Ландри (растерявшись, поднимает голову, замечает за витриной мамашу Дюфур, бледнеет, вздрагивает и бормочет). Антуанетта! *(Дрожа.)* Она убьет меня.

Постреленок (смотря на него). Ну и рожа! Право же, красавчик-жандарм, вы не больно хороши в этом виде!..

Мамаша Дюфур (медленно входит в кафе и наступая на Ландри). Так это ты!..

Ландри (смертельно поблдев). Я...

Мамаша Дюфур. Трусись!.. Трусись перед женщиной!.. Вспомнил все зло, которое мне причинил?

Ландри (дрожа). Пощади!

Мамаша Дюфур. Так вот... Когда я увидела тебя под арестом, сердце у меня перевернулось...

Я подумала, что ты все же отец моего ребенка...

Ландри. Эжен!.. Крошка Эжен!.. Теперь он, верно, уже большой?

Мамаша Дюфур. Если бы у мальчика никого не было, кроме тебя, он давно бы помер!.. Ты метил в меня, а попал и в него!.. От твоей подлости ему тоже пришлось несладко!..

Ландри (униженно). Я была неправ!.. Что делаешь, молодость...

Мамаша Дюфур (растроганно). Ладно, если ты жалеешь о своем поступке, забудем все... Я скажу, что ты мой муж... тебя отпустят... Ты поселишься у нас в доме с крошкой Эженом, которому только что исполнилось двадцать лет... Он славный малый, работает на литейном заводе и тебя туда устроит. Ты ничего не умеешь, только пьешь да играешь в карты, но силой тебя бог не обидел!.. Так вот, для начала ты наймешься чернорабочим!.. Я тоже работаю: хожу по домам, стираю белье в прачечной... Мы заживем по-хорошему все трое... (Садится рядом с Ландри и что-то оживленно говорит ему.)

Постреленок (подойдя к Брига). Ну как со статьей, начальник?.. Время-то идет... Машину надо запустить сегодня в шесть...

Брига (передавая ему листки бумаги по мере то-

го, как он быстро нумерует их) Вот, возьми! Попроси проверить корректуру, если я не смогу зайти в типографию.

Постреленок (собирая листки и свертывая их). Ясно. Бегу... (Выскакивает на тротуар, но тут же с шумом возвращается, подходит к Брига и говорит ему тихо.) Ну и оказия!.. Ваша мамаша с той дамой, знаега, с Севрской улицы... Как это они пронюхали, что вы здесь?.. (Брига поспешно встает и выходит из кафе.) Вон там они, видите? (Пускается бежать, Брига идет навстречу дамам, которые, обогнув угол улицы Дюперре, остановили какого-то федерата и, видимо, расспрашивают его.)

Явление XIII

Те же без Постреленка, г-жа де Вернэ, г-жа Брига, затем Ракагель

Г-жа де Вернэ (заметив Брига, идущего к ним навстречу). Вот он!.. На свободе!.. Слава богу!..

Г-жа Брига (вне себя от радости, бросаясь в объятия сына). Спасен!.. Сынок!.. Жак!.. (Рыдая, целует его.)

Брига (тихонько высвобождаясь). Идемте, матушка, не надо привлекать к себе внимание... (Уводит ее на террасу кафе «Дохлая крыса». Большинство народа собралось на бульваре Клиши, в глубине сцены.) Как это вы узнали, что я здесь, под арестом?

Г-жа Брига (все еще рыдая). Пусть г-жа де Вернэ объяснит тебе, сынок... Сил моих нету... Такая беда свалилась на меня сегодня утром, что я захлебнусь от слез, если буду рассказывать.

Г-жа де Вернэ. Все очень просто... Сегодня утром ваша матушка отправилась в типографию газеты, где вы работаете: ничего не зная о вас, она очень беспокоилась. Там ей сообщили, сославшись на Ракателя,— правду он сказал или нет, я не знаю,— что вы арестованы жандармами, которые, видимо, сильно раздражены против вас; что на Монмартре идут бои и, если жандармы потерпят поражение, они вполне могут вас расстрелять. Ваша матушка обезумела от ужаса, а от страх только укрепил ее силы, вдохнул в нее мужество. Она поняла, что нельзя терять ни минуты и поспешила ко мне за помощью. Мы знали, где вас найти, и тотчас же отправились в путь. Мы надеялись освободить вас благодаря тому влиянию, которым пользуется мой брат как адъютант видного генерала. *Брийа (в замешательстве).* Ваш брат! Но теперь он мой пленник!..

Г-жа де Вернэ. Ваш пленник, Жак!.. Возможно ли?..

Брийа (холодно). Да, сударыня, он у меня под арестом. Государственный переворот, направленный против народа, не удался. Замыслившие его недруги для начала пытались отнять у народа пушки. И хотя народ был застигнут врасплох, он сумел отвоевать их и в настоящую минуту полностью овладел Монмартром и артиллерийским парком на улице Розье. Я был ненадолго взят в плен, что правда, то правда, но мои друзья — вот они! — *(указывая на толпу)* тут же меня освободили!..

Г-жа де Вернэ (в смятении). Но где же мой брат?

Брийа (указывая на кафе «Дожлая крыса»). Там, в кафе. *(Г-жа де Вернэ входит в кафе, видит бра-*

та, подбегает к нему; их разговор сперва не слышен.)

Г-жа Брийа (сыну). Жак, необходимо спасти господина Бонналя. Он в опасности! Победителям в революции ничего не стоит пролить чужую кровь!.. Позволь ему бежать.

Брийа (твердо). Нет, матушка, я не дам бежать господину Бонналю!.. Клянусь, я ничего не сделаю, ничего не скажу, что могло бы повредить ему, но другого я вам не обещаю... Полковник — заядлый реакционер, злейший враг народа, к которому он относится с презрением... Прошлого этого офицера тоже свидетельствует против него... Бонналь особенно опасен потому, что он человек убежденный, честный и очень храбрый... Отпустить его на свободу, значит предать дело, которому я служу, предать своих друзей.

Г-жа Брийа (вкрадчиво). Полно, не сердись! Не говори так громко!.. *(В чем-то тихо убеждает его.)*

Бонналь (воодушевляясь, обращается с горькой иронией к сестре). Нет, я не приму никаких услуг и в особенности свободы от Брийа!.. Будь он у меня под арестом, я расстрелял бы его на месте... и вовсе не потому, что я его ненавижу, но он адвокат, иначе говоря, перебежчик из стана буржуазии, худший, злейший наш враг. Теперь я у него в руках, так пусть же расстреляет меня... я его предупреждал... Не настаивай, я не отступлюсь от своих слов... *(Г-жа де Вернэ, явно оскорбленная, встает с места и присоединяется к г-же Брийа; обе женщины пытаются склонить Брийа на свою сторону, просят за пленника, и мало-помалу Жак явно смягчается.)*

Ракатель (выходя на площадь с улицы Дюперре и словно ища кого-то). Куда, к черту, запропастился этот проныра Дюбрэ-Флошен?.. Как раз здесь он и назначил мне свидание. (В сторону.) Заглянем в кафе!.. (Входит в кафе и замечает Бонналя.) Вы под арестом, господин Бонналь?.. Почему?..

Бонналь. Кто его знает, как повернется дело, и выпутаюсь ли я из этого положения... но не забудьте о нашем уговоре. Помните тот день, когда вы поведали мне о своих невзгодах и поклялись, что вам не по пути с республиканцами любого толка?.. Так вот, настало, по-моему, время показать, или, вернее, проявить себя... Правительство фактически осталось без войска, часть нашей армии захвачена в плен в Пруссии... А сегодняшняя измена солдат вынудит правительство склониться перед восставшим Парижем... По всей вероятности, оно переберется в Версаль или в другое более отдаленное место и останется там до тех пор, пока не сможет вернуться во всеоружии. Я убежден, что в этом положении правительство, не колеблясь и весьма щедро оплатит услуги человека без предрассудков, ересе вас, который взялся бы за любое дело и, в частности, согласился бы доносить ему обо всем, что происходит здесь, в лагере революционеров, среди этого преступного сброда, руководимого мелкими честолюбцами. Уверяю вас, вы не только сделаете карьеру, но и окажете важные услуги Франции и партии порядка, партии честных людей... *Ракатель* (поспешно, алчно, заранее соглашаясь). Вы так думаете, полковник?.. (С площади доносится громкий шум. Люди бегут туда со всех сторон, чтобы понять в чем дело.)

Явление XIV

Те же; федераты и пехотинцы, спустившиеся с Монмартрских высот, выходят на площадь из глубины сцены.

Ново прибывшие (крича, размахивая руками и потрясая ружьями). Где Бодуен?.. Где человек, сосланный после июньских дней?..

Бодуен. Я здесь! Что случилось? Но если вы хотите, чтобы мы поняли друг друга, не говорите все вместе... (Наступает относительная тишина.)

Один из федератов. Мы отвели Клемана Тома на улицу Розье, а другие национальные гвардейцы уже успели доставить туда пресловутого генерала Леконта. Но сделать мы ничего не сделали — только оставили генералов под надежной охраной... Никого не нашлось, чтобы судить их... Никаких следов Центрального комитета, никого, кто взял бы на себя ответственность за судьбу обоих генералов... Тогда мы подумали о вас, гражданин Бодуен... Слово за вами!..

Толпа. Расстрелять их... Никакой пощады убийцам народа!

Отдельные голоса. Клеман Тома предатель, это он расстреливал наших ребят в июне 1848 года!..

Другие голоса. Сегодня утром Леконт велел зарезать часовых на Монмартре, чтобы похитить наши пушки. А затем приказал солдатам, хорошим парням, стрелять в народ... Чего еще надо, чтобы осудить предателей?.. Смерть им! Смерть! Вперед! Расстрелять генералов!.. (Шум возобновляется. На сцену выходит сержант Кермадек с несколькими подчиненными, которые несут из мэрии продовольствие для солдат.)

Явление XV

Те же, Кермадек и его люди

Кермадек (повысив голос). Тише!.. (В наступившей тишине, менее громко.) Что я слышу?.. Пленные генералы еще живы, и нет человека, который согласился бы решить их участь!.. Так вот, солдаты, мы перешли на сторону народа и действуем заодно с ним. И поступили мы так потому, что нам осточертело терпеть поражение за поражением от пруссаков, да еще по вине нашего командования. Теперь нам остается дать доказательство нашей верности революции... Мы беремся покончить с пленными генералами... Впрочем, можете мне поверить, если мы не расстреляем их сегодня, они расстреляют нас завтра... Поспешим на улицу Розье, прикончим их...

Солдаты. Согласны! Согласны! Да здравствует бретонец Кермадек! Смерть предателям... На Монмартр! На Монмартр!.. (Кермадек, Бодуен, федераты, солдаты направляются в сторону Монмартра, площадь пустеет. Бонналь и Ракатель воспользовались неразберихой и, движимые любопытством, вышли из кафе на площадку перед ним, где оказались в нескольких шагах от Брийа и обеих дам.)

Явление XVI

Те же, на тех же местах, без Кермадека, Бодуена, федератов, солдат и людей, бывших на площади; затем Дюбрэ-Флошен с перевязью заместителя мэра.

Дюбрэ-Флошен (приблизившись к кафе, радостно Ракателю). Весь Париж поднялся!.. Всюду возводят баррикады... Настоящая революция!.. Прави-

тельство струсило и, даже не успев упаковать чемоданы, катит в Версаль... Ну, а здесь как?..

Бонналь (возбужденно). Здесь? (Указывает рукой на склоны Монмартра, по которым взбираются многочисленные национальные гвардейцы, солдаты, простолюдины.) Они идут на Монмартр, подлещы! Хотят расстрелять генералов Клемана Томá и Леконта... Как заместитель мэра, вы можете, вы должны вмешаться... быть может, вы спасете им жизнь!.. Если кровь их прольется, она падет на вашу голову... вы же должностное лицо!..

Дюбрэ-Флошен (медовым голосом) Я ровным счетом, ничто... (Снимает перевязь и прячет ее в карман.) Я не служу бунтарям!.. Что до генералов, я умываю руки... Леконта я не знаю. А Клеман Томá получит по заслугам.. Прежде он расстреливал, а теперь сам умрет под пулями..

Бонналь (отходит от Дюбрэ-Флошена, в сторону). Я тоже расстреливал в июне 1848 года.

Дюбрэ-Флошен (подойдя вместе с Ракателем к Брийа и к обеим дамам). Милостивые государины... вы здесь?! Среди бунтарей... Там, где расстреливают?.. Но разрешите откланяться... (Таинственно.) Я узнал все, что требовалось... поеду теперь в Версаль и попытаюсь найти пути для примирения... Идемте, Ракатель... (Прощается с дамами.) Ракатель (с живостью). Примирение! Это как раз то, что нам нужно! В Версаль, да, да, в Версаль!.. (Тихо Бонналю.) До скорой встречи. (Уходит с Дюбрэ-Флошеном по улице Дюперре.)

Явление XVII

Те же, на тех же местах, без Дюбрэ-Флошена и Ракателя. Смеркается.

Г-жа де Вернэ (возмущенно *Брийа*). И вы остаетесь с убийцами?

Брийа. Да! (*Оживляясь*.) Убийцы, сударыня, находятся в правительствах, которые толкают народ на мятеж, чтобы затем обуздать, подавить его во имя восстановления порядка. (*В эту минуту Жанна, встревоженная при виде обеих дам, появляется в глубине сцены и направляется к ним, не будучи никем замеченной*.)

Г-жа де Вернэ. Вы остаетесь с ними, превосходно! (*С обидой в голосе*.) В таком случае, все кончено между нами...

Брийа (*холодно*). Сударыня, должен вам сказать, что с моей стороны... (*Жанна уже с минуту слушает их*) конец уже давно наступил, и я часто проклинал тот день, когда мы встретились с вами.

Г-жа Брийа (*в отчаянии, не в силах более сдерживаться*). Сынок!..

Брийа. Матушка, оставьте меня. (*Властно*.) Я этого требую!.. (*Г-же де Вернэ*.) Однако я не хочу, чтобы вы считали меня способным на убийство, а потому возвращаю свободу вашему брату, убийце, расстреливавшему народ в июне 48 года!.. (*Резким движением поворачивается спиной к обеим дамам и замечает Жанну, взволнованно*.) Жанна! Она все слышала!..

Жанна (*взволнованно*). Да, я все слышала (*порывисто*) и узнала наконец, что вы ее разлюбили... (*В эту минуту на углу улицы Дюперре появляется Постреленок с пачкой газет под мышкой*.)

Постреленок (*крича*). Читайте «Голос народа». Свеженький номер! Расстрел двух генералов!.. Интересные подробности...

Занавес опускается, почти совсем стемнело

4-е действие — «КОММУНА»

6-я картина — «ПРЕДАТЕЛЬСТВО»

Действующие лица:

Пьер Бодуен.

Жак Брийа.

Ракатель.

Постреленок.

Кермадек.

Капитан федератов Шнейдер.

*Генерал-коммунар Дюваль*⁸².

Генерал Винуа.

Капитан пехи стрелков.

Адель Шовело.

1-й федерат, 2-й федерат, федераты, пехи стрелки, адъютанты, офицеры-ординарцы конные конвойные.

Действие происходит 4 апреля 1871 года.

При поднятии занавеса — 10 часов утра.

Прусский редут на Шатийонском холме. Поблизости проходит дорога из Версаля в Париж, которую пересекает под прямым углом проселочная дорога. На первом плане насыпь, на втором плане — перекресток, у которого стоит небольшая ферма, вошедшая в состав редута; в стенах ее пробиты бойницы; на заднем плане как справа, так и слева от зрителей — контрфорсы редута. Все

дороги свободны, но подъезды к редуту забаррикадированы. После редута Версальская дорога делает крутой поворот, идет сначала перпендикулярно сцене, затем снова сворачивает и исчезает из глаз за брошенным крестьянским домом. В глубине сцены, справа от зрителей, лес и виднеющиеся вдали дорожные знаки. Слева от зрителей левобережная часть Парижа и над морем крыш — Валь де Грасс, Обсерватория, Пантеон.

Явление I

Ракатель в форме офицера-интенданта федератов. Адель Шовело, переодетая крестьянкой. При поднятии занавеса они уже на сцене.

Адель Шовело (раздраженно). Нечего тебе жаловаться... Дело сделано... Я только что из Версаля!.. И даже ужинала вчера с полковником Бонналем... Можешь мне поверить, шикарно они там живут!.. Но что с тобой? Чего выдунился?.. Да, совсем забыла, тебя ревность заела!.. Если бы я не так тебя любила, то, пожалуй, и вовсе бы загордилась... Но, утешься... на этот раз мы были паничками и беседовали только о полигике... Ну и скучища! Словом, полковник на все согласился, не торгуясь, и вот задаток. *(Псдает Ракателю два тыщицефранковых билета.)*

Ракатель (жадно протягивает руку, но тут же отдергивает ее). Цена предательства!.. *(Ударяя себя кулаком по лбу.)* Стоимость крови моих братьев!.. *Адель Шовело (передразнивая его, ударяет себя по лбу, насмешливо).* Золото реакции!.. *(Смеется.)* Вот, что я тебе привезла!.. *(Обычным тоном.)* И ты

еще будешь кочевряжиться! Согласен или нет, говори?

Ракатель (мрачно, но решительно беря банковые билеты.) Давай сюда... но ты должна обещать — в тот день, когда я получу сто тысяч франков — плату за предательство, ты будешь принадлежать мне, мне одному.

Адель Шовело (серьезно). Клянусь!.. Но, скажи, что мне ответить полковнику? Он, небось, истомился там, за деревьями

Ракатель (делая усилие над собой). Передай ему, что я убедил Дюваля, самого неопытного генерала коммунаров, идти на Версаль через Шатийон... *(Вручая ей листок бумаги.)* Пусть займет указанные здесь позиции — он всех нас заберет одним махом. *(Звук горнов.)* Это Дюваль... Поторопись!.. *(Адель поспешно убегает.)*

Явление II

Ракатель, авангард федератов под командованием капитана.

На сцене появляется рота федератов. Они идут осторожно по бокам дороги во главе с капитаном.

Капитан (заметив Ракателя). Вы здесь, гражданин Ракатель! *(Смеется.)* Уж не из Версаля ли?..

Ракатель (смеясь). Что вы, в этой-то форме! Да меня там мигом бы расстреляли... Но я знаю эту местность и пришел посмотреть, как и что...

Капитан (с живостью). Вы знаете местность? Так скажите... Меня как раз послали на разведку...

Ракатель. И куда же?..

Капитан. На табачную ферму!.. Что за странное название, правда? Где это?

Ракатель. Я только что оттуда... До нее добрых полчаса ходьбы.

Капитан. Тыфу ты пропасть! Полчаса!.. И столько же обратно... а мои солдаты ничего не ели со вчерашнего вечера... Ну, и крик они поднимут!

Ракатель (вкрадчиво). Да зачем вам идти на табачную ферму? Говорят же вам, что я обследовал там все углы и закоулки и никого не нашел...

Капитан. Вы правы! (*Тихо Ракателю.*) Только дайте мне точные сведения для рапорта... И поскорее... я умираю от голода.

Ракатель. Охотно! (*Капитан быстро пишет под его диктовку.*)

Капитан (Ракателю). Готово, только молчок об этом! Я вам очень обязан... а долг платежом красен. (*Вырывает страничку из своей записной книжки.*) Теперь мне нужен ловкач, который бы вмиг обернулся... Лустико! (*Подходит солдат, которому он вручает сложенный листок бумаги.*) А теперь беги что есть мочи... доставь эту бумагу генералу Дювалю. (*Лустико уходит.*) (*Федератам, выстроившимся в нескольких шагах от него.*) Ружья в козлы и obedать!..

Один из федератов (смеясь). Клянусь честью, давно пора! Я зверски проголодался... Сегодня утром я с большой охотой крикнул бы: «Да здравствует жратва!», чем «Да здравствует Коммуна!» (*Федераты, хохоча, ставят ружья в козлы, располагаются на обед; одни идут за дровами, другие — за водой, разжигают костры, готовят похлебку, продолжая шутить.*)

Явление III

Те же, генерал Дюваль со своим штабом, Бодуен, Брийа, Кермадек, батальон федератов с красным флагом, артиллеристы, везущие две пушки.

Дюваль соскакивает с коня и в сопровождении штабных офицеров, Брийа и Бодуена идет на ферму.

Многочисленные голоса. Да здравствует республика! Да здравствует Коммуна!.. (*Федераты располагаются по примеру своих товарищей.*)

Кермадек (держа в руке рапорт капитана, зовет). Где капитан, посланный в разведку на табачную ферму?

Капитан (выступая вперед). Здесь, майор! (*Обменивается понимающей улыбкой с Ракателем.*) *Кермадек (читая).* Ничего подозрительного?..

Капитан. Ровно ничего.

Кермадек. Тогда в дорогу... не будем терять ни минуты... (*направляется на ферму, где уже находится генерал Дюваль*)

Ракатель (всматриваясь вдаль, удивленно, в сторону). Проклятие! Федераты занимают дубовый лесок!.. Версальцы — дураки, ей богу! Неужто все пропало?. (*Подумав.*) Нет, еще есть надежда... Надо помешать подвозу продовольствия... (*Осматриваясь.*) У них всего две пушки и мало патронов... Повозки с продовольствием и боевыми припасами запаздывают... Надо вернуть их обратно... (*Вынимая из кармана листок бумаги.*) Бланк Дюваля... (*Поспешно пишет.*) А теперь, скорее в путь!.. (*Пускает лошадь галопом по направлению к Парижу.*)

Явление IV

Те же, без Ракателя.

Кермадек. Граждане! Требуется сотня добровольцев, чтобы разведать дорогу. Попробуем пройти!.. Тогда и армия двинется за нами... Кто со мной?

Голоса. Я! Я! (Многие федераты выступают вперед, Кермадек выражает их.)

Кермадек. Стройся! Равнение направо!.. Шагом марш! (Отряд уходит)

Явление V

Те же, без Кермадека и ушедших с ним федератов.

1-й федерат (закусывая). Итак, сегодня вечером мы заночуем в Версале! Ну и рожу скорчит деревенщина, когда мы заявимся!

2-й федерат. И ты воображаешь, что они поджидают нас... Как бы не так!

1-й федерат. Да ведь им податься некуда — Коммуна провозглашена во всех крупных городах.. Лион, Марсель уже подняли красный флаг⁸³... Другие города последуют их примеру...

2-й федерат. Дурак Тьер явно просчитался, зря попер на Париж... Его позавчерашняя атака⁸⁴ — безумие.

1-й федерат. Вот бы нам захватить генералов-капитулянтов! (Голоса:) Пусть голько попадутся нам в руки!..

(Появление Постреленки прерывает этот разговор)

Явление VI

Те же, Постреленок.

Постреленок (прибегает, запыхавшись, сильно встревоженный). Неужто правда, граждане, что мы отходим к Парижу?

1-й федерат. Брось шутки шутить! (Раздается звук перестрелки.) Э, видно, версальцы зашевелились... Прислушайтесь... (Идет по дороге, нагнувшись, чтобы лучше слышать.)

Постреленок. Шутки?.. А почему отправили назад пушки и повозки с продовольствием и боевыми припасами? Говорят, будто это сделано по распоряжению Дюваль.

2-й федерат. Дюваль приказал выслать авангард, и солдаты уже потопали. Мы тоже скоро двинемся, только вот похлебку съедим... За нами дело не станет... Как видишь, никто не думает отступать...

Постреленок. Значит, это предательство... (Перестрелка усиливается. Слышна стрельба митральез. Кермадек и его небольшой отряд медленно отходят к редуту по всем четырем дорогам.)

Явление VII

Те же, Кермадек и его солдаты.

Кермадек (входя последним в редут). Где капитан Шнейдер?

Капитан. Здесь, майор..

Кермадек (строго). Вы нас обманули!.. На табачной ферме крупные силы неприятеля... Вы не были там?

Капитан. Нет, был.

Кермадек (запальчиво). Этого быть не может.

Капитан. Вы хотите сказать, что я предатель?

Кермадек. Нет.

Капитан. В таком случае, лжец?

Кермадек. Возможно... (Холодно национальным гвардейцам, присутствующим при этой сцене.)

Граждане, арестуйте капитана; пусть он держит ответ перед военным судом; там разберутся, небрежность это или предательство... (Капитан делает шаг вперед, чтобы сдать оружие, но в редуте раздается версальский снаряд. Капитан падает, убитый его осколком.)

Федераты (бегут в растерянности). Измена! Все окрестности заняты версальцами. По приказу генерала, отступаем к Парижу! Пушки, продовольствие и боевые запасы уже посланы обратно!.. Измена!.. Измена!.. Спасайся, кто может... (Стоит оглушительный шум; разрываются снаряды, прибегают женщины и увозят своих мужей... Дюваль, Бриия и Бодуен вышли из фермы и пытаются уговорить федератов. Редут опустел, в нем осталось лишь несколько разъяренных солдат, которые хотят расстрелять Дюваля. Они тащат его на ферму; Кермадек, Бриия и Бодуен стоят у ее двери с револьверами в руках... Солдаты уходят, крича.) Измена! Измена!

Явление VIII

Бриия, Бодуен, Кермадек, Постреленок, Дюваль и несколько федератов.

Постреленок. Все горлопаны смылись... На холме никого...

Бриия. Еще немного и мы будем окружены... Нам тоже надо уходить... (Входит в здание фермы.)

Бодуен. Увезем с собой пушки!.. (Несколько человек впрягаются в них.)

Постреленок (взобравшись на крепостную стену). Внимание!.. Версальцы приближаются, это стрелки!.. Они подняли ружья прикладом вверх!..

Кермадек (радостно). Значит, не все потеряно!..

Бодуен. Полно!.. Это же новое предательство!.. Стреляйте в них!..

Кермадек. Почему?.. (Поспешно.) Не стреляйте... Разве они не могут перейти на нашу сторону, ведь я же перешел?.. Пойду взгляну, в чем дело... (уходит).

Явление IX

Те же, без Кермадека.

Бриия. Бедный Кермадек!.. Вот уж несправимый оптимист.

Бодуен. Пушки готовы для отправки! Идем за Дювалем... (Бриия входит в здание фермы, где федераты спорят о возможности перехода стрелков на их сторону.)

Постреленок. Я бы им не поверил. Сдается мне, что это подлый маневр!..

Бриия (выходя из фермы). Дюваль не хочет идти с нами... Обвинение в предательстве, сознание своей неопытности в военном деле так повлияли на него, что он решил сложить здесь свою голову... Я попытаюсь...

Бодуен. Без глупостей, такой героизм ни к чему!.. Дюваль, может быть, и прав по-своему, ему

виднее... Но мы должны беречь свою жизнь для дела, которому служим.. Если уж борьба невозможна, вернемся в Париж вместе с пушками. (Бодуен, Брийа и несколько федератов уходят, таща оружие.)

Явление X

Те же, без ушедших. Кермадек, версальские пешие стрелки.

Как только пушки были увезены, федераты, оставшиеся с Дювалем, забаррикадировали все подступы к редуту Вернувшись, Кермадек находит работу законченной и федератов, стоящих возле амбразур.

Кермадек (перелезая через баррикаду). Вот и подкрепление!.. Двести человек... патроны! Вы забаррикадировались, это хорошо... Как, пушки увезли?! (Федераты протягивают руки стрелкам, помогая им проникнуть в редут. Собравшись в достаточном количестве, стрелки бегут на ферму. Шум борьбы, выстрелы, крики: «Сдавайтесь, сдавайтесь!») Офицер-федерат открывает окно и кричит: «Нас предали!...»)

Кермадек (пораженный, с отчаянием). Предали, опять предали!..

Постреленок (увлекая его за собой). Я же говорил вам, начальник! Мы попались!.. Зададим-ка поскорее деру!.. Я знаю тропинку, которую вряд ли охраняют.

Кермадек (срывая с древка красный флаг). Спасем хоть наше знамя! (Уходят.)

Явление XI

Пешие стрелки, Дюваль и пленные федераты, затем генерал Винуа со свитой.

Дверь фермы открывается, из нее выходит колонна пленных федератов, среди них и Дюваль. Пешие стрелки разбирают баррикаду на версальской дороге и ведут пленных в сторону Версаля. Головная часть колонны доходит до поворота дороги, когда появляется генерал Винуа с эскортом. Стрелки берут на караул.

Генерал Винуа (останавливаясь). Аа, вот и шатийонские пленные!.. Ведете их в Версаль?.. Оказали они сопротивление?..

Капитан стрелков (смеясь). Какое там сопротивление, господин генерал! Мы подняли ружья прикладами вверх!.. Знаете, испытанная хитрость... Они всегда на нее попадаются...

Генерал Винуа (смотря на пленных). Тащить этот сброд в Версаль — потерянное время. Лучше тут же разделаться с ними. Да и не вредно расстрелять кое-кого в назидание другим. (Повысив голос, обращается к пленным.) Нет ли среди вас субъекта, величающего себя генералом Дювалем?

Дюваль (выйдя из рядов со скрещенными на груди руками, холодно). Это я. (Пристально смотрит на Винуа.)

Генерал Винуа. Так вот, ваша дурацкая комедия окончена, недолго она длилась!.. Скажите, если бы мы потерпели поражение, и я попал бы к вам в плен, как бы вы поступили со мной? Перед вами генерал Винуа...

Дюваль (твердо). Расстрелял бы вас, будь у меня соответствующие полномочия, а, вернее всего, отдал бы вас в руки народа — он один имеет право судить вас...

Генерал Винуа. Вы сами произнесли над собой приговор... Солдаты, взять его. (*Четверо стрелков уводят Дюваля.*)

Два офицера-федерата (выходя из рядов). Расстреляйте и нас, бандиты!.. Если уж вы способны убивать пленных!..

Генерал Винуа. Заберите и этих... Расстреляйте всех троих. (*Офицеры-федераты присоединяются к Дювалю и под охраной солдат заходят за крестьянский домик.*)

Один из пеших стрелков (в сторону). Молодцы они все же!.. (*Раздается ружейный залп.*)

Занавес

4-е действие — «КОММУНА»

7-я картина —

«ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРЕФЕКТУРА»

Действующие лица:

Пьер Бодуен

Жак Бриья

Ракатель

Постреленок

Кермадек

Сэр Галифакс ⁸⁵, английский хирург, на стороне Коммуны, хотя и не коммунар

Давид, начальник отдела полицейской префектуры

Микю, начальник сыскной полиции

Пенселер, тайный агент, человек бывалый и очень преданный

Жекер ⁸⁶, банкир мексиканской экспедиции

Сержант федератов с подчиненными

Офицер-федерат

Жанна Бодуен

Г-жа де Вернэ

Г-жа Бриья

Мамаша Дюфур

Канцелярские служащие, федераты, женщины из народа, заложники, агенты сыскной полиции

Полицейская префектура при Коммуне. Действие происходит на следующий день после убийства

федератов на сторожевом посту у заставы Мулен-Сакс⁸⁷.

Кабинет начальника отдела префектуры: обширная квадратная комната, у ее стен — шкафы, набитые папками и учетными карточками. На первом плане, слева от зрителей, дверь, выходящая в вестибюль, где находится служитель. За ней — другая дверь в чулан, он же — гардеробная. В глубине комнаты занавешенная стеклянная переборка, выходящая на широкую галерею. Посреди комнаты письменный стол, заваленный бумагами. Справа от зрителей большой диван, дальше круглый столик, на нем газеты. Кожаные кресла, стулья, обычные для учреждений.

Явление I

Давид, Мику, Ракатель, служитель.

При поднятии занавеса Давид, видимо, перегруженный работой, разговаривает со стоящим с ним рядом Ракателем, не переставая, однако, просматривать, читать, пометать и сортировать бумаги, лежащие на письменном столе. Мику читает газеты за круглым столиком.

Давид (Ракателю). Вы надолго задержите делегата?

Ракатель. Нет, мне надо сказать ему всего два слова...

Давид. Так подождите еще немного... Может, он и сам придет за нужными бумагами... И вы встретитесь как бы невзначай... Присаживайтесь и читайте газеты. *(Указывает на круглый столик.)* Все они здесь.

Ракатель (вполголоса). Что это за гражданин? Он, видимо, не слишком торопится... Он не служит у вас? *(Указывает на читающего Мику.)*

Давид. Что вы, он наш. Это начальник сыска! Счастливчик! Не перегружен работой, как мы, грешные... Не место, а синекура! *(Смеется.)*

Ракатель (удивленно). Почему так?

Давид. Еще бы не синекура!.. Разве вы не знаете, милейший, что при Коммуне не слышно больше о кражах, ночных нападениях, убийствах? Правильно, можно подумать, будто прежняя полиция помогала преступникам, чтобы набивать себе цену, или же что все воры и грабители перекочевали в Версаль. *(Смеется.)*

Ракатель. В самом деле, я заметил это, да и все удивлены... Но не хочу вам мешать... Пойду почитаю газету в ожидании делегата... *(Берет газету на круглом столике и садится возле лампы. Читает:)* «С тех пор как Коммуна установила свою кровавую диктатуру, в Париже не прекращаются грабежи, разбои, пожары...» *(Прерывая чтение, в сторону.)* Да ведь это моя последняя корреспонденция! Узнаю свой стиль!.. *(Залаявшая в газету.)* Выдержка из версальского «Годуа»⁸⁸... *(В сторону.)* Превосходная, хорошо осведомленная газета!.. *(Иронически смеется.)*

(Входит служитель с подносом, и ставит его перед начальником отдела. На подносе хлебцы, кусок холодного мяса и полбутылки вина. Давид быстро ест и пьет, не прерывая работы. Ракатель, наблюдавший за этой сценой, снова принимается за чтение, когда служитель уносит пустой поднос. Читает:) «Преступники, заглававшие министерствами и учреждениями, сразу же превратили их в притоны разврата.. Они предаются там с утра до ночи не-

описуемым оргиям»... *(В сторону.)* Пожалуй, я несколько перегнул палку... Пылкое воображение, много вымысла! *(Махнув рукой.)* Но в Версале любят такие статьи... находят даже, что мне не хватает перца!.. А строчки все-таки набегают... *(Откладывает газету, задумчиво.)* Так-то оно так, но гнусное у меня все же ремесло... Врать столь безбожно!.. И в провинции еще находятся люди, готовые верить этим вракам... Взять хотя бы Тьера-Футрике⁸⁹, который хохочет, потирает руки, читая мои статьи, и даже приказывает вывешивать их у двери мэрий... Бог мой, как ты глупа, о, Франция, любимая моя родина! *(Мрачно.)* И хоть бы мне ограничиться этой писаниной, но нет, я ежедневно предаю своих же, предаю народ... И все из-за Адели, из-за шлюхи... Адель, сколько подлости я совершаю ради тебя!.. Впрочем, народ чересчур добродетелен!.. *(Взглянув на работающего Давида.)* Полюбуйтесь, вот один из участников победы 18 марта... Что получил он взамен? Восемнадцатичасовой рабочий день и проглоченный наскоро обед, от которого отказался бы его служитель; а кончится это расстрелом самого победителя при восторженных рукоплесканиях всей страны, тогда как я описываю его кутежи и оргии на страницах «Голуа». Право же, добродетель преглупая вещь!.. *(Служитель приносит сотню писем и кладет их на письменный стол перед Давидом.)*

Давид (распечатывая и читая письма). Надо поскорее отделаться от этой мороки. Скоро нагрянут посетители!.. *(Мику.)* Не поможете ли мне, гражданин Мик у?

Мик у. С удовольствием. *(Садится за письменный стол и помогает Давиду разбирать письма.)*

Давид (Мику). Откладывайте все, что вы найдете достойным внимания...

Мик у. Черт возьми! Вот важное письмо: пятнадцать гвардейцев 5-й роты 316 батальона обвиняют своего командира в том, что он присваивает жалование отсутствующих солдат... И все подписались. *Давид.* Дайте сюда письмо, я сегодня же займусь этим делом, и если жалоба подтвердится... В тюрьме Шерш-Миди есть еще места! Никакой пощады ворами!..

Ракатель (иронически улыбаясь, в сторону). Воры! Опять громкие слова!.. До чего простодушны эти инсургенты! Ведь солдат обкрадывали всегда и везде.

Мик у. А вот старая песенка о ночной работе пекарей⁹⁰. *(Считая.)* Одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь писем. *(Бросая их на письменный стол.)* Право, не стоило ворошить этот муравейник.

Давид. В самом деле... Тем более, что у нас нет недостатка в более важных и, главное, более срочных делах...

Мик у. О, снова письма о предательстве Домбровского!⁹¹ Как с ними поступить?

Давид (с живостью). В корзину их, в корзину!.. Если вернись воркотне недовольных, мы окружены предателями.

Явление II

Те же, затем сэр Галифакс.

Служитель (Давиду). Гражданин, с вами хочет говорить сэр Галифакс, английский врач.

Давид (поспешно). Пригласите его!.. (*Входит сэр Галифакс и здоровается с Давидом.*) Вы пришли по поводу вчерашнего дела? (*Предлагая ему стул.*) Садитесь, прошу вас! (*Сэр Галифакс садится.*) Речь идет о молодом англичанине, арестованном вчера у Петерса ⁹²?

Сэр Галифакс. Да, гражданин, он мой соотечественник.

Давид. Вы хорошо сделали, что пришли; мы обстоятельно изучим это дело, пока досье у меня под рукой. (*Служителю.*) Заберите все эти письма и передайте моему секретарю. Попросите его направить письма в соответствующие отделы, согласно моим пометкам. Отделы пусть и отвечают. (*Сэру Галифаксу в то время, как служитель собирает письма.*) Я к вашим услугам... (*Спохватываясь.*) Простите, еще минутку!.. Совсем забыл.. (*Мику.*) Что касается дела о трехцветных нарукавных повязках ⁹³... (*Ракатель возражает и прислушивается.*)

Мик у. Ах, да, нарукавные повязки!.. Так что же?

Давид. На это следует обратить внимание!.. Мне кажется, что мы напали на след... Вдова Легран... (*Продолжает шепотом, пока сэр Галифакс просматривает английскую газету, которую принес с собой.*)

Ракатель (в сторону). Проклятие! Вдова Легран ⁹⁴, как бы ее действительно не арестовали!.. Все раскроется, и меня схватят!.. Эх, старина Ракатель, еще одна беда!.. Не везет тебе!.. (*Смотря на Давида.*) Он говорит, что ее надо арестовать!.. Право, он смысленнее, чем я полагал... (*Гневно сжимая кулаки.*) Потерять из-за этого сто тысяч монет... (*Задумывается.*) О, нет, ни

за что, лучше рискнуть собственной шкурой!.. (*Поразмыслив.*) Не надо отчаиваться. У них имеются подозрения, пусть так... Но вдова Легран все равно ничего не скажет: она фанатичка, готовая на мученичество...

Мик у (Давиду). Выпишите поскорее ордер на арест, и я пойду... (*Давид заполняет и подписывает оланк, и передает его Мику. Сложив листок вчетверо, тот кладет его в карман.*)

Давид (сэру Галифаксу). Займемся теперь нашим молодым человеком... (*Смеясь.*) Виновником ночных беспорядков. Он ужинал у Петерса с девушками, кричал «Да здравствует Генрих V» и «Долой Коммуну», а когда пришел полицейский, оскорбил его... Дело серьезное и может послужить дурным примером, особенно если ваш протеже вновь примется за свое.

Сэр Галифакс (с живостью). Он образумится, отвечаю за него!.. Да и кроме того, он еще ребенок...

Давид. Ну, если вы ручаетесь за молодого человека... я согласен отпустить его, но при условии, что вы отчитаете его и посоветуете больше не вмешиваться в дела, которые его не касаются...

Сэр Галифакс. Я хорошенько намылю ему голову, обещаю вам.

Давид. В таком случае, возьмите, вот приказ об его освобождении. (*Сэр Галифакс берет бумагу.*)

Явление III

Те же, без начальника сыска Мику; полицейский агент Коммуну.

Полицейский (быстро входит). Гражданин, срочное дело!.. Приказ делегата!.. Зарегистрируйте немедленно, и я побегу... *(Протягивает Давиду ордер на арест.)*

Давид (зарегистрировав ордер). Все в порядке, возьмите. *(Передает бумагу полицейскому, тот поспешно выходит.)*

Сэр Галифакс (Давиду). До свиданья, не надо провожать меня, вы и так заняты!.. Бегу освободить моего ветрогона. *(Направляется к двери, в сторону.)* Я прочел на ордере имя Элен де Вернэ; неужто ее собираются арестовать? На всякий случай предупредим ее. *(Уходит.)*

Явление IV

Те же без сэра Галифакса, затем Кермадек и Жекер

Ракатель (Давиду). Скажите... господин, который вышел отсюда, не тот ли это английский врач, что организовал во время осады новый госпиталь и отказался от ордена?

Давид. Он самый... Человек чистосердечный, прямой... Он — младший отпрыск одного из древнейших родов Англии.

Ракатель (с наигранным удивлением). Да?

Давид. У него большие связи... он пользуется огромным влиянием... Сердцем он с нами, но держится в стороне. Он убежден, что в качестве кно-

странца не должен принимать участие в наших внутренних делах... И все же он оказывает нам услуги... Он негласный директор наших госпиталей... Совсем недавно он отправился, по моей просьбе, в Версаль, чтобы вести переговоры об обмене Бланки⁹⁵.

Ракатель (вкрадчиво). И чего-нибудь добился? *Давид.* Ничего серьезного!.. Пустые обещания!.. Версаль потребовал письма от архиепископа... Тогда я послал туда аббата Лагарда⁹⁶, который не пожелал вернуться... Откровенно говоря, я полагаю, что клерикалы, обозленные большой либеральной речью, которую архиепископ произнес в Сенате, в 1869 году, были бы, в сущности рады узнать о его расстреле.

Ракатель. Да,—и они готовы расстрелять его под горячую руку, для них это пустяк, плевое дело. *Давид.* В общем, вы правы... надо быть настороже... ведь расстрел будет вменен нам в вину. И, однако, будь у меня тридцать тысяч наличными, которые я мог бы истратить по своему усмотрению...

Ракатель (поспешно). Что бы вы сделали?

Давид. Ну... Впрочем, вам-то я могу сказать... Имей я тридцать тысяч франков, Бланки был бы здесь сегодня же вечером. Мне предложили устроить ему побег...

Ракатель. Тридцать тысяч!.. Такая безделица! *(В сторону.)* И Бланки был бы на свободе!.. *(Громко.)* Надо их достать...

Давид. Достать? У кого, бог мой?.. Нам зачастую не хватает денег, чтобы заплатить жалование национальным гвардейцам, и я с величайшим трудом выкраиваю деньги для своих служащих... И все же Бланки был бы нам очень полезен...

Давид. Разрешите спросить, сударыня, почему вы не последовали за братом в Версаль?

Г-жа де Вернэ. Я живу отдельно от брата... У него свой дом, у меня свой... Я вдова и вольна распоряжаться собой. Живу я на Севрской улице в собственном особняке, где еще во время осады я устроила лазарет... Мне известно, что брат занимается политикой... Но я ничею в ней не смыслю и, уверяю вас, отнюдь не помышляю о заговорах... У меня не было оснований покидать Париж, где меня удерживают к тому же причины личного свойства... В них я не обязана отчитываться перед вами.

Давид. Хорошо, сударыня, я рассмотрю в вашем присутствии вашу корреспонденцию с братом... (*Пенселеру*) Вы произвели обыск?

Пенселер. Не совсем: он еще продолжается... Но я счел нужным тотчас же привести письма, переданные нам г-жой де Вернэ... Они в этой шкапулке...

Давид. А ключ от нее?

Г-жа де Вернэ. У меня, сударь, вот он. (*Передает ключ Давиду.*)

Давид (*открыв шкапулку, начинает разбирать письма, но внезапно прерывает свое занятие; г-же де Вернэ*). Скажите, пожалуйста чья это подпись? *Г-жа де Вернэ.* Г-жи Брийа. В этом письме она благодарит меня за небольшую услугу.

Давид. Не родственница ли она гражданина Брийа, бывшего командира 315-го батальона?..

Г-жа де Вернэ. Его мать, сударь.

Служитель (*входя, Давиду*). Гражданин, вас спрашивает какая то пожилая дама, она непременно хочет войти...

Давид. Попросите ее подождать, я занят...

Служитель. Ждать она не желает; она кричит, грозит, что пожалуется.

Давид. Как ее фамилия?

Служитель. Вдова Брийа, она пришла по поручению сына.

Давид (*подумав*). Хорошо!.. (*Указывая служителю на г-жу де Вернэ*). Проводите эту даму в соседнюю комнату. (*Служитель уходит вместе с г-жой де Вернэ.*)

Явление VI

Те же, без г-жи де Вернэ; г-жа Брийа.

Давид (*встает и отворяет дверь*). Прошу вас, сударыня. (*Пододвигает г-же Брийа стул, на котором сидела г-жа де Вернэ.*) Вы пришли по поручению вашего сына?

Г-жа Брийа (*подчеркнуто*). Да, сударь, по поручению моего сына... Вы знаете моего сына... И вам известно, конечно, что он пользуется большим влиянием... что многие члены Коммуны его друзья. *Давид.* Да, знаю... Но что вам угодно?

Г-жа Брийа (*протягивая ему бланк пропуска*). Оформите, пожалуйста, эту бумагу...

Давид (*рассматривая бланк, в сторону*). Откуда у Брийа этот бланк?.. (*Громко*). Чью фамилию вписать в пропуск?

Г-жа Брийа. Завизируйте его и поставьте печать... А фамилия будет вписана особо.

Давид (*улыбаясь*). Никто не имеет права выдавать такие пропуска, и я не...

Г-жа Брийа (*перебивая его, с апломбом*). Они выдаются сплошь и рядом, сударь.

Давид (сухо). Вы ошибаетесь, сударыня, это противозаконно... Но ближе к делу. Вписать фамилию вашего сына?

Г-жа Брийа (нерешительно). Пожалуй, да...

Давид (заполнив бланк). Готово. *(Берет реестр и заносит в него выписанный пропуск.)* А теперь, сударыня, благоволите передать гражданину Брийа, что он может в любую минуту получить этот документ...

Г-жа Брийа (с живостью). Нет, нет, отдайте пропуск мне...

Давид. Невозможно, сударыня, получатель должен расписаться у меня в реестре...

Г-жа Брийа. Я распишусь вместо него...

Давид. Нет, это недозволено...

Г-жа Брийа. В таком случае, дайте мне чистый бланк, я оформлю пропуск в другом месте... Мой сын не придет... он не может прийти...

Явление VII

Те же, Пенселер, затем Постреленок.

Пенселер (входя, поспешно Давиду). Начальник, кое-что новенькое в нашем деле... *(Умолкает при виде г-жи Брийа, берет Давида под руку и отводит его к рампе, чтобы разговора не было слышно, тихо.)* Госпожа Брийа арестована?

Давид. Нет еще...

Пенселер. Главное, не выпускайте ее отсюда... *(Вынимая из кармана пачку писем и большой конверт.)* Вот что мне принесли. Во-первых, письма Брийа к госпоже де Вернэ. *(Улыбаясь.)* Тут, кажется, не обошлось без нежных чувств. Во-вто-

рых, нечто более важное... версальский паспорт на имя Брийа и его супруги, выданный полковником Бопналем. Документ этот был вручен полковником госпоже Брийа. Я присутствовал при этой сцене, переодетый рассыльным, и подслушал почти весь их разговор...

Давид. Черт возьми! Дело нешуточное... Но каким образом документ, переданный госпоже Брийа, оказался у госпожи де Вернэ?

Пенселер. Ну, это проще простого: суженая Брийа не кто иная, как госпожа де Вернэ... Все было согласовано между Бопналем, его сестрой, госпожой Брийа и ее сыном...

Давид. Быть этого не может!.. Брийа достойный человек!..

Пенселер. Что поделаешь? Наше дело все предвидеть... Впрочем, и не такое бывает...

Давид. Вы правы... Я допрошу мать Брийа... *(Садится за письменный стол; входит Постреленок с газетами; он удивлен при виде г-жи Брийа, останавливается и прислушивается к разговору.)*

Г-жа Брийа (Давиду). Я жду, сударь... Мне необходим пропуск, слышите...

Давид (холодно). Оставим это, сударыня, и будьте добры ответить на один вопрос... Правда ли, что вы были в Версале во вторник на этой неделе?..

Г-жа Брийа. Боже мой! *(Дрожая.)* Нет, сударь, уверяю вас, меня там не было, я не выезжала из Парижа...

Давид. Однако, сударыня, вас там видели и узнали... Лучше всего сознаться... В конце концов, поездка в Версаль не преступление... Вы отправились к полковнику Бопналю за этим документом, ведь так?.. *(Показывает ей версальский паспорт.)*

Вот паспорт, подписанный версальскими властями. Г-жа Брийа. Вы украли у меня документ... Верните его... Он мой...

Давид (с живостью). Ах так, он ваш... Все ясно... (Пенселеру.) Отведите эту даму в комнату номер два.

Постреленок (выходя). Ну и чудеса!.. Я диву дался, рот раскрыл, как гиппопотам!.. Побегу-ка в кабинет к папаше Бодуену, надо рассказать ему.

Явление VIII

Те же, без Пенселера, 2-жи Брийа и Постреленка; Ракагель, который делает вид, что читает газеты у круглого столика, затем Бодуен в сопровождении Постреленка.

Давид. Остается узнать, какое участие принимал Брийа в этих темных делишках... Я вызвал его... подождет.

Бодуен (входя). Что случилось? Мне сказали, что мать Брийа арестована... Что это за история с паспортом?

Давид. Я вам объясню... (Продолжает шепотом, Бодуен удивленно разводит руками, затем громко.) Вот как обстоит дело... Обе женщины под замком, тут, неподалеку, а Брийа я вызвал для объяснений...

Бодуен. Брийа нет в Париже. Центральный Комитет⁹⁹ послал его на передовые позиции, в Мулен-Саке. Он вернется не раньше, чем дня через два-три...

Постреленок (поспешно входя с бумагой в руке). Вот это новость, так новость!.. Этой ночью

версальцы как будто ворвались в Мулен-Саке и перебили всех находившихся там федератов... Нате, читайте...

Бодуен (вырывая у него бумагу). Дай сюда!.. (Читает, затем дрожащим голосом.) Какой ужас!.. Значит, он предатель... Офицер, выдавший наших, это он!..

Давид. Брийа?..

Служитель (Давиду). Гражданин, делегат вызывает вас... Дело срочное...

Давид. Иду... (Бодуену.) Я в себя не могу прийти после ваших слов, Бодуен... Брийа... и выдал наших людей версальцам... обрек их на смерть... О!.. Если придут посетители, замените меня или попросите подождать. (Уходит.)

Явление IX

Те же, без Давида, затем Брийа, Жанна, мамаша Дюфур, федераты во главе с сержантом.

С улицы доносятся крики.

Ракагель (вставая). Что там случилось?.. Кого-то арестовали?.. (Крики на улице: «Смерть ему, смерти! Сюда, сюда!») (В сторону!) Э, видно, запахло жареным. Что-то готовится!

Голоса в прихожей. Смерть ему, смерть!.. Оставьте его!.. Не бойтесь, мы здесь!.. (Дверь с шумом распахивается и входит Брийа под охраной четверых федератов во главе с сержантом; мамаша Дюфур, вооруженная револьвером, пытается пробиться к Брийа и кричит: «Смерть ему, смерть!») Жанна Бодуен — волосы у нее распустились, растрепаны — загораживает его своим телом.)

Бодуен. Брийа! Жанна! (Измученно.) Что это значит?

Мамаша Дюфур (вне себя от гнева). Где начальник? Я должна говорить с начальником!.. Мне не дают убить этого предателя, этого негодяя, который выдал наших ребят в Мулен-Саке! Там был и мой сын, недаром он как в воду канул!

Жанна Бодуен (возбужденно). Вы лжете... Он не мог предать! Это невозможно!.. Не смейте его трогать!

Брийа (тихо, Жанне). Жанна, Жанна, умоляю вас... На нас смотрят...

Бодуен (строго). В чем дело? Что случилось, Жанна?

Жанна Бодуен (горячо). Жак невиновен, дядя!..

Бодуен (резко). Замолчи!.. (Сержанту.) Говорите, гражданин...

Сержант. Вот как все получилось, гражданин... Мы сидели у себя на сторожевом посту, когда нас спешно вызвали... Оказывается, неподалеку собрались люди и хотят кого-то бросить в реку... Беру с собой четверых солдат, мы выбегаем и я вижу эту гражданку (указывает на мамашу Дюфур), которая пытается натравить людей на этого гражданина (указывает на Брийа), уверяя, будто он выдал наших ребят в Мулен-Саке... Я разгоняю толпу... требую объяснений у гражданина, он просит отвести его в Ратушу... Но так как женщины грозились его убить, а префектура была поблизости, мы привели его сюда... Не будь этой девушки (указывает на Жанну), ему бы, пожалуй, не сдобровать!..

Мамаша Дюфур (раздраженно). Это ее любовник!.. Недаром она его защищает!.. Шлюха!..

Бодуен (ледяным тоном Брийа). Что вы скажете на это?

Брийа. Я просил отвести меня в Ратушу... Я буду говорить только с членом Исполнительной комиссии.

Бодуен. Вы были в Мулен-Саке прошлой ночью?

Брийа. Я не стану здесь отвечать. (Голоса на улице: «Смерть ему!»)

Мамаша Дюфур. Сразу видно, что он виновен, отрицать и то не смеет... (Стреляет в Брийа, но промахивается. Солдаты обезоруживают ее.)

Бодуен. Уведите эту женщину... (к Брийа). В последний раз прошу вас отвечать...

Брийа. Не могу.

Бодуен. За решетку его! (Пока солдаты уводят Брийа, Постреленку.) Скажи, чтобы сюда привели госпожу Брийа. (Постреленок уходит и тотчас же возвращается с г-жой Брийа.)

Явление X

Те же, без мамыши Дюфур, Брийа и федератов; г-жа Брийа.

Бодуен (холодно г-же Брийа). Сударыня, прошу вас ясно и четко отвечать на вопросы. Были ли вы в Версале три дня тому назад?.. Виделись ли вы там с Жоржем Бонналем, бывшим полковником 26-го легиона, и передал ли он вам этот паспорт? (Показывает г-же Брийа версальский паспорт.)

Г-жа Брийа. Я не была в Версале... Но пусть даже я туда и поехала, что в этом предосудительного?..

Бодуен. Вы были у полковника Бонналя, и он вручил вам этот паспорт? (Г-жа Брийа отрицатель-

но качает головой.) Кто-то из наших ребят видел, как вы его получили, да и вы сами только что настоятельно требовали паспорт, говоря, что он принадлежит вам... Вы все время противоречите себе... Дальше... Скажите, пожалуйста, каким образом этот паспорт (*указывает на документ*) оказался у госпожи де Вернэ... Значит, существовала договоренность между этой дамой, вашим сыном и вами?

Г-жа Брийа. Вот что, господин Бодуен, я скажу вам всю правду... Вы славный человек, и я ничего от вас не утаю... Вы поймете, что я невиновна, что я лишь выполнила свой материнский долг... Мой сын собирался жениться на госпоже де Вернэ... *Бодуен и Жанна (вместе, с крайним удивлением).* Что?

Г-жа Брийа. Вот я и поехала в Версаль за паспортом, а затем передала его г-же де Вернэ. Я надеялась склонить Жака на этот брак, от которого — уверена в этом — зависит его счастье и мое собственное, а он все время откладывал женитьбу под предлогом, что во время войны ему не до этого. Мне хотелось прежде всего спасти сына... я не хочу, чтобы его расстреляли, как инсургента, если падет Коммуна.

Бодуен. И вы пришли сюда, чтобы оформить этот пропуск, который позволил бы вашему сыну уехать из Парижа?

Г-жа Брийа. По возвращении сына я думала поговорить с ним, урезонить его...

Бодуен (насмешливо). И принудить дезертировать с поста, вверенного ему народом... не так ли, сударыня?

Г-жа Брийа. Господи боже! Я не вижу тут большого зла. Если Коммуне суждено победить, она

прекрасно победит и без него... одним человеком больше или меньше, не все ли равно? Зато я надеялась видеть его счастливым, женатым на богатой женщине...

Бодуен. Вы только что сказали «по возвращении сына». Значит, ваш сын находится в отсуствии?

Г-жа Брийа. Он уехал вчера. «Мне поручено опасное задание...», — сказал он. — Если дело провалится, меня могут расстрелять как предателя. Но я должен его выполнить... должен... И уехал, я не могла его удержать...

Бодуен (изумленно). В таком случае?.. Какая подлость!.. Значит, это он был в Мулен-Саке... И его молчание...

Жанна (подбегая к дяде, взволнованно). Неправда, дядя, он не мог этого сказать... Его матушка ошибается... она не поняла. (*Оборачиваясь лицом к присутствующим.*) Умоляю вас, вы все знаете Жака, помогите мне... скажите дяде, что это невозможно... что Жак не может быть предателем... (*Рыдая, опускается на стул.*)

Ракатель (подходя в свою очередь к Бодуену). Ваша племянница права, Бодуен. Брийа не мог предать... Мы не всегда сходимся с ним во мнениях, но я не поверю, что он предатель... Слова его матушки ничего не доказывают.

Жанна Бодуен (пожимая обе руки Ракателю). Спасибо вам, теперь, по крайней мере, мы будем вдвоем защищать его.

Ракатель (в сторону). Имей я такую любовницу, я остался бы честным человеком...

Бодуен (служителю). Приведите сюда госпожу де Вернэ...

Г-жа Бриיא. Как, госпожа де Вернэ тоже арестована? (*Входит Г-жа де Вернэ и приближается к письменному столу.*)

Явление XI

Те же, Г-жа де Вернэ.

Бодуен. Пока вас здесь допрашивали, обыск у вас дома продолжался... Были обнаружены дополнительно вот эти письма. (*Показывает пачку писем от Бриיא.*)

Г-жа де Вернэ. Эти письма написаны более двух месяцев тому назад, иначе говоря, до срока, названного мне полицейским агентом. Кроме того, их сугубо личный характер...

Бодуен. И все же я был вынужден просмотреть их, и это убедило меня в существовании между вами и гражданином Бриיא отношений...

Г-жа де Вернэ. Которых я нисколько не стыжусь, сударь... В то время господин Бриיא удостоивал меня своим вниманием и я, быть может, приняла бы предложение стать его женой... Но с тех пор все изменилось... из-за обстоятельств, которых мне не хотелось бы здесь касаться...

Бодуен. И однако паспорт, найденный у вас, был выдан в Версале на имя Бриיא, путешествующего с супругой, и подписан вашим братом.

Г-жа де Вернэ (удивленно). Паспорт, поданный моим братом?... Разрешите взглянуть... (*Смотрит на паспорт.*) Я никогда не видела этого документа; его не могли найти у меня...

Бодуен. Постарайтесь припомнить, сударыня. Паспорт вот в этом конверте был найден у вас в шкапулке.

Г-жа де Вернэ. Узнаю конверт... Я получила его от госпожи Бриיא; она попросила оставить у меня на хранение какие-то бумаги... Конверт был запечатан, и я не знала, что в нем находится... Но так как эти бумаги не принадлежали мне, я и не передала их полицейскому...

Бодуен (с живостью). Позовите полицейского. (*Служитель выходит, появляется полицейский; обращаясь к нему.*) Кто сорвал эту печать?

Полицейский. Я...

Бодуен. Конверт был запечатан?

Полицейский. Точно так.

Бодуен. Вам следовало упомянуть об этом в протоколе... (*Г-же де Вернэ.*) Итак, вы утверждаете, что не были осведомлены о содержимом конверта?

Г-жа де Вернэ. Да, сударь, я уже говорила вам...

Бодуен. И между Бриיא, его матушкой и вами не было договоренности относительно паспорта, который позволил бы вам троем покинуть Париж?

Г-жа де Вернэ. Раз вы принуждаете меня позабыть о женской стыдливости ради спасения чести мужчины, скажу вам всю правду... Бриיא обвиняют в том, что он собирался оставить свой пост, покинуть соратников и бежать со мной... Это ложь! Такой вопрос никогда не обсуждался между нами... Более того, я не только не убеждала его дезертировать, как вы, вероятно, полагаете, но первая отвергла бы такую мысль... Я, возможно, и согласилась бы выйти замуж за господина Бриיא, но при условии, что никто не посмел бы упрекнуть его в подлости.

Бодуен. Однако на паспорте, который выхлопотала госпожа Бриיא, стоит подпись вашего брата.

Г-жа де Вернэ. Я не знала, что брат замешан в этом... Прежде он был лрым противником моего предполагаемого замужества... А потом сам стал убеждать меня привести в исполнение этот план. Но я не просила у него паспорта.

Г-жа Брийа (выступая вперед). Госпожа де Вернэ права... Я сама все сделала. Ей ничего не было известно... Я надеялась, что, получив возможность покинуть Париж, она убедит моего сына... *(Колеблется.)*

Бодуен (прерывая ее). Дезертировать, оставить свой пост... Имейте по крайней мере смелость признаться в этом...

Г-жа Брийа. Дезертировать, оставить пост, полно!.. Какой пост!.. Разве мой сын хоть сколько-нибудь заинтересован в вашей революции? Что она даст ему? Если народ пожелал освободиться, как вы выражаетесь, пусть сам и занимается своим освобождением и не развращает наших сыновей, поручая им командные посты... Мой сын адвокат, ведь так? Значит, его место во Дворце правосудия, а не на ваших баррикадах, где ему грозит смерть... Сами сражайтесь там. *(Плача)* Можете расстрелять меня, если хотите, но я выполнила только свой материнский долг...

Бодуен. Хорошо уж и то, что Брийа не собирался дезертировать... Остается выяснить дело с Мулен-Саке... Прикажу отправить Брийа в Мазас.

Г-жа де Вернэ (с беспокойством). Значит, он арестован?... Что произошло в Мулен-Саке?

Жанна Бодуен (стремительно подходя к г-же де Вернэ, берет ее под руку и отводит к рампе). Ведь он у вас провел эту ночь, не так ли, судары-

ня? Скажите об этом, не медлите, и он будет спасен... Иначе его могут расстрелять...

Г-жа де Вернэ. Провел у меня ночь?

Жанна Бодуен (поспешно). Разве вы ничего не знаете? Его обвиняют в том, что он выдал версальцам редут Мулен-Саке; все федераты были там перебиты...

Г-жа де Вернэ (в ужасе). О, господи!

Жанна Бодуен. Толпа приволокла его сюда и собиралась растерзать, я заслонила его собственным телом... Уверена, он не был в Мулен-Саке... Но если он остался в Париже, а не пошел туда, куда призывал его долг... где же он мог быть, как не у вас, своей невесты, у которой достаточно власти над ним, чтобы ради нее он пренебрег своими обязанностями, покинул свой пост!..

Г-жа де Вернэ. Он не был у меня...

Жанна Бодуен (с отчаянием). Ох, уж эти светские дамы!.. И вы еще говорите, что любите его... Спасая свое доброе имя, вы губите Жака, ведь его могут расстрелять! А вы не хотите говорить, сказать правду... Хорошо, сударыня, я только бедная девушка, одна из тех работниц, о которых госпожа Брийа говорит с таким презрением... Так вот, я скажу, что он был у меня... я буду обещана... Дядя, быть может, убьет меня... но я его спасу!..

Г-жа де Вернэ (взволнованно). Я не могу лгать, однако... я не видела господина Брийа с восемнадцатого марта... вы, кажется, были при этой встрече?..

Жанна Бодуен. Неправда!.. Он был у вас!.. Но какое вам дело, останется он жить или умрет? Ваша гордость...

Г-жа де Вернэ (с усилием). Хорошо, раз вы

этого требуете, раз так надо... я солгу, чтобы... спасти его... *(Идет к письменному столу, за которым сидит Бодуен, Жанна следует за ней, но тут в комнату вбегает штабной офицер Коммуны.)*

Явление XII

Те же, на тех же местах, штабной офицер.

Офицер (входя). Здравствуйте, Бодуен... Послушайте, что это за дурацкая история?.. Я только что узнал, здесь, на набережной, что Брийа, которого я разыскиваю с самого утра, сидит в каталажке... Что это за шутки?

Бодуен. Никто не думает шутить... Брийа обвиняется в том, что этой ночью сдал Мулен-Саке версальцам... Но доказательств у нас нет...

Офицер. Их и быть не может... В Мулен-Саке!.. Да он там не был. Мы отправились вместе — теперь с5 этом можно сказать — разведать местонахождение батарей, которые версальцы устанавливают в Монтрету... Центральный Комитет хотел было захватить их врасплох, но это не удалось... Мы провели кошмарную ночь, можете мне поверить! Ползли, как ящерицы, под градом пуль, свистевших у нас над головой, среди разрывающихся снарядов... Боже мой, ну и огонь! А Брийа между тем что-то невозмутимо записывал в темноте... Какое у него хладнокровие... Поразительно! Наконец, когда начало светать, он послал меня обратно со своей записной книжкой... Хотел что-то еще выяснить. «Я встречаюсь с тобой через два часа», — сказал он мне на прощание... Вернувшись в Париж, я спешно отнес его заметки в Центральный комитет... С тех пор никаких следов Брийа... Я повсюду его разы-

скивал... Даже подумал, что он убит, а вы, оказывается, задержали его здесь...

Бодуен. Он не хотел отвечать на вопросы...

Офицер. Ясное дело! Я тоже ничего бы не сказал, если бы Центральный комитет не освободил меня от данного слова.

Жанна Бодуен (бросаясь в объятия г-жи де Вернэ). Он спасен!.. Какое счастье!..

Бодуен. Скорее приведите сюда гражданина Брийа!.. *(Входит Пенселер.)*

Явление XIII

Те же, Пенселер.

Пенселер (Бодуену). Гражданин, вот письмо, которое перехватил один из моих людей, дежуривших у дома госпожи де Вернэ... Письмо принесла из Версаля какая-то молочница.

Бодуен (г-же де Вернэ). Разрешите мне вскрыть письмо, сударыня?

Г-жа де Вернэ. Да, пожалуйста. Письмо от моего брата...

Бодуен (пробежав письмо, г-же де Вернэ). В этом письме, сударыня, брат весьма резко упрекает вас в том, что вы не последовали его советам... и ничего не сделали, чтобы убедить Брийа уехать из Парижа... Все сомнения рассеялись... Я убедился в вашей невинности... Разрешите принести вам мои извинения... *(Входит Брийа.)*

Явление XIV

Те же, на тех же местах, Брийа.

Бодуен (подбегая к Брийа). Нам все известно!.. *(Обнимая его.)* Вы доблестно вели себя!.. Если бы

только у Коммуны было побольше таких бойцов, как вы!.. (В то время, как г-жа Брийа, г-жа де Вернэ, штабной офицер окружают Брийа, поздравляют его, Жанна Бодуен, очень взволнованная, скромно стоит в стороне, около рамы.) Вы хоть не сердитесь на меня за то, что я приказал вас арестовать?..

Брийа (пожимая ему руку). Сердиться на вас!.. Но, дорогой мой, без вас меня растерзали бы или побили камнями... (Заметив г-жу де Вернэ, удивленно, не без смущения.) Вы здесь, сударыня, каким образом?..

Г-жа де Вернэ (перебивая его). Я тоже была арестована, господин Брийа... меня обвинили в том, что я пыталась увести вас из Парижа, советовала вам дезертировать, покинуть друзей.

Брийа (изумленно, Бодуену). Что это значит?..

Бодуен. Я вам все объясню немного погодя... В том, что случилось, виновата, главным образом, ваша матушка. Впрочем, я уже принес извинения госпоже де Вернэ за все эти неприятности.

Брийа. Бодуен, клянусь вам, что я не видел господжу де Вернэ со времени нашей последней встречи восемнадцатого марта на площади Пигаль... *Жанна Бодуен* (вскрикнув). Боже мой... Так это правда!.. А я обвиняла их обоих... (Она шатается, окружающие поддерживают ее.) А как же со свадьбой? (Теряет сознание и падает на руки г-жи де Вернэ и Брийа.)

Занавес

4-е действие — «КОММУНА»

8-я картина —

«ФОРТ ИССИ»

Действующие лица:

Пьер Бодуен.

Брийа.

Бонналь.

Дюран.

Руйак.

Кермадек.

Матуйе.

Постреленок.

Капитан федератов Буссоль.

Сержант линейных войск, он же версальский шпион.

Парламентер, офицер версальской армии.

Жанна Бодуен.

1-й федерат, 2-й федерат, 3-й федерат; офицеры и солдаты федератов; версальская армия.

Один из бастионов¹⁰⁰ форта Исси. На первом плане, слева от зрителей, сторожевой пост; справа, также на первом плане, два прямоугольных каземата, примыкающих к крепостной ограде бастиона. Один из них служит федератам казармой, другой — пороховым погребом. На заднем плане, над казематами — дозорный путь бастиона и куртины¹⁰¹. В форте четыре пушки: три установлены на

бастионе, одна на куртине. В глубине сцены видны дома Исси и оборонительные сооружения версальцев.

Двенадцатое мая 1871 года¹⁰². Форт Исси, сильно пострадавший во время осады пруссаков, за последние пять недель снова подвергся бомбардировке, теперь уже со стороны версальцев. Сторожевой пост, главный объект обстрела, почти в развалинах. Уцелело лишь одно помещение нижнего этажа, видимое зрителям... В нем устроена столовая. Фасы бастиона пробиты ядрами, казематы и те пострадали: амбразуры осыпались, две пушки опрокинуты и выведены из строя.

Явление I

*Бодуен, Жанна Бодуен, Дюран, Матуйе,
Постреленок, Буссоль, федераты.*

При поднятии занавеса начальник форта Бодуен занят исправлением повреждений, причиненных снарядами версальцев. Он указывает федератам на новые пробоины и те закладывают их мешками с землей. Матуйе, одетый как буржуа, наблюдает в подзорную трубу за позициями версальцев. Буссоль разговаривает вполголоса с подчиненными, искоса поглядывая на то, что делает Бодуен. Жанна Бодуен, стоя у кухонного стола, готовит обед. Постреленок и несколько федератов помогают ей чистить овощи. Другие федераты то входят в столовую, то выходят из нее. Дозорный дежурит у порохового погреба. Спускается ночь, слышны разрывы снарядов. Небрежность в одежде и оживление федератов придают живописность этой сцене.

Постреленок (за чисткой овощей). Семь часов... Наконец-то!.. Господа-версальцы скоро сядут за стол. *(Громя, насмешливо.)* Настало время кормежки для этих ослов... Впереди у нас по меньшей мере два часа мира и тишины... Мы их вполне заслужили! Воспользуемся же передышкой, чтобы расправиться с овощным рагу. Какой у него аппетитный запах! Чем вы его подправили, мамзель Жанна?..

Бодуен (подчиненным). Двадцать мешков — сюда!.. *(Федераты, среди которых находится Дюран, насыпают землю в мешки и затыкают ими пробоину; Бодуен идет дальше, продолжая осмотр.)*

Буссоль (вполголоса). Пустая потеря времени!.. Напрасный труд!.. Вместо того, чтобы зря гнуть спину, оставить бы форт и взорвать его... Что вы думаете об этом, папаша Дюран?

Дюран (насыпавший землю в мешок, отрывается от работы). Я думаю... Я думаю, что вы-то не слишком себя утруждаете... *(Снова принимается за дело.)*

Буссоль. Если я больше не желаю затыкать все эти дыры, как в первые дни, то лишь потому, что это напрасная потеря времени... Пока мы тут из кожи вон лезем, версальцы подбираются все ближе и ближе... и в одно прекрасное утро мы угодим как мышь в мышеловку.

Несколько федератов. Что правда, то правда... мы только из сил выбиваемся... *(Бросают мешки и уходят.)*

Буссоль. Держат тут нас силком, а нам даже неизвестно, что делается в Париже... Неприятель может войти в город, а разве мы об этом узнаем?.. Не лучше ли эвакуировать все форты?

Дюран. Если мы эвакуируем форты, ничто уже не помешает версальцам захватить Париж.

Буссоль. Захватить Париж!.. Полно, этому не бывать!.. Все мы разойдемся по своим кварталам и каждый будет защищать свою улицу... Дома, говорят, и стены помогают.

Дюран. Вы неправы. Поступи мы так, и Париж был бы давно взят. Мы здесь на посту и должны выполнить свой долг...

1-й федерат. Наш долг!.. *(Ворчливо.)* Пусть каждый лучше выполняет свой собственный долг. Коммуна только и знает, что занимается грызней, она со всеми ссорится, всем хочет управлять, только собой управлять не может... Большинство тянет в одну сторону, Меньшинство — в другую¹⁰³, и все идет вкривь и вкось...

2-й федерат. А я за Большинство! Надо действовать по-революционному, передать диктатуру наиболее одаренным...

3-й федерат. Я за Меньшинство... Якобинское Большинство ни на что не пригодно — ни тебе декрета составить, ни афишу написать... А это страстище к афишам!.. Стремление проявлять свою власть, марая бумагу. Хотя впоследствии эти афиши помогут осудить и расстрелять тех дураков, которые их написали...

1-й федерат. Да, по поводу афиш... Известно ли вам, что Домбровский врал каких мало?.. Он ежедневно бьет версальцев, а они, между тем, все ближе подбираются к Парижу... Говорят, их фортификационные работы доходят до Отейских ворот, а со стороны Булонского леса чуть ли не до ворот Майо...

2-й федерат. Так значит, дней через восемьдесят, они решатся на приступ?..

Буссоль. Хотите знать мое мнение?.. Так вот, Коммуне не выстоять... она погибла!.. Провинция не была подготовлена к революции, не поднялась, как мы ожидали.

3-й федерат. Что же делать?

Дюран. Договориться с Версалем или с пруссаками.

Буссоль. С пруссаками? Вы шутите!.. Чтобы договориться с пруссаками, надо бы...

Дюран (перебивая его)... заплатить им пять миллиардов¹⁰⁴... и это возможно, если с умом взяться за дело... Получив эти деньги, пруссаки не вернули бы господину Тьеру 150 000 солдат, которые теперь расстреливают нас. Получив эти деньги, они не мирволили бы во всем Версалею. Они ушли бы, и трудовая Франция, довольная тем, что избавилась от них, пошла бы за Коммуной, сумевшей выпроводить врага.

Буссоль. Заплатить! Но каким образом? Из каких средств?..

Дюран. Ну, это проще простого... Вместо того, чтобы выплачивать пять миллиардов, как это собираются сделать, вытягивая их по грошу из кармана бедняков, следовало бы разом забрать всю сумму у богачей. *(Во время этого разговора Бодуен закончил обход и входит в столовую)*

Бодуен (зовет). Дюран! Папаша Дюран! Подите сюда!.. Мне надо поговорить с вами... *(Дюран подбегает к Бодуену, федераты и Постреленок выходят.)*

Явление II

Бодуен, Жанна и Дюран одни в столовой.

Федераты снаружи, на тех же местах.

Дюран. В чем дело, гражданин Бодуен?

Бодуен. Я только что получил вот это сообщение... простой клочок бумаги, написанный карандашом. Меня вызывают к десяти часам вечера в Ратушу вместе с Брийа, Кермадеком и другими начальниками фортов с левого берега Сены. Собирается военный совет для принятия срочного решения...

Дюран. И вы считаете, что можно доверять этому сообщению и тому, кто его принес?

Бодуен. Да, я знаю в лицо принесшего записку офицера, он пришел из Монружа и направлялся в Ванв. Что касается вызова, то я уже получал такого рода приглашения... Только...

Дюран. Вас что-нибудь тревожит?

Бодуен. Да, я вернусь часа в четыре утра и не решаюсь передать командование фортом моему заместителю.

Дюран. Капитану Буссолю?

Бодуен. Вот именно... Он славный человек, но вбил себе в голову, что нам надо вернуться в Париж... И мне не хотелось бы, чтобы он воспользовался моим отсутствием и поступил по своему усмотрению.

Дюран. Я тоже не поручился бы за него... С другой стороны, вам нельзя не присутствовать на военном совете...

Бодуен (с живостью). Я должен там быть... Мне есть что сказать на совете и о внешней обороне, и

о мерах, которые надо принять в самом Париже... следует все предвидеть...

Дюран. Итак, вы уходите?

Бодуен. Да, и есть возможность все уладить... В случае вынужденного отсутствия, я имею право сам назначать своего заместителя. Так вот, я выбрал вас, тем более, что вы являетесь батальонным делегатом ¹⁰⁵. *(Протягивает ему бумагу)*. Возьмите, ваши полномочия...

Дюран. Вы шутите!.. Я ничего не смыслю в военном деле...

Бодуен. Неважно!.. Я доверяю вам... Впрочем, все очень просто: будьте начеку... защищайтесь в случае нападения... а если у вас не хватит сил отстоять форт, взорвите его...

Дюран (решаясь). Договорились... Только возвращайтесь поскорее...

Бодуен. Непременно... *(Беря его под руку)* Идемте, надо же представить вас в качестве моего заместителя. *(Направляется к группе офицеров и что-то тихо говорит им; негромкие возгласы удивления, затем тишина. Бодуен уходит по дороге в Париж, Дюран возвращается в столовую и садится на скамью.)*

Явление III

Те же без Бодуена, затем парламентар.

Постреленок (Дюрану). Итак, папаша Дюран, вы — наш начальник!.. Забавно! Но меня ваше назначение устраивает!.. Не го что назначение капитана Буссоля... Вот уж кто раздосадован!..

И брзжит... брзжит... Твердит о несправедливости, о превышении власти... Как бы он не сыграл с вами какой-нибудь шутики... на вашем месте я был бы настороже... *(Выходит.)*

Матуйе (подходя к Дюрану). Новые обязанности, возложенные на вас...

Постреленок (прибегая). Слушайте!.. Слушайте!.. Горн!.. *(Взбирается на дозорный путь и оттуда на кавальер¹⁰⁶.)* Они подняли там белый флаг... Уж эти мне роялисты!..

Сержант федератов. Там парламентар!.. Начальник, поручите мне встретить его, для меня это не впервой... В Севастополе парламентеры часто приходили в наше расположение... Я приведу его к вам по всем правилам, с завязанными глазами... Ждите нас здесь... *(Уходит в сопровождении Постреленка. Слышно, как опускается подъемный мост, федераты выходят из казематов и выстраиваются в два ряда. На переднем плане появляется парламентар, которого вводят в столовую. Он остается там наедине с Дюраном, так как Жанна, поспешно подметая пол, вышла вместе с федератами.)* Дюран *(закрыв дверь).* Можете снять повязку, сударь.

Парламентар. Где комендант форта?

Дюран. Это я.

Парламентар (смерив его взглядом). Полно!.. Вы шутите? Вы же старик!

Дюран. Хотя бы и старик! Вам-то что?..

Парламентар. Я не полагал, что Коммуна дошла до такой крайности: поручает командование на своих передовых позициях инвалидам... В уважающей себя армии вам бы дали отставку, приятель!..

Дюран. Я не думаю, чтобы господин Тьер, ваш главнокомандующий, человек еще совсем молодой, послал вас сюда с единственной целью наговорить грубостей... По-видимому, у вас имеется другое задание...

Парламентар. В самом деле, я принес вам ультиматум от полковника Бонналя.. но увидев вас, позабыл об этом... Сейчас вручу его вам!.. *(Протягивает бумагу Дюрану.)*

Дюран (прочтя ультиматум, разрывает его, с достоинством). Вот мой ответ.

Парламентар. Значит, вы предпочитаете штурм?

Дюран. Пока мы живы, вы не войдете сюда... Я не солдат, я стар, но для меня слова «капитуляция» не существует... Я бросил свою лавку, чтобы сражаться и, плохо разбираясь в военных делах, предпочитаю погибнуть, чем сдать доверенный мне форт.

Парламентар. Но это же безумие!

Дюран. Пусть так... Теперь в армии, именно в армии вошло в привычку сдаваться; человека берут в плен... полгода он пьет и играет в карты в каком-нибудь вражеском городке... что не мешает его продвижению по службе, напротив... По возвращении на родину его награждают орденом, хвалят... Но я, видите ли, по профессии не солдат... Я не хотел войны, но, уж если я оказался здесь, то не сдамся...

Парламентар. Значит, вы отказываетесь?..

Дюран. Наотрез... Постреленок! *(Постреленок прибегает.)* Завяжи глаза парламентару. *(Постреленок повинуется, затем вместе с другими федератами отводит парламентаря обратно. Все они исчезают из глаз в крытом проходе.)*

Явление IV

Те же без парламентаря, Постреленка и нескольких федератов, затем снова Постреленок.

Дюран (один в столовой, размышляя вслух). Без сомнения, они атакуют нас сегодня же ночью... Этого не избежать!.. Бодуен не вернется раньше завтрашнего утра... Прежде всего надо оградить себя от внезапного нападения.

Постреленок (поспешно входя, таинственно). Начальник!

Дюран. Что тебе?

Постреленок. Видите ли, тот дезертир, тот пехотинец, который сдался на-днях, не внушает мне доверия. Ему поверили, приставили его к пушкам и напрасно сделали... С тех пор, как он стал наводчиком, все наши снаряды летят мимо цели... А сейчас я застучал его: когда мы вели обратно версальца, пленный пытался подойти к нему, делал какие-то знаки.

Дюран (удивленно). Да?

Постреленок. Он, верно, шпион... Я буду следить, глаз с него не спущу. (*Выходит.*)

Дюран. Должно быть, мальчишка прав... Будем настороже. Пойду проверю посты... (*Выходит. Со стороны версальских позиций доносится отдаленный шум.*)

1-й федерат (указывая в сторону вражеских позиций). Взгляните, вон там! Какие-то огоньки движутся... Уж не вылазка ли?.. Не атака ли на нас?.. Кабы разглядеть...

Матуйе. Ну, это нетрудно. (*Берет лежащий рядом с ним футляр, вынимает из него электрический осветительный аппарат и направляет спол*

света на указанное место. Видно, как версальцы выводят группу пленных федератов, выстраивают их у стены и расстреливают. Защитники форта с криками ужаса хватаются за оружие. Один из них вставляет в пушку запальный фитиль. Матуйе, стоящий рядом, рассматривает орудие.) Но тут же винта не хватает... орудие непригодно, его даже навести нельзя...

Постреленок (поднимая какой-то предмет с земли). А это что, по-вашему?

Матуйе. Ах, вот он!.. Давай его сюда... (*Прилагивает винт, наводит пушку и стреляет... Ядро падает среди версальцев, которые бросаются враспылку.*) Недурно!.. Я мог бы сделать карьеру в артиллерии.

Федераты (в один голос). Браво! Браво, Матуйе!.. (*Раздается шум, словно грохот обвалившегося дома, Постреленок бежит взглянуть, в чем дело.*)

Постреленок (возвратившись и с трудом переводя дух). Подъемный мост рухнул, цепи были подпилены... Дезертир-версалец убежал... Скорее, за ним! (*Многие федераты скрываются вслед за Постреленком в крытом проходе.*)

1-й федерат (капитану). Подъемный мост рухнул!.. Пушки приведены в негодность!..

Капитан. Версальцы будут здесь через полчаса самое большее... времени у нас в обрез...

1-й федерат. Надо предупредить остальных... Остаться здесь — безумие!..

Явление V

Те же, Постреленок и федераты, ведущие шпиона, папаша Руйак.

Постреленок (вперед федератов, вернувшись со шпионом). Вот он!.. Поймали, голубчика, поймали!.. И не без труда. Если бы папаша Руйак не попался нам навстречу и не преградил дорогу беглецу — тот удрал бы...

Руйак (шатаясь). Да, я задержал подлеца!.. Зато он пырнул меня ножом.

Постреленок. Откуда вы взялись?

Руйак (оправившись). Я был взят в плен пять дней тому назад во время последнего дела при Мулино¹⁰⁷... И находился у версальцев... Если бы не ваш снаряд, который обратил их в бегство, я лежал бы мертвым среди моих расстрелянных товарищей... Полковник выстроил всех пленных старше пятидесяти лет и сказал своим солдатам: «Эти люди неисправимы, прочистите им мозги свинцом...» *Дюран (шпиону).* Это вы привели в негодность орудия и подпилили цепи подъемного моста?..

Шпион. Да, признаюсь... Я сделал это, чтобы продвинуться по службе... Я сержант... и надеялся получить чин младшего лейтенанта и медаль... мне обещали... Но берегитесь! Если вы меня расстреляете, версальцы отомстят за меня... Они будут здесь через какие-нибудь десять минут... Пленных они расстреливают, предупреждаю... Но если вы сохраните мне жизнь, я попрошу о вашем помиловании, и вас возьмут в плен...

Постреленок (смотря вверх). А что это за флаг висит на верхушке сторожевого поста? Ничего не разгляжу.

Шпион. Трехцветный флаг, это я вывесил его... условный знак... Через несколько минут, на рассвете, версальцы увидят его, а, может, уже увидели, я предупредил их.

Дюран (властно). Расстрелять шпиона на крепостной стене, на виду у версальцев.

Буссоль. Пусть кто хочет расстреливает шпиона... лишняя трата времени... Пленных они не берут... Слуга покорный... Эй, кто со мной? *(Подчиненные идут за ним и скрываются в крытом проходе.)*

Явление VI

Дюран, Постреленок, Руйак, Жанна Бодуен, шпион, Матуйе.

Шпион (Дюрану). Вот видите, они ушли... Послушайте меня, последуйте их примеру... Времени у вас мало... я предупрежу полковника. *(Хочет идти.)*

Дюран (хватая его за руку и вынимая револьвер). Ни с места, не то пулю в лоб... *(окружающим его друзьям, воодушевляясь).* Эй, вы там, ребята, не жалейте сил... впрягитесь все в пушку и поставьте ее в проходе... да зарядите картечью... она заменит нам подъемный мост... *(Жанна, Руйак, Матуйе и Постреленок выполняют приказ, пушка выдвинута на огневую позицию в крытом проходе, Матуйе заряжает ее картечью, наводит и держит в руке шнур, готовясь выстрелить... В это время остальные защитники форта баррикадируют подход к подъемному мосту. Доносится слабое, приглушенное бряцание, как будто осторожно приближается отряд вооруженных людей.)*

Постреленок (в крытом проходе товарищам)
Вот они! Идут, крадутся! Никого не видно, но я слышу их...

Голос (за стеной форта, приказывает). Вперед! На приступ! Пленных не брать!.. (Из крытого прохода доносится сначала беспорядочная ружейная стрельба, затем пушечный выстрел и крики раненых; в конце концов Жанна, Постреленок, Матуйе и Руйак оттеснены, дверь выбита и на сцене появляется Жорж Бонналь с солдатами. В эту минуту шпион падает, сраженный версальской пулей.)

Явление VII

Те же без шпиона, полковник Бонналь и его подчиненные.

Жорж Бонналь (с саблей в руке останавливается во главе своих солдат в нескольких шагах от коммунаров и обращается к последним). Сдавайтесь или я прикажу стрелять!

Постреленок (рядом с Жанной, держа револьвер в руке). Сдаваться?!.. Как бы не так!.. Чтобы вы нас потом кокнули... Ну нет, я стреляный воробей!.. На, получай. (Дважды торопливо стреляет в Бонналя из револьвера, но промахивается.)

Бонналь (увидевший Жанну при вспышке выстрелов, удивленно). Жанна Бодуен здесь! Я увидел ее, словно при свете молнии!..

Жанна Бодуен (удивлена не менее Бонналя)
Убийца моего отца!.. Негодяй, который... Я погибла... если окажусь в его руках... Лучше смерть! (Хватает револьвер.)

Бонналь (подчиненным, тоном начальника).
Прекратить стрельбу! Окружите их... Возьмите в плен и разоружите... Там будет видно!.. (Пока солдаты выполняют приказ, в сторону.) Наконец-то она моя!.. (Мрачно, с ужасом.) Неужели из-за любви к ней я сделаю подлость?.. Покрою себя позором?.. Уже однажды... (С силой.) Нет, никогда!.. (Подчиненным.) Уведите их... (В сторону.) Не хочу ее видеть! (В эту минуту со стороны подъемного моста доносится громкий шум, в крытом проходе раздаются звуки горна федератов.) Федераты! (Поспешно становясь во главе своих солдат.) Бежим! За мной!.. Попробуем пробиться!.. (В сопровождении солдат стремительно кидается в крытый проход, шум отчаянной рукопашной схватки, несколько выстрелов.. Наконец победа достается федератам, которые под предводительством Пьера Бодуена и Кермадека выходят на сцену.)
Постреленок. Черт возьми!.. Вот это, что называется, победа!.. Мы спасены!.. Да здравствует Коммуна!

Явление VIII

Те же без Бонналя и его пехотинцев, Бодуен, Брига, Кермадек, федераты.

Бодуен (строго). Где капитан Буссоль, где его офицеры, солдаты?

Дюран. Они бросили нас...

Бодуен. Мерзавцы!.. Покинули свой пост перед лицом врага!.. (Гневно.) Почему опущен подъемный мост? Как могли версальцы ворваться в форт?

Дюран. Среди нас оказался предатель...

Постреленок (поспешно). Да, тот солдат-дезертир! Мы приставили его к пушкам, а он стрелял по воробьям. Это он подпилит цепи подъемного моста... Вывесил белый флаг над сторожевым постом. Но он заплатил за все это своей шкурой, вот взгляните. *(Указывает на труп версальца.)*

Бодуен (решительно, властно). Двадцать человек ко мне, исправим подъемный мост, да поживее... Остальные с Кермадеком к пушкам!.. Ты, Постреленок, полезай наверх, сними эту тряпку и водрузи вместо нее красный флаг... *(Бодуен отдает приказы на ходу, затем бежит вслед за двадцатью федератами и скрывается вместе с ними в крытом проходе.)*

Постреленок. Мигом буду наверху!.. *(Дюран уходит вслед за Бодуеном.)* Уже рассвело... и не ветерок веет, а прямо зефир!.. При виде нашего развевающегося флага версальцы поймут, что с нами шутки плохи. *(Входит в столовую и пропадает из глаз на лестнице.)*

Кермадек (федератам). Все к пушкам, ребята!.. Пробьем зорю версальцам, поднимем адский грохот в их честь!.. *(Вместе с Матуйе и с остальными федератами подбегает к пушкам и заряжает их. Жанна и Брийа остаются одни на сцене, близ лампы.)*

Явление IX

Те же, на тех же местах. Не видно ни Бодуена, ни Дюрана, ни ушедших с ними федератов, которые работают под подъемным мостом.

Брийа. Вы здесь, Жанна!

Жанна (сдерживаясь, взволнованно). Как видите...

Брийа (беря ее за руки горячо). Подвергать се-

бя такой опасности!.. Зачем?.. Вы с ума сошли!.. Форт мог попасть в руки врага!

Жанна. Он и был взят, сударь...

Брийа (с упреком). Сударь? Зачем же так, Жанна?

Жанна. Да, сударь!.. Вспомните тот день, когда мы встретились с вами в префектуре полиции. Этот брак...

Брийа (прерывающимся голосом). Какой брак?

Жанна. Эта светская дама *(запинаясь)*, которая должна составить ваше счастье... подруга вашей матушки... Госпожа де Вернэ с Севрской улицы!..

Брийа (гневно). Опять она!.. *(Сжимая руки Жанны.)* Вечно она!.. Но, бедная моя девочка, всего несколько минут назад, здесь, у подъемного моста... жизнь ее брата была в моих руках... Так вот... *(Умолкает.)*

Жанна. Вы убили его?

Жак. Нет, нет, Жанна, не убил!.. Мне не хотелось, чтобы его сестра... *(Не договаривает.)*

Жанна (испуганно). Чтобы его сестра?..

Жак. Могла подумать *(прерывающимся голосом)*, будто она хоть в какой-то мере причастна к убийству своего брата. *(Слышен грохот пушек — это федераты стреляют по версальским позициям. Бодуен выходит из крытого прохода, Постреленок из столовой.)*

Явление X

Брийа, Жанна Бодуен, Бодуен, Матуйе, Кермадек, Постреленок, остальные на прежних местах.

Жанна. Вы позволили ему бежать! Вы правильно поступили! *(В сторону.)* Если бы он знал...

Жак. Как вы это странно сказали, Жанна.

Жанна. А как же иначе? Вы спасли ему жизнь... а он, быть может, не станет противиться вашему... *Жак (хватая ее за руку, гневно).* Замолчите, замолчите, Жанна!.. Если бы только я знал, я убил бы его...

Бодуен (подходя к нему). Готово, слава богу! Подъемный мост восстановлен, мы можем еще долго продержаться здесь!

Постреленок. А мой красный флаг! Черт возьми! Он так и трепещет! Будто у него крылья выросли и он вот-вот улетит...

Кермадек. Внимание! Внимание! Огонь из всех орудий...

Матуйе (хладнокровно). Уточнить наводку!.. Изменить прицел, не тысяча пятьсот метров, а тысяча сто... В этом-то и дело... *(Стоя с подозрительной трубой в руке на кавалере, наблюдает за стрельбой.)* Поцал в самую точку!.. Продолжать огонь... *Постреленок.* Да, в самую точку... Браво, Матуйе! Да здравствует Коммуна! Пусть живет долгие годы!

Занавес опускается под грохот канонады,
Кермадек кричит: «Огонь из всех орудий!»

4-е действие — «КОММУНА»

9-я картина — «ПЕРЕКРЕСТОК КРАСНОГО КРЕСТА»

Действующие лица:

Пьер Бодуен

Жак Бриья

Кермадек

Дюран

Бонналь

Матуйе

Дюбрэ-Флошен

Ракатель

Сэр Галифакс

Дюфур (окже Ландри)

Постреленок

Дюфур-сын

Г-жа де Вернэ

Жанна Бодуен

Мамаша Дюфур

Лавочник

Буржуазная дама с оловечкой и служанкой. Генерал, два священника, адъютанты.

Капрал, пьяница, федераты; сержант и федераты, мужчины, женщины и дети из народа. Привратницы и слуги-доносчики; лже-Бийорэ¹⁰⁸. Версальские офицеры, пехотинцы, пешие егеря, брассардые¹⁰⁹, буржуа и буржуазки.

Действие происходит 22 мая 1871 года¹¹⁰.

Перекресток Красного Креста. На первом плане, слева от зрителей, улица Вье-Коломбье; на первом же плане, справа от зрителей, дом, в котором живет г-жа де Вернэ; на втором плане, слева от зрителей, улица Шерш-Миди, а справа улица Дракона. В глубине сцены, слева, дом, занимаемый сэром Галифаксом. Посредине — несколько жилых домов; справа — улица Гренель.

При поднятии занавеса на перекрестке толпятся люди и что-то оживленно обсуждают.

Явление I

1-я женщина из народа, 2-я женщина из народа, вооруженный федерат, безоружные федераты, женщины, дети.

1-я женщина. Неужто будочник сказал правду? Будто версальцы уже со вчерашнего дня в Париже?..

2-я женщина. Пожалуй!.. Все говорят одно и то же... Должно быть, правда.

1-я женщина. Но как они попали в город?..

2-я женщина. Одни толкуют, будто их нарочно выпустили, чтобы окружить и взять в плен... будто это военная хитрость... Другие уверяют, что это измена.

1-я женщина. Уж конечно, измена... Версальцы, небось, подкупили кое-кого... Боже мой, боже мой, что-то с нами будет?

2-я женщина. Говорят, что бои идут возле Военной школы, Дома Инвалидов и Тюильри... Непредално били сбор... А теперь, слышите, бьют в набат. *(Доносятся звуки набата.)* Я не велела мужу вы-

ходить на улицу... сказала, чтобы сидел дома... и ни во что больше не вмешивался... Но он словно с цепи сорвался... Рвется в бой!

1-я женщина. Он прав... Мужчина не должен трусить. Опасность лишь удваивает его силы...

2-я женщина (язвительно). Вам хорошо говорить!.. Ведь у вас нет детей...

1-я женщина. Будь у меня дети, я сказала бы то же самое... Да еще послала бы старших вместе с отцом!..

Федерат (с ружьем на плече, в походной форме, прислушиваясь к разговору). Хорошо сказано, гражданка!.. Вот как надо поступать... Если бы нашлась хоть дюжина отважных женщин, вроде вас, в каждом квартале!.. Не случилось бы того, что происходит у нас на глазах! Сколько трусов потихоньку возвращаются домой, вместо того, чтобы сражаться...

2-я женщина. Что же вы хотите от них? Если больше нет надежды...

Федерат (с живостью). Нет надежды? Полно!.. Напротив, положение сейчас лучше, чем прежде! Версальцы в Париже, это правда... но, черт подери, они еще не овладели городом... И если бы народ захотел... ни один из них не ушел бы отсюда живым...

1-я женщина (горячо). А если для борьбы не хватит мужчин... Ну, что же, за оружие возьмутся женщины... Пусть только мне дадут ружье... я сумею с ним управиться... не так уж это трудно...

2-я женщина. Ладно, ладно, каждый волен поступать по-своему... Что до меня, я лучше припрячу ружье и верхнее платье мужа. *(Заворачивает за угол улицы Шерш-Миди.)*

Федерат (подходя к группе людей, громко). Граждане!.. Версальская армия в Париже, куда еи открыли пугь предатели... Теперь не время рассуждать, надо действовать... Нужно строить баррикады...

Толпа. Да, да, за дело!

Явление II

Те же, без 2-й женщины, лавочник, Постреленок, Матуйе. (Отвечая на призыв своего товарища, люди принимаются вытаскивать булыжники и строить баррикады перед каждой улицей, выходящей на сцену.) На первом плане, возле улицы Въё-Коломбье, маленькая девочка орудует киркой.

Постреленок (прибежавший с улицы Шерш-Миди). Э, да вы тут трудитесь, друзья!.. Погодите, и я с вами. Кто даст мне кирку?

Лавочник (появляясь на пороге дома). Этого еще не доставало!.. Вздумали строить баррикады... разбойники! (Закрывает ставни своей лавки, приносит железную перекладину, чтобы их заложить, и нечаянно толкает проходящего мимо Постреленка, из рук которого выскальзывают два булыжника.)

Постреленок (лавочнику). Полегче, хозяин! Запираете свою лавчонку, а лучше бы помогли нам... Ратапуаль¹¹¹ проклятый!

Лавочник (в негодовании наступает на Постреленка). Ах ты паршивец!.. Оскорбляешь честных людей!.. Строить баррикады в моем-то возрасте!.. Смотри у меня, разбойничье отродье!.. Ступай к матери, пусть вытрет тебе нос!

Постреленок. К матери? Она умерла!.. Отец

тоже — попал в машину... Вот почему я за Коммуну. Но погоди, разговор не кончен... Дай-ка перекладину (хочет вырвать у лавочника перекладину, тот отбивается. Постреленок подставляет ему подножку, валит с ног, завладевает перекладной и принимается выворачивать ею булыжники.)

Голоса в толпе. Bravo, bravo, малыш!..

Лавочник (поднимаясь с земли, злобно). Грабители, негодяи! Слава богу, правительственные войска живо расправятся с вами. (Удаляется, показав кулак толпе.)

Матуйе (выходит в задумчивости с улицы Въё-Коломбье, говоря сам с собой). Острый угол четырехугольника, будучи равен углу треугольника...

Девочка (Матуйе). Дайте и вы булыжник, гражданин...

Матуйе. Охотно, милая крошка! (Поднимает булыжник, кладет его под мышку и удаляется, продолжая рассуждать.) Да, баррикада определенно устарела. Сооружение бесформенное... (В толпе смеет.)

Постреленок (к окружающим). Это гражданин Матуйе! Хороший человек, ученый!.. Только малость тронутый... зато здорово стреляет из пушки! Я видел его в форте Исси. Облегчим-ка гражданина Матуйе! Возьмем у него камень. (Подходит к Матуйе и вытаскивает у него из подмышки булыжник.) Большое спасибо, сударь: жалею, что зря затруднял вас...

Матуйе (выходя из задумчивости). А, это ты, Постреленок? Что ты тут делаешь? Строишь баррикады?

Постреленок. Как видите...

Матуйе (поучительно). Баррикада некогда служила делу обороны, но в наши дни она — пережиток. Раньше она преграждала путь наступающим, останавливала их... Теперь любой сен-сировец¹¹² и несколько солдат без труда захватят ее!..

Постреленок. Захватить наши баррикады! Да мы будем их защищать... уж поверьте...

Матуйе. Защищать?! Но как?.. *(С улыбкой.)* Укрываться за ними и палить из ружей? Да? *(Пожимает плечами.)* Поверь мне, так не отстоять баррикады! Защитники ее напрасно погибнут, только и всего... *(Сворачивает на улицу Гренель, делая пометки в своей записной книжке.)*

Постреленок (весело). Ступай... ступай по добру, по здорову! Ну и каша в башке у бедного старикана Матуйе! *(Снова принимается за работу.)*

Явление III

Те же без Матуйе; Брийа, Бодуен, Кермадек, Жанна Бодуен, вооруженные федераты, которые тащат две пушки и зарядный ящик.

Постреленок (спеша навстречу федератам). Да это мой батальон, честное слово!.. Я не знал, что с ним случилось со вчерашнего дня... *(Спешит присоединиться к проходящим по сцене федератам. Жанна Бодуен и две другие сестры милосердия следят за переноской раненых.)* А вот, наконец, и мой взвод! *(Это отряд под командованием Бодуена, Брийа и Кермадека отбегает угол улицы Дракона.)*

Брийа (гневно). Отступаем, только и делаем, что отступаем! Как не прийти в отчаяние?!

Кермадек. Ничего не поделаешь... не то попадем, как мышь в мышеловку...

Брийа. А ваше мнение, Бодуен?

Бодуен. Положение хуже некуда... Эта оборона Парижа квартал за кварталом — нелепость... Надо было занять окружающие высоты, установить там орудия, заготовить боевые припасы и продовольствие... создать укрепленные пункты, а там было бы видно...

Брийа. Но вы-то во всяком случае останетесь с нами?

Бодуен. Нет. Я только что получил назначение в квартал Сен-Сюльпис... Буду там в мэрии... Оставляю вам Жанну, она просила разрешения ухаживать за вашими ранеными.

Брийа. Благодарю вас и до свиданья! *(Он пожимает руку Бодуену, который берет с собой несколько человек и уходит с ними по улице Вьё-Ксломбье.)*

Кермадек. У нас только два орудия, а нужно бы четыре! Постараемся все же справиться... Ребята, поставьте одно орудие на углу улицы Дракона, а второе у Севрской улицы. *(Его приказ выполняется.)* Так, хорошо. Если соседние улицы первыми подвергнутся нападению, передвигать орудия не придется. *(Ходит взад и вперед по сцене, составляет часовых, посылает вперед разведчиков, выслушивает донесения и отдает приказы; Жанна и Брийа подходят друг к другу на авансцене.)*

Жанна (Брийа). Что с вами, Жак, вы пали духом?

Жак. Нет, но мне тяжело... Все погибло, Жанна! Национальная гвардия измучена осадой и двухмесячной бесплодной борьбой, на нее уже мало надежды. Командиры у нас плохие, а, главное, нет

дисциплины. От Национальной гвардии не добьешься того, что мы вправе были ожидать. Теперь развязка — лишь вопрос времени... И вам, Жанна, следует оставить нас, вернуться домой, пока еще не поздно. Ведь вы женщина, девушка...

Жанна (твердо). Ни за что! Лучше погибнуть вместе с вами... *(с грустью.)* Счастье не для нас, Жак... Нет, я исполню свой долг до конца, а если народ будет побежден, я с радостью встречу смерть...

Жак. Вы благородная девушка, Жанна!..

Явление IV

Те же и Дюран, прибежавший по улице Дракона.

Дюран. Брийа! Где Брийа! Мне сказали, что он тут!

Брийа (поспешно). Я здесь! В чем дело?.. А, это вы, Дюран!

Дюран. Надо положить этому конец... Избежать поражения, прекратить борьбу... мы погибли!..

Брийа (удивленно). Прекратить борьбу? Но как?

Дюран (поспешно, с трудом переводя дух). Очень просто, надо заставить версальцев капитулировать... Имеются ли у вас полномочия по всей форме, с печатями Комитета общественного спасения?

Брийа. Да, но для чего?

Дюран. Осталось только одно средство спасти дело... Соберите своих людей и попробуем захватить Банк...

Брийа (с изумлением). Банк?..

Дюран (настойчиво). Да, Французский банк!..

Это главное... Скорее! Прикажете трубить сбор и бежим...

Брийа. Зачем?

Дюран. Захватим все ценные бумаги Банка и спрячем их в надежном месте... Как только они будут у нас в руках, мы скажем версальцам: «Не станете вести с нами переговоры как равный с равным, мы сожжем бумаги». Они согласятся.

Брийа (нерешительно). Но я не могу уйти с поста...

Дюран. Тогда подпишите полномочия на мое имя, я найду людей по дороге...

Брийа. Мне кажется... этого нельзя делать... Акт насилия будет дурно истолкован... нас обвинят в грабеже.

Дюран. Словно нас и без того не обвиняют в грабежах!

Брийа. Правда... но... у меня нет нужных полномочий... Следовало бы обратиться в Комитет.

Дюран (воодушевляясь). У вас нет полномочий?.. Их надо взять... Это проще простого. В военное время требуется решительность... Будь я известен, как вы, я не пришел бы к вам. Я был бы на улице Круа де Пти-Шан с пятьюстами крепкими ребятами — и дело было бы сделано... А вы отказываетесь... Где Бодуен?.. Он-то подпишет...

Брийа. Бодуен в Сен Сюльписе, в мэрии... тут, рядом.

Дюран. Бегу к нему... Только бы не опоздать... Если мне ничего не удастся, ваша будет вина.

Брийа (задумчиво, пока Дюран быстро уходит по улице Вьё-Коломбье). Моя вина?.. Ну нет... я не могу примириться с мыслью, что меня обвинят в грабеже.

Явление V

Те же, без Дюрана.

Федерат (прибежавший с улицы Дракона). Идут!.. Они уже заняли улицу Святых Отцов!.. (Начинается обстрел с улиц Гренель и Дракона, свистят пули.)

Федераты. Откройте ставни!.. Затворите окна. (Вбегают в дома, где этот приказ не выполнен.) Кермадек (подходя к баррикаде на улице Дракона и смотря в амбразуру). Расстояние двести метров. Пли! (Федераты дают первый залп.) Держите под прицелом все углы... берегите патроны... голову не высовывать... (Артиллеристам.) Уточнить наводку орудия! (Приказ выполняется.) Дайте взглянуть! (Проверяет точку прицела.) Слишком высоко! Опустить, еще немного... хорошо... Не стрелять впустую. (Идет на баррикаду улицы Гренель и там тоже приказывает открыть огонь.)

Брийа. Вот и дело завязалось... Каким будет на этот раз сопротивление врага? (Обе баррикады продолжают обстреливать противника, огонь осаждающих усиливается, два федерата убиты.)

1-й сержант-федерат (Кермадеку). Начальник! Версальцы бьют по нас из окон угловых домов... Стволов их ружей и то не видно.

Кермадек. Получше цельтесь в окна (рядом с ним падает еще один федерат.)

Один из защитников баррикады (вне себя от ярости). Тут можно в отчаяние прийти!.. Пули точно сыплются с неба... Не поймешь откуда... За баррикадой и то не спрячешься... (Тихо товарищам.) Кто согласен вышибить версальцев из укрытия?.. Кто со мной?

Четверо федератов. Я, я, я, я!

Тот же защитник баррикады. Вот будет потеха!.. Подождем немного, пусть начальник повернется к нам спиной. *(Смотрит на Кермадека, занятого на баррикаде Шери-Миди).* Приготовились, ребята? *(Перескакивает через баррикаду, четверо федератов следуют за ним.)*

1-й сержант (им вслед). Эй вы там, сейчас же назад!.. Вот дураки, ни за что пропадут! *(Смотря на пятерых смельчаков)* Гм, гм! Неплохо для профанов в военном деле!.. Да прижмись ты к двери, бездельник!.. Красные штаны заметили их... стреляют по ним... *(Целится из своего ружья)* Ну, погоди ж! *(Отдавая команду.)* Стрельба по окнам, пли! Спасем товарищей, черт возьми! *(Стреляет вместе с семью или восемью федератами, один из версальцев падает из окна головой вперед.)* Попали, здорово!.. Отвлечем их!.. Пли!.. *(Новый ружейный залп.)* Но где же наши?.. Не вижу!.. А вот они!.. Черт!.. Приближаются к дому!.. Вошли!.. Проклятие! Дверь заперта!.. Ну же, подпнужьтесь! Прикладом ее, прикладом... готово... Не задержались у входа!.. Проклятие!.. Одного из наших ухлопали. упал из окна!.. *(Приказывая.)* Черт возьми! По окнам бейте, по окнам!.. *(Приказ выполняется.)* Наши уже внутри!.. *(Подчиненным, возбужденно.)* Усилить огонь!.. *(В сторону.)* Наконец-то, вот они!.. *(Солдатам.)* Победа!.. Они ведут пленного!.. Пешего стрелка... *(Федератам, ходившим на разведку)* Скорее под укрытие, вы дешево отделались!.. *(Четверо федератов перелезают через баррикаду, ведя за собой пешего стрелка.)*

1-й федерат. Вот и вся недолга!.. *(Пешему стрелку.)* Юный представитель деревенщины (нас-

мешиво), дозволейте снять с вас головной убор... *(Насаживает фуражку на острие штыка и, поднявшись на баррикаду, размахивает ею, крича).* Да здравствует Коммуна!.. *(Пуля настигает его, и он падает, сраженный наповал.)*

1-й сержант. И все из-за бахвальства!.. Какал от него польза? *(Всматриваясь в улицу Дракона).* Что за невезенье! Вот они!.. И словно бы тащат с собой гаубицу... Осторожно! Берегись!..

2-й сержант (наблюдая за улицей Гренель и тут же отшатываясь от амбразуры). Да еще митральезу¹¹³! *(Подчиненным.)* Прижмись к земле!.. Затаись!.. *(Федераты укрываются. Снаряд падает возле баррикады, где командует первый сержант, баррикада кренится на бок, и тут же град пуль обрушивается на ее вершину.)*

Кермадек. Артиллеристы, огонь! *(Защитники баррикады на улице Дракона бьют из ружей, одновременно стреляет пушка.)*

Федерат (прибежавший с Северской улицы). Идут, идут! Они в ста шагах отсюда!.. Сзади меня!

Кермадек. Хотят нас обойти... *(Задумчиво.)* Из пяти улиц три уже взяты!.. *(Вглядываясь в Северскую улицу.)* Никого!.. *(Вокруг него свищут пули.)* Они наступают, пробивая ходы в стенах домов, как мы это делали в Пуэбло¹¹⁴. Черт!.. Надо ежечь или взорвать несколько зданий... оградить себя... Но попробуйте сказать об этом Брийа... Да и кроме того... Даже если отбросить сентименты... Поджечь Париж, словно туземную деревню... Нет, это уж слишком!.. *(Стрельба продолжается.)*

Те же, Матуйе, сэр Галифакс.

Снаряд, упавший на баррикаду улицы Дракона, опрокидывает установленную там пушку; в ту же минуту расчет орудия на баррикаде Северской улицы выведен из строя огнем митральезы осаждающих, огонь которых заметно усилился. Град пуль безостановочно сыплется на федератов, и те, не ожидавшие этого, видимс, растерялись.

Федерат (бросая ружье). С меня довольно!.. Глупо дать перебить себя поодиночке!.. Будь нас тысячи три, дело другое, а то, пожалуй, не наберется и трехсот... Куда девались крикуны-полковники в расшитых мундирах? Мы остались без пушек... Неприятель прет на нас со всех сторон. *(Разговор продолжается уже между федератами.)*

Матуйе (появляясь с сэром Галифаксом на улице Шерш-Миди, что-то доказывает этому последнему). Повторяю, милейший, баррикада отжила свой век... Вот если бы она была крытой, бронированной, если бы установить ее на колеса... если бы она перемещалась вместе со своими защитниками, часть которых толкала бы ее... Если бы баррикада, надежно защищенная броней с бойницами, могла раздвигаться и сдвигаться в зависимости от ширины улиц... Если бы... Но нет... у революции обычно не бывает денег... Да и при Второй Империи, которая панически боялась уличных боев, они были обдуманы, изучены, выверены в свете прошлого опыта; в наше время положение в корне изменилось.

Сэр Галифакс. Зато в 1830 и в 1848 годах баррикады...

Матуйе. Ну, в те годы... еще туда-сюда... Но с тех пор была разработана особая тактика уличных боев, которая изучается в Сен-Сирском училище... Она состоит в том, чтобы продвигаться по защищенным ходам, пробитым в стенах домов. Наивные инсургенты стреляют себе наугад, спрятавшись за грудой булыжников, и, глядь, оказываются между двух огней.

Сэр Галифакс. Да, пожалуй... И этому учат в Сен-Сире?.. Значит, возможность гражданской войны предусмотрена в программе училища?

Матуйе. Еще бы! *(Продолжает говорить, размахивая руками)*

Федерат (подойдя к Кермадеку). Начальник, мы, как видно, уходим... Забрать с собою пушки? *Кермадек (негодующе).* Уходим? Кто сказал?.. *Федерат (запинаясь).* Вон же! *(Указывает на нескольких федератов, которые уже надели ранцы и взяли на ремень ружья.)*

Кермадек (подбегая к федератам и хватая за руку одного из них). Куда собрались?.. Первого, кто сделает хотя бы шаг назад, пока я не отдал приказа...

Федерат. Но ведь пушки...

Кермадек. Ну опрокинуты... Что ж такого... Надо их поднять... Почему это не сделано?.. *(Подходит к пушке, берется за ее колесо, и солдаты, собиравшиеся уйти, помогают ему выдвинуть орудие на огневую позицию)* Почему никто не позаботился о раненых?.. Ну же, скорее!.. *(Федераты поднимают раненых и несут их на улицу Вьё-Колombe, где Жанна, перевязав вновь прибывших, отправляет их в госпиталь Сен-Сюльпис.)*

Федерат (поднимая человека, которого принял

за раненого). А этот и не ранен вовсе, он пьян... До чего наакался!.. (*Пробует поставить пьяного на ноги, но тот падает.*) Вставай же! Ступай, проспись, трус! Видно, нарочно напился, чтобы не сражаться! Пьяный (*с трудом поднимаясь*). Я не хочу сражаться?! Я трус, подлец?!.. Прежде всего, я не пьян. Пропустил рюмочку-другую и только!.. А это случается со мной с тех пор, как жена умерла от плеврита, а подхватила она его во время осады, когда мыкалась по очередям, под снегом... (*Выгиряя глаза.*) Не желаю, чтобы меня называли трусом... (*Встает на ноги и делает несколько шагов, не споткнувшись.*) Увидите!.. (*Озираясь.*) Куда делалось мое ружье? (*Окружающие смеются, пьяный берет свое ружье, патронную сумку и медленно направляется к баррикаде на улице Гренель, оборачиваясь.*) Идемте, миленькие, и увидите, трушу ли я! (*Добравшись до баррикады, он заряжает ружье и смотрит в амбразуру.*) Уж очень узко отверстие... плохо видно... а мне нравится ясно все видеть... (*Влезает на баррикаду и садится, спустив с нее ноги.*) Наконец-то!.. Все как на ладони!.. (*Целится и стреляет; в эту минуту версальская пуля срывает с него фуражку.*) Промашку дал, миленочек... Но я вижу тебя у окна, на четвертом этаже, напрасно ты высунул свой длинный нос.. Очередь за мной!.. (*Снова стреляет.*) Теперь, старина, у тебя, верно, засвербело в носу... (*Опять заряжает ружье и целится, но вражеская пуля настигает его, ружье выпадает из рук.*) Проклятие! В точку попали!.. А жаль, я взял его на прицел... (*Сгибается, прижимая руку к груди.*) Плевать на все, моя песенка спета!.. (*Федераты поднимают хрипящего раненого и хотят унести.*) Не беспокойтесь, ребята,

лечить меня не нужно... Пришел мой конек!.. Теперь уж вы не скажете, что я трус! Я это доказал!.. (*Умирает.*)

Брийа (*Матуйе и сэру Галифаксу, которые присутствовали при этой сцене*). Какой храбрец!..

Матуйе (*пожимая плечами*). Бесполезная храбрость... Впрочем, вам лучше всего уйти...

Брийа. Уйти?.. Опять отступить?..

Матуйе. Вам отовсюду придется уходить, пока вы не займете домов... Вам нужны солдаты за каждой стеной, на каждом этаже... Ваша вера в баррикады погубит вас, увидите...

Брийа. Теперь уже поздно занимать дома... Но нет ли другого средства?..

Кермадек и Матуйе (*вместе*). Есть.

Брийа. Какое?

Кермадек (*Матуйе*). Взорвать, не так ли?

Матуйе (*помолчав*). Да, или поджечь! Этот способ самый быстрый и простой, а чтобы заложить мину, нужны время, подготовка...

Брийа (*возмущенно*). Поджечь дома? Взорвать?

Матуйе (*простоудушно*). Что поделаешь, это единственное средство, рекомендованное в пособиях по военному делу, я мне кажется других средств нет...

Брийа (*в ужасе*). А как же быть с жителями домов?

Матуйе. Когда возможно, их предупреждают..

Брийа. Но это же бесчеловечно!

Матуйе. Э, дорогой мой, ведь идет война... настоящая война!.. А она заключается в том, чтобы уничтожать противника любыми средствами...

Кермадек (*федератам с Севрской улицы*). Почему перестали стрелять?

Федераты. Солдаты повернули ружья прикладами вверх... Они сдаются!..

Кермадек (гневно). Сдаются!.. Я уже раз попался на эту удочку в форте Исси; теперь меня не проведешь, стреляйте по ним, они хотят одурачить нас!.. (*Федераты стреляют.*) Хотят захватить угловой дом и перестрелять нас из укрытия, как дичь!.. (*Брийа.*) Говорите, какие дома поджечь? *Брийа (подчиняясь необходимости).* Спросите у Матуйе.

Матуйе (указывая пальцем на два дома). Этот и вон тот!.. (*С улицы Шерш-Миди доносятся ружейные выстрелы, защитники ее баррикады отступают.*)

Кермадек. Черт! улица Шерш-Миди захвачена!.. Остается лишь один путь к отступлению!

Матуйе (показывая дом на углу улицы Шерш-Миди). В таком случае надо поджечь вон тот дом... это позволит вам взять с собой орудия... но поторопитесь...

Брийа. За дело!..

Кермадек (капралу). Возьмите четырех солдат, идите в этот дом и предупредите жильцов, что он будет подожжен! (*Капрал и четверо федератов входят в указанный дом.*)

Явление VII

Те же, жители дома, предназначенного к уничтожению, среди них дама с прислугой. Капрал и сопровождающие его солдаты почти тотчас же выходят из дома вместе с жильцами.

Жильцы (растерянно, гневно). Как, вы собираетесь поджечь дом?.. Это неслыханно!..

Капрал (резко). Ладно, ладно, ступайте плакать-ся в другое место и не мешайте нам... Нам тоже это не по вкусу... но ничего не поделаешь... Война!.. (*Из окон подожженного дома вырываются языки пламени.*)

Дама (нагруженная свертками). Разорена!.. Все погибло!.. Огонь!.. Всюду огонь! Мари, а девочка с вами?..

Мари (удивленно). Девочка... Но у меня ее нет, сударыня... вы мне сказали...

Дама (перебивая Мари). Боже мой, я забыла о ней, на вас понадеялась, голову потеряла... Девочка, крошка моя!.. (*Бросает все свертки, бежит к дому и падает.*) Огонь!.. Огонь повсюду!.. (*Один из федератов хочет помочь ей.*) Оставьте меня, не трогайте! (*С гневом, с отчаянием.*) Мерзавцы! Поджигатели! Убийцы!

Капрал (подходя к ней). Оставьте нас в покое с вашим тряпьем... Коммуна вам за все за это заплатит.

Федерат (тихо капралу). У нее дочка осталась там, наверху!.. (*Указывает на горящий дом.*) Бедная женщина!

Капрал (взволнованно). Дьявольщина! Где же там ребенок?

Мари. На третьем этаже, в задней комнате, налево!

Капрал. Понимаю... Бегу туда. (*Бросается в горящий дом.*)

Дама (возле которой хлопочут федераты, приходит в себя). Убийцы!.. Дочка моя, Луиза!.. Спасите!.. Пожар, горим!.. (*Ломает себе руки.*)

Капрал (выходя из дома, борода и волосы у него опалены, куртка дымит). Спасена! (*Держа в*

руках завернутую в одеяло девочку.) Вот, возьмите... Ей богу, я во-время подоспел!..

Дама (поспешно беря у него ребенка). Луиза! Крошка моя! *(Смотря на капрала.)* Ах, извините, сударь, я не подумала о вас... ведь вы обожжены!.. *Капрал.* Пустяки... Девочка как будто не пострадала... А теперь, марш отсюда! Все уходите... Здесь нельзя оставаться. *(Жители горящего дома убегают со своими узлами по улице Вье-Коломбье.)*

Явление VIII

Те же, без жителей горящего дома.

Матуйе (смотря на пожар). Плохо горит... Огонь вот-вот потухнет... пламя только лижет стены. Полить бы их керосином!.. А еще бы лучше пустить в ход динамит... Надо весь дом разрушить. *(Кермадеку.)* Взгляните, не занята ли улица Вье-Коломбье... как бы и этот путь отступления не был отрезан!.. *(Кермадек идет на указанную улицу.)* *Брийа (Матуйе.)* Ну, а дальше что?.. *(Град гартечи, пушка снова опрокинута, зарядный ящик взрывается.)*

Матуйе (поспешно). Бегите, бегите скорее!.. Времени у вас в обрез!..

Брийа (командуя). Забрать пушки! *(Свистит.)* Отступаем!..

Матуйе. Спасайтесь сами!.. Оставьте пушки... слишком поздно! *(Федераты отступают по улице Вье-Коломбье; Брийа, Постреленок и два-три федерата пытаются увезти с собой пушку.)*

Сэр Галифакс. Уходите, скорее! Матуйе прав!.. *(Направляется к своему дому.)*

Матуйе. Я на минутку зайду к вам... мне хотелось бы взглянуть... *(Входит вместе с сэром Галифаксом в его дом.)*

Явление IX

Те же, на тех же местах, без Матуйе и сэра Галифакса.

Брийа. Отступать так отступать... Но если уж поздно пытаться... бросать орудия... выведем их хотя бы из строя. *(Открывает затвор и разбивает его булыжником.)*

Постреленок (прячась за обломками баррикады). Версальцы! Идут, как трусы, жмутся к стенам, прячутся в подъездах... Куда эго годится!.. *(Целится и стреляет.)* Все же одним меньше!.. Осторожно, берегись!.. *(Бросается на землю ничком, версальцы дают ружейный залп, пули пролетают у него над головой; осколок баррикады попадает в Брийа, который падает, ошмеченный, у двери того дома, где живет г-жа де Вернэ.)*

Явление X

Те же, Дюфур сын.

Дюфур-сын (появляется бегом). Улица Шерп-Миди захвачена... пройти там нельзя... *(Скрывается в проходе дома.)*

Жанна Бодуен. Я пройду, ведь я женщина... Но Брийа? Где же он?.. Я только что слышала его голос... *(Озирается, замечает лежащего Брийа, поднимает его, пытается унести.)* Ох, сил не хва-

тает... Спрятать бы его... Но куда?.. (Смотрит по сторонам, Постреленок, по-прежнему стреляющий в версальцев из-за баррикады, присутствует при следующей сцене, ничего не замечая.)

Явление XI

Брийа без сознания, Жанна Бодуен и Постреленок на тех же местах; г-жа де Вернэ, выходя из своего дома

Г-жа де Вернэ. Я не ошиблась!.. Это он... (Заметив Жанну). Опять эта девушка! Она тоже инсургентка!.. Ну что ж, спасу их обоих! (Жанне, не видящей ее.) Жанна! Жанна!.. (Девушка, стоящая на коленях возле Брийа, поднимает голову.) Скорее, скорее! Солдаты скоро будут здесь... Если они узнают его, то убьют... Идемте, у меня вы оба будете в безопасности... (Берет Брийа под мышки и пытается приподнять.) Помогите мне...

Жанна Бодуен (удивленно глядя на г-жу де Вернэ, в сторону). Госпожа де Вернэ здесь!.. Хочет обгнать его у меня... О!..

Г-жа де Вернэ (указывая на дом, из которого она вышла). Вот мой дом... Идемте же, идемте скорее!.. Солдаты придут сюда с минуты на минуту... (Нерешительно.) Вы останетесь вместе, будете ухаживать за ним...

Жанна Бодуен (подхватывая Брийа, помогает г-же де Вернэ нести его). Остаться с ним! О нет, я приношу ему несчастье! И ничего не могу сделать для него!.. Вы спасете его. Он так любил вас прежде!.. Он опять вас полюбит!.. (В сторону.) Нет, нет!..

Мне будет слишком больно!.. (Подходят к двери дома и скрываются за ней.)

Г-жа де Вернэ (снова появляясь на пороге и удерживая Жанну). Это безумие Жанна! Останьтесь!.. Солдаты убьют вас... ваша форма...

Жанна Бодуен (воодушевляясь). Да, я в форме!.. Вы правы... Вот почему я и должна уйти... Если они увидят меня рядом с ним, то сразу поймут, что он инсургент. Зато при виде вас, сударыня, такой красивой, богатой... они решат, что вы его сестра или жена... Вы скажете, что с ним произошел несчастный случай... Они поверят вам... Он позабудет меня... полюбит вас... и ... вы будете счастливы... Вот видите, я должна уйти... (С силой отстраняет г-жу де Вернэ, которая удерживает ее.) Оставьте меня, оставьте!.. Покуда решимость еще не покинула меня!.. Неужели вы не видите, что сердце мое разрывается при мысли оставить его у вас? Но так надо...

Г-жа де Вернэ (с живостью). Но куда же вы?.. Все улицы захвачены.

Жанна Бодуен (с решимостью отчаяния). Куда?.. Я иду умирать!

Г-жа де Вернэ (сочувственно). Бедная девочка!.. (Жанна отстраняет ее и бежит по площади; г-жа де Вернэ смотрит ей вслед и возвращается домой.)

Постреленок (поднимая голову и смотря в щель между камнями). Они уж тут, дьяволы!.. Шутки в сторону!.. Главное теперь — не попасться... (Отползает от баррикады и пересекает сцену согнувшись в три погибели. Добравшись до того места, где разыгралась предыдущая сцена, он поднимает с земли что-то блестящее.) Браслет!.. Золото...

той!.. И какой красивый!.. Шикарная вещь!.. (Кладет браслет в карман и скрывается в соседней улице.)

Явление XII

Версальские солдаты, Жорж Бонналь, затем лавочник, брассардье. Сперва на сцене пусто, версальские пули со свистом летят отовсюду. На прилегающих к площади улицах звучат горны. Наконец первый версалец, согнувшись, перелезает через баррикаду на улице Дракона.

Лавочник (открывая окно, за которым он стоял, подглядывая). Наконец-то! Солдаты пришли! Теперь уж я соберу квартирную плату. (Отходит от окна и, видимо, спустившись по лестнице, поспешно открывает свою лавочку.) Наконец-то!.. (Заметив двух солдат под хмельком, которые, перескочив через баррикаду, идут, пошатываясь, с ружьем на плече.) Друзья мои!.. Да здравствует Национальное собрание!.. Да здравствует армия!.. (Подбегает к ним с распростертыми объятиями.)

1-й солдат. Чего ему? Какая муха его укусила?..
2-й солдат. И в самом деле... Нарукавной трехцветной повязки у него нет, а таких людей надо остерегаться... Неровен час, у него револьвер в кармане.

1-й солдат. Ты прав... Будем начеку... погоди минутку... (Шутки ради, целится в лавочника, который в страхе убегает.)

Жорж Бонналь (появляясь из-за баррикады). Наконец мы здесь! Эта позиция позволяет нам занять площадь Сен-Сюльпис и Люксембургский дво-

рец. Превосходно!.. Останусь здесь, пока солдаты не осмотрят всего квартала. (Брассардье открывают окна и вывешивают трехцветные флаги.)

Брассардье. Да здравствует армия!.. Да здравствует Версаль!.. (Некоторые из них подходят к Бонналю, он узнает их, и здоровается с ними.)

Офицер. Итак, полковник, я беру на себя эту улицу... Но кто поможет нам?

Бонналь. Эти господа будут сопровождать вас... (Обращаясь к брассардье). Будьте решительны, но справедливы... И если вам попадется кто-нибудь из главарей, не расстреливайте его на месте, а доставьте ко мне — я сам вынесу ему приговор... (Повысив голос.) Принести сюда стол и стул!.. (Солдаты приносят требуемые предметы.)

Явление XIII

Бонналь и его подчиненные, без офицера и брассардье. Из дома сэра Галифакса выходит Матуйе с книгой под мышкой.

Матуйе (разговаривая сам с собой). Лежандр¹¹⁵ положительно прав. Рассуждения его запутаны, но принцип верен... Неправ был я... (Подняв голову.) Вот тебе на! Бонналь!

Бонналь (улыбаясь). А ты-то как попал в эту переделку? Мечтатель!.. Фантазер!..

Матуйе. Я убедился, что сделал ошибку в докладе, который собираюсь прочесть в Академии наук... Большую, крупную ошибку... Дал маху, как сказал бы Постреленок.

Бонналь (удивленно). Постреленок?

Матуйе (простодушно). Да, Постреленок!.. Это

юный инсургент, в котором я принимаю участие... дерзкий,мышленый и очень храбрый... Когда я велел поджечь этот дом, к сожалению, слишком поздно, чтобы преградить вам путь, он порывался тайком взорвать его с помощью пачки патрон... Забавный мальчишка!..

Бонналь (смеясь). Так ты воображаешь, что был одним из главарей восстания? Объявляешь себя поджигателем...

Матуйе. Гм, гм! Будь у меня полномочия и... желание... ни тебя, ни твоих солдат не было бы на этом свете... (*Доверительно.*) Я действовал бы в широком масштабе, приказал бы взорвать целые кварталы. Словом, так видно будет, когда еще раз случится восстание... едь в конечном счете правда на стороне народа. Но в данную минуту мне надо переделать доклад... Вот возьми, почитай. (*Протягивает ему рукопись.*)

Бонналь (с комическим ужасом). И ты полагаешь, что я здесь для того, чтобы ломать себе голову над твоими загадками? (*Зовет.*) Сержант!.. (*Пододвинутому сержанту.*) Выведите этого человека из зоны огня...

Матуйе (обиженно). А ты важничаешь потому, что овладел этим кварталом!.. Если бы мы подожгли дом раньше, как я все время им советовал... *Сержант.* Что? (*Бонналю.*) Слышите, господин полковник?

Бонналь. Это один из моих друзей... Он не в себе и воображает невесть что...

Матуйе. Воображаю невесть что?.. Да ты смеешься надо мной?

Бонналь. Ну да, да... ты поджег дом, согласен (*сержанту*). Прикрепите к рукаву моего друга

трехцветную повязку и отведите его домой, Университетская улица, № 85... Если его задержат и он повторит все это, расчет с ним будет недолог... *Сержант (понимающе кивнув головой).* Все ясно, господин полковник!.. (*Беря под руку Матуйе.*) Идемте со мной, любезный... (*Уводит Матуйе, который, словно в бреду, размахивает руками.*)

Явление XIV

Те же, без Матуйе и сержанта, другие солдаты ведут отбывающегося от них Постреленка.

Постреленок (сердито). Да, я стрелял... Да, я федерат... Ну, а дальше что?.. Нисколечко я вас не боюсь...

Офицер. Мальчишка весь почернел от пороха... *Постреленок.* Вы-то, небось, не почернели. Отсиживались себе в укрытии. Зато вашим солдатикам всыпали по первое число. Вот уж кому не повезло!

Офицер Убрать его. (*Уходит.*)

Постреленок. Да, да, понимаю!.. Расстрелите, мол его!.. Что ж, идемте, я не сдрейфлю, как не сдрейфили и они... (*Указывает на федератов, которых расстреливают в эту минуту.*) Об одном жалею — не отплатил вам той же монетой... На жизнь мне плевать!.. (*Кладет руку в карман.*) А, совсем забыл... Мне позарез надо сказать два слова главному начальнику, тому, что сидит вон там.

Сержант (в сторону). Может, он знает что-нибудь секретное, важное. (*Постреленку.*) Хорошо, идем! (*Подводит его к Бонналю.*) Господин полковник, этот мальчишка был задержан с оружием в

руках... Его чуть было не расстреляли, но он попросил отвезти его к вам. Вероятно, хочет сообщить какие-нибудь сведения... и получить помилование...

Постреленок. Еще что? Этого не доставало! Важные сведения? Ишь чего захотел, вояка!.. Чтоб я просил о помиловании!.. Как бы не так!.. (*Бонналю.*) Не слушайте этого шутника, господин генерал... он врет, как Жюль Фавр... Если я и хотел поговорить с вами, то не из трусости, а по поводу вот этой вещички. Я нашел ее тут, валялась на земле... Вещица ценная, а владелец ее, какой-нибудь недотепа из сгоревшего дома, напрасно будет искать ее... Я же не смогу вернуть браслет, ведь меня расстреляют... Вот я и подумал: «Ежели я отдам браслет солдатам, которым приказано меня расстрелять, они продадут его и деньги пропьют. А начальник — человек, возможно, более порядочный... надо попытаться счастье». (*Отдает браслет Бонналю.*)

Бонналь. Ты хорошо поступил, мальчик...

Постреленок (солдатам). А теперь я в вашем распоряжении... Пошли, что ли?..

Бонналь. Куда пошли?..

Постреленок. Разве меня не расстреляют, как и моих товарищей? (*Указывает на трупы федератов.*) Я сделал не меньше, чем они.

Бонналь (солдатам). Отпустите его!.. Как тебя зовут?

Постреленок. Эжен Шопен, по прозвищу Постреленок.

Бонналь. Ты славный парнишка.... Убирайся, я милую тебя.

Постреленок. Не нуждаюсь я в вашей милости...

Бонналь. Ну, хорошо, не милую. Все равно убираться. (*Солдатам.*) Пропустите его... (*Уходит.*)

Постреленок (солдатам). Куда же прикажете мне идти?.. Все мои товарищи мертвы или отступили... Если я попробую пробраться к ним... в конце улицы меня снова сцапают... Да и потом я не ел с самого утра, а уже скоро ночь, просто подыхаю с голоду...

Сержант. Так оставайся с нами, ужин готов, получишь свою порцию...

Постреленок (с живостью). Вот это да!.. Уж лучше остаться... да и подзаправлюсь немного... (*В сторону.*) Останусь из-за Брийа, он спрятан где-то здесь, поблизости... Мамзель Жанна поручила мне заботиться о нем!.. Черт!.. Дешево я отделался!.. Ну, пока что конец!.. Буду ходить по струнке... Если бы я мог подложить им свинью...

Сержант (передавая ему котелок с супом и ломь хлеба). На, парнишка, ешь, уплетай за обе щеки!.. Ты мне нравишься малыш!.. Храбрый ты!..

Постреленок (с полным ртом). До чего же вкусна ваша похлебка, сержант!.. (*Продолжает есть.*)

Явление XV

Те же, Ландри со своим отрядом (с жандармами и полицейскими, переодетыми мобилиями).

Солдат из отряда Бонналя. А, вот и мясники!

Солдат из отряда Ландри. А, вот и белоручки... те, что настоящей работы гнушаются!..

Бонналь (подходя к Ландри). Лейтенант, вам и

вашим людям надлежит приводить в исполнение приговоры... Расположитесь вон там и будьте наготове.

Ландри (навеселе). Не беспокойтесь, господин полковник, мы свои обязанности знаем... Положение сейчас лучше, чем 18 марта... Помните?

Бонналь (резко). Ступайте, говорят вам... (*Смотря ему вслед.*) Наклюкался, мерзавец... Вот с кем приходится иметь дело... Я брезгаю этим человеком, но он полезен... делает работу, за которую не всякий возьмется... (*Зовет.*) Капитан! Пригладьте за Ландри, прошу вас... Этого пса надо держать на цепи и спускать с нее только в случае необходимости... Прошу приводить ко мне по-прежнему наиболее значительных пленных... Я сам решу, что с ними делать... (*Садится за импровизированный письменный стол.*)

Явление XVI

Те же и Кермадек, осторожно выходящий на сцену. В виду того, что на нем мундир сержанта регулярных войск, который он так и не снимал во время Коммуны, его появление остается незамеченным. Одному Постреленку известна роль, которую он сыграл в рядах федератов.

Постреленок (проскользнув вслед за Кермадеком, тихо). Начальник! Брийя здесь... я остался, чтобы попытаться его спасти... Если его обнаружат при осмотре домов... Я объясню вам... (*Еще больше понижает голос, слова его уже не слышны*) *Кермадек (утвердительно кивая).* Недурно придумано... Мы вызволим его отсюда... Постараемся

и сами не попасться... будь осторожен!.. (*Он ходит по сцене, по-военному отдавая приказы.*)

Явление XVII

Те же, капрал и несколько солдат выводят из дома Брийя, г-жа де Вернэ идет за ним следом.

Г-жа де Вернэ (не отставая ни на шаг от Брийя). Вы не имеете права арестовывать его... Я у себя дома... Моя фамилия де Вернэ... Этот господин мой муж...

Капрал. Так почему же у него другая фамилия?... Он назвался Брийя... Это подозрительно... Да и кроме того он ранен... Приказ ясен!.. (*Брийя*) Ну, поживей! Объяснитесь с лейтенантом...

Г-жа де Вернэ. Он не сражался... это был несчастный случай...

Бонналь (заметив сестру, встает с места и подходит к ней). В чем дело, Элен?

Капрал. Господин полковник, эта дама говорит, что раненый — ее муж... (*Жест удивления Бонналя.*) *Г-жа де Вернэ.* Нет, не муж, а любовник! Я же свободная женщина в конце концов... Жорж, вы здесь хозяин, прикажите, чтобы...

Бонналь (сестре). Он сражался?

Г-жа де Вернэ. Говорят же вам, это мой любовник... он был у меня...

Брийя (вмешиваясь в разговор). Госпожа де Вернэ говорит неправду, желая меня спасти... Она сознательно губит себя, я этого не допущу... Я не муж ей и не любовник... Я сражался... и как раз здесь, на этом месте был начальником всех баррикад... Вот за этой баррикадой я был ранен... Рас-

стреляйте же меня, раз вы убиваете пленных... Мне больше нечего делать в жизни...

Г-жа де Вернэ (бросаясь ему на шею). Я не хочу, чтобы его убивали, я своим телом загорожу его от пуль.

Брийа. Я уважаю вас, Элен, я восхищен вами, но мне не нужно милости от этих людей... от этих убийц!..

Бонналь (гневно). Придержите язык, Брийа! *Брийа*. Делайте свое гнусное дело, сударь... я презираю вас.

Бонналь (по-прежнему гневно). Приказываю его... (Спохватываясь, после недолгого раздумья) Не к чему выносить здесь приговор... Пусть отведут пленного в Шерш-Миди, к дивизионному генералу... (*Г-же де Вернэ*). Элен, ступайте домой...

Г-жа де Вернэ (обнимая Брийа). Нет, я пойду с ним... я скажу... меня послушают... (*Бонналь* делает знак солдатам, те берут под руки *Г-жу де Вернэ* и заставляют ее войти в дом.)

Явление XVIII

Бонналь и Брийа друг против друга.. Остальные на тех же местах.

Бонналь (*Брийа*). Какой скандал, сударь... Хорошо, я согласен на этот брак. (*Берет со стола одну из нарукавных трехцветных повязок и протягивает ее Брийа*.) Надените повязку и спрячьтесь.. Я пришлю паспорт сестре, и вы вместе уедете в Англию...

Брийа (с негодованием отталкивая повязку). Чтобы я надел ее? Ни за что!.. Это опозорит меня...

Я отказываюсь... (Со стороны площади Сен-Сюльпис появляется головная часть колонны пленнх.) Бонналь (вне себя, громко). Сержант! (*Подходит Кермадек и встает навтыжку*.) Не спускайте глаз с этого человека, потом мы решим, как с ним быть.

Кермадек. Слушаю, господин полковник! (*Грубовато хватая Брийа за плечо, шепотом*.) Ни слова... иначе нам крышка. (*Громко, резко*.) Ступайте, вон туда!.. (*Подводит его к группе пехотинцев, которые закусывают, расположившись кто как возле своих ружей, поставленных в козлы*.) Получше сторожите этого человека — он из главарей... и многое знает... Не то полковник сразу приказал бы его прихлопнуть. (*Брийа садится рядом с солдатами на камень разрушенной баррикады, Кермадек подходит к Бонналю, разговаривающему с двумя офицерами. Колонна пленнх по пяти человек в ряд под сильной охраной выходит на сцену. Жанна и две другие женщины находятся в первом ряду*.)

Явление XIX

Бонналь, офицеры, Кермадек, Брийа, пехотинцы — одни закусывают, другие обшаривают дома, колонна пленнх, Жанна, конвойные, толпа, осыпая пленнх оскорблениями.

Бонналь (конвойному офицеру). Откуда эти пленные, лейтенант? Где были захвачены?.. На баррикадах?.. С оружием в руках?..

Толпа. Мерзавцы они, поджигатели! Смерть им! Расстрелять их, расстрелять!..

Бонналь (холодно смотря на толпу). В чем дело? Я один здесь распоряжаюсь!.. Солдаты, разогнать толпу, а в случае сопротивления, без разговоров... под арест их — и в колонну пленных! *(Толпа рассевается, как по мановению волшебной палочки; снова конвойному офицеру.)* Они были допрошены? Есть среди них главари?

Офицер. Не знаю, полковник... мне поручили лишь отвести пленных...

Бонналь. Куда?

Офицер. В первое попавшееся жандармское управление, в Шерш-Миди или в Военную школу.

Бонналь (сделав шаг по направлению к колонне и, оглядев пленных, замечает Жанну; вздрогнув от неожиданности, с ужасом). Она тоже арестована! Она, вечно она! Снова, как две недели назад, в форте Исси, ее судьба в моих руках... Роковое стечение обстоятельств! *(Офицеру.)* Выведите из рядов этих трех женщин. *(Пока офицер выполняет приказ, в сторону.)* Нельзя допустить, чтобы ее ответили в жандармское управление: там ее вполне могут расстрелять, это им не впервые. Попытаемся ее спасти. *(Пока женщины, стоящие рядом с Жанной, противятся приказу офицера, боясь, что их ведут на расстрел, в сторону.)* Если бы я мог спрятать ее у сестры... *(Все три женщины, выйдя наконец из рядов, подходят к Бонналю.)*

Жанна (узнав Бонналя, по знаку которого колонна тронулась дальше). Убийца отца!.. Опять он... *(Пятится, словно собираясь бежать.)*

Бонналь (справившись с волнением, мягко Жанне). Если вы и служили Коммуне, мадемуазель, то лишь в качестве сестры милосердия, не правда ли?.. Да и, вероятно, ухаживали за ранеными и преж-

де, во время осады?.. *(Вкрадчиво).* И только случайно...

Жанна (сделав шаг к Бонналю и не видя Брайа, который, равнодушный ко всему окружающему, закрыл лицо руками, решительно). Вы ошибаетесь, сударь... я сражалась и... стоит вам припомнить форт Исси, чтобы убедиться в этом... Нет, я не только ухаживала за ранеными, я стреляла всякий раз, как представлялась возможность... Сегодня с самого утра я только это и делала...

Бонналь (в сторону). Несчастная! Нарочно губит себя... А офицеры, солдаты слушают ее... *(Жанне с притворной строгостью.)* Покажите ваши руки...

Жанна. К чему вам мои руки?.. В июне 1848 года вы расстреляли моего отца... Сегодня моя очередь... прикажите расстрелять и меня... не медлите... Имейте же мужество и на этот раз... я жду... *(Офицеры, стоящие позади Бонналя, обмениваются удивленными взглядами; пленные уже прошли по сцене слева направо, и теперь виден лишь зовст колонны.)*

Бонналь (окружающим его офицерам). Мы идем дальше, господа, соберите своих солдат, они поели, отдохнули, и ждите меня в мэрии Сен-Сюльпис... я догоню вас... *(Повинуясь приказу, офицеры уходят с подчиненными в то время, как последние пленные скрываются из глаз в противоположном направлении.)*

На переднем плане Бонналь, Жанна и две арестованные женщины, позади Бонналя — Брийа в той же позе под охраной Кермадека, Постреленка и нескольких пехотинцев; из глубины сцены доносятся ружейные залпы — это Ландри и его мясники продолжают расстреливать коммунаров.

Бонналь (обеим женщинам, угрожающе). Эй вы там, бегите за своей колонной, да поживее, иначе... *(Обе женщины убегают; он остается один с Жанной на переднем плане.)* Жанна, почему вы так вызываете ведете себя со мной?.. Вы же знаете, что бы вы ни делали... я не прикажу вас расстрелять... Вы же знаете, что я вас... *(запинаясь)*, впрочем, я неудачно выбрал минуту для... Если бы вы только захотели... моя сестра живет тут рядом... она могла бы приютить вас у себя...

Жанна (в сторону). Его сестра!.. Нет, ни за что! Я и пальцем не пошевелю, чтобы приблизиться к Брийа, он для меня потерян!.. Она спасла его, это главное! *(Громко Бонналю.)* Нет, сударь, я не приму никакой услуги ни от вас, ни от вашей сестры... Расстреляйте меня, повторю!

Кермадек (в сторону, смотря на Брийа). Он ничего не видит, ей богу! *(Грубо толкает Жака, чтобы привлечь его внимание.)* Ах ты, мерзавец сейчас не время спать!.. *(Брийа поднимает голову и видит Жанну.)*

Брийа (вставая). Жанна! Жанна арестована... *(Делает два шага по направлению к Жанне, которая бежит к нему и бросается в его объятия.)*

Жанна (душеуражающим голосом). Жак, вас тоже арестовали... Не могла же она вас выдать... Это

было бы чересчур подло... Нет, быть этого не может... *(Неистово, порывисто обнимая его.)* Арестован!.. Что ж, тем лучше! Мы умрем вместе... Я целую тебя в первый и в последний раз... *(Поворачиваясь лицом к Бонналю, презрительно.)* Ну же, убийца, мы готовы... прикажите расстрелять нас!.. *Бонналь (вне себя).* Как, они знают друг друга?.. Она тоже любит его!.. Брийа, мой смертельный враг и... в то же время мой соперник... соперник, которого она любит... а меня презирает, считает подлецом, убийцей... Это уж слишком!.. Надо положить этому конец... *(Решительно.)* Сержант!.. *Кермадек.* Господин полковник?..

Бонналь (колеблясь). Но... Поступить так... нет, это слишком низко, слишком гнусно... Да и для них счастье умереть вместе... *(Кермадеку, указывая на Брийа.)* Отведите этого человека в жандармское управление... В случае неповиновения, прикончите его на месте.

Кермадек (вставая между обоими влюбленными, поспешно, тихо). Не мешайте мне, все уладится. *(Разведив Жанну и Брийа, грубо этому последнему.)* Эй ты, разбойник, хватит разводить телачьи нежности, шагай... и, главное, без глупостей, иначе... *(Оба уходят, Брийа впереди, Кермадек за ним с револьвером в руке, и скрываются за углом улицы Шерш-Миди, Постреленок незаметно следует за ними, Бонналь и Жанна смотрят им вслед. Вскоре с этой улицы доносятся выстрелы. Ракатель с трехцветной повязкой на рукаве, запыхавшись, выбегает на сцену.)*

Явление XXI

Те же, без Брийа, Кермадека и Постреленка.

Ракатель.

Бонналь (не смотря на Жанну). По крайней мере, я не мешал им умереть вместе... От него я избавлен. (Прислушиваясь.) Что за выстрелы? Неужто...

Ракатель (выбегая на сцену и наталкиваясь на Бонналя). Вы здесь, полковник? Ну и история!

Бонналь. Откуда вы, черт возьми, да еще в таком волнении?

Ракатель. Из тюрьмы Шерш-Миди, куда меня все же упрятала Коммуна... освободил меня какой-то генерал... Ну и история!.. Представьте, я только что встретил Брийа и сержанта Кермадека, который дезертировал 18 марта. Они бежали, сломя голову, по улице Ассаса, прикончив на ее углу двух часовых... Теперь они, небось, далеко...

Бонналь (в сторону). Тем лучше... вся эта кровь тяготит меня... Пора идти. (Подчиненным.) Все в Сен-Сюльпис!.. (Солдаты выполняют приказ.) Но как быть с девушкой?.. (Жанне.) Постучите в эту дверь, это дом моей сестры... Она добрая и спасет вас.. (Ракателю) Идем?.. (Уходят по улице Вье-Колочбле.)

Явление XXII

Жанна одна; в глубине сцены появляется Ландри со своими мясниками.

Жанна (нерешительно). Спрятаться у нее... Нет, нет, никогда!.. Лучше умереть!.. Умереть... а как же Жак?.. Если правда, что он убежал... Умереть од-

ной... без него... Моя воля слабеет... А что, если я укроюсь вот здесь... (Входит в открытую дверь, ведущую в прихожую какого-то дома.)

Явление XXIII

Ландри с подчиненными, затем его сын Дюфур и капрал линейной пехоты.

Капрал (подведя Дюфура-сына к пьяному Ландри). Лейтенант, этот парень прятался в сенях дома на улице Ассаса... Он, верно, один из тех, кто убил наших часовых. Не его ли вы разыскиваете?..

Ландри (трет себе глаза, сыну). Понятное дело! Это же Брийа, узнаю его... (Поднося кулак к лицу сына.) Не забыл 18 марта? Сегодня мой черед... Уж я-то тебя не помню!..

Дюфур-сын. Я не Брийа... Меня зовут...

Ландри (прерывая его). Молчать в строю!.. Я сразу тебя узнал... ты сбрил бороду... напятил на себя блузу... измазал сажей лицо, но узнать тебя можно. Не уйдешь от меня! Расстрелять его...

Дюфур-сын (отбываясь). Неправда, я не Брийа... (Вырывается от солдат.)

Ландри (бежит вслед за ним). Вот как, мляга! Хочешь удрать?.. погоди ж у меня... (Стреляет в него из револьвера, Дюфур-сын падает).

Явление XXIV

Те же без Дюфура-сына, генерал, два священника, адъютант, офицеры, эскорт, пехотинцы, артиллеристы с пушками.

Адъютант (Ландри). Скорее, постройте своих солдат здесь, на тротуаре... генерал идет!.. Кстати, это вы бросили трупы расстрелянных в траншеи возле баррикад?

Ландри (ухмыляясь). Да, пусть себе люди думают, что они погибли с оружием в руках... Дьявольщина! Если бы на баррикадах сражались все те, кого мы расстреляли, нам не овладеть бы этим кварталом... *(Выстраивает своих солдат на тротуаре. На сцену между двумя священниками выходит генерал, за ним следует эскорт.)*

Генерал (одному из священников). Сами видите, отец мой, правое дело, дело религии и порядка, восторжествовало... Чудовищное восстание подавлено..

Священник (елейно). Дракон о коем повествуется в Священном писании поднял свою грозную голову... во сказано было, что ангел господень раздавит его пятою своею. *(В сопровождении эскорта они молча проходят мимо трупов расстрелянных.)*

Явление XXV

Те же, без генерала и его эскорта. Уличное движение в квартале возобновляется; Ландри-Дюфур сидит за столом Бонналя, окруженный доносчиками.

1-й доносчик. Я знаю нескольких федератов, которые сражались с оружием... Вот их адреса...

Женщина. Бийорэ прячется у меня... Это мой деверь... Но, сами понимаете... у него нет ни гроша... да и потом это слишком опасно...

Ландри. Бийорэ! Бийорэ! По-моему, я уже расстрелял его!.. Значит, ошибочка вышла... Тьфу! *(Солдатам.)* Ступайте скорее за ним; сдается мне, ваши ружья начали остывать. *(Солдаты отправляются в соседний дом вслед за женщиной, выдавшей Бийорэ, и вскоре возвращаются с лже-Бийорэ.)*

Лже-Бийорэ (Ландри). Меня действительно зовут Бийорэ, но я не коммунар... я...

Ландри (ухмыляясь). Нам все известно; вы музыкант, играли на волынке... до Коммуны... Эх, любезный! Не вам нас обмануть!.. Ну же, признавайтесь...

Лже-Бийорэ. Я не музыкант и не член Коммуны... я приказчик.

Ландри. Все это пустая болтовня... Если вы не признаетесь, я прикажу немедленно расстрелять вас! Если признаетесь, велю отправить вас к генералу и уж решать будет он...

Лже-Бийорэ (в сторону). Генерал-то меня вы слушает... *(Громко.)* Хорошо, признаюсь...

Ландри (смеясь). Я так и знал, что он разродится... Все они ловятся на эту удочку... Немедленно расстрелять его... До чего надоедливый человек... *(Солдаты вводят лже-Бийорэ.)*

Явление XXVI

Те же без уже Бийора и нескольких солдат. Новая колонна пленных проходит слева от Ландри, его банды и трупа Дюфура-сына. За пленными теснятся люди, которые ругают их, кидают в них камни, нечистоты; дамы бьют их зонтиками; больше других злобствует низенький старичок. Затем появляются доносчики, ведущие Жанку Бодуен, мамаша Дюфур находится среди пленных.

Ландри (всматриваясь в колонну). Глупо брать такое количество пленных! Куда лучше мой меч!.. *(Размахивает револьвером.)*

Старичок Мерзавцы! Негодяи!.. (Подбирая камни разрушенной баррикады, бросает их в федератов.) Расстрелять подлецов! Расстрелять!.. *(Подойдя к одному из федератов, ударяет его своим зонтом.)*

Федерат. Чего это он взбеленился?.. А, понимаю, вы разгневаны, гражданин Вердюр ¹¹⁶, тем, что уже не состоите членом Коммуны... (Одному из солдат) Арестуйте его, не сомневайтесь, он был членом Комитета Общественного спасения.. (Солдаты звонят старичка и присоединяют его к пленным) Привет вам, гражданин делегат! *(Федераты насмешливо улаживают за своим новым товарищем и насильно увлекают его за собой)* Мерзавец! Он, видите ли, замаскировался и не желает меня узнавать... ни словечка мне не отвечает! *(Пленные смеются)*

Дама. Вот разбойники!.. Немало их замаскировалось.. Принесли заранее нарукавные повязки, а теперь попалили их... изменили фамилию... Но их

всех выведут на чистую воду... наших солдат не обманешь... Взгляните хоть на этого пленного, до чего противная рожа. (Бьет того зонтиком по лицу.)

Пленный (с живостью). Это поджигательница... Она помогала мне при поджоге Тюильри... бонтея, как бы я не выдал ее, и требует, чтобы меня расстреляли... В этом все дело... (Солдаты тотчас же забирают даму; толпа становится менее агрессивной.)

Мамаша Дюфур (приблизившись, замечает труп своего сына; она стремительно выбегает из колонны, расталкивает солдат, бросается к мертвому сыну, приподнимает его, баюкает). Сыночек, миленький мой!.. Они убили его, головорезы!.. Но где же убийца? (Осматривается в ярости. Часть колонны задержалась; раздаются крики: «Это ее сын, ее мальчик!») Даже солдаты замедлили шаг, кто из любопытства, кто из сострадания. Взыгранная толпа умолкла.)

Мамаша Дюфур (замечив Ландри, своего мужа, последнему). Ты здесь прошельга! Готова поручиться, что это ты приказал расстрелять... своего сына... крошку Эжена, негодяи!

Ландри (пьяный, ошеломленный, огореченный от встречи с женой). Господи боже... мой сын... Эжен... Ну и диковина... А я-то думал, что прихлопнул Брийа... (Не договаривает, мамаша Дюфур схватила его за шиворот и вытащила спрятанный у него револьвер.)

Мамаша Дюфур. На, получай, подлец! Другого ты не заслуживаешь! (Всаживает ему пулю в лоб) Сержант (конвойным). Забрать эту женщину! Обезоружить ее и расстрелять.. Это еще что за по-

вости! Смеет убивать офицеров. (Пленные остановились, ропот, крики возмущения)

Мамаша Дюфур (вне себя). Да, да, расстреляйте меня... Другого вы ничего не умеете.. Все вы убийцы!..

Офицер (прибежавший из головной части колонны, которую уже не видно, размахивая саблей) Кто задержал колонну?.. Ну же, вперед! Солдаты! Подгоните этих бездельников, пощекочите их штыком, расстреляйте тех, кто не хочет или не может идти... (Ропот усиливается) Вы недовольны, канальи!.. Берегитесь!.. Половину прикажу перестрелять... Мне все дозволено! Скажу, что вы сами друг друга прикончили! (Воцаряется тишина, колонна трогается с места)

Доносчики (подводя к офицеру Жанну Бодуен). Это поджигательница! Поджигательница!.. Она пряталась вот здесь, в доме...

Офицер (участливо смотря на Жанну). Поджигательница? Они всюду мерещатся им!.. (Пожимая плечами) Мне некогда допрашивать ее... (Солдатам.) Девушку тоже в общую кучу... (Указывает на мамашу Дюфур.) Она убила труса, пьяницу и этим оказала услугу армии!.. (Обе женщины подходят к пленным, которые расступаются, чтобы дать им место... Колонна продолжает путь под наблюдением офицера, который говорит мрачно, в сторону) И все же, лучше бы нам было по-настоящему драться с пруссаками, чем свирепствовать теперь, преследуя этих людей..

Занавес

5-е действие — «РЕАКЦИЯ»

10-я картина —

«САТОРИ» ¹¹⁷

Действующие лица:

Пьер Бодуен

Жак Брига

Кермадек

Дюран

Постреленок

Ракатель

Матуйе

Капрал Питу

Жанна Бодуен

Адель Шовело

Буржуазная дама с девочкой, арестованные федераты — мужчины и женщины из разных слоев общества. Офицеры, исполняющие обязанности судей и тюремщиков. Жандармы, солдаты.

Тюрьма Сатори — три дока, куда в первые дни расправы над коммунарами бросали подряд мужчин, женщин и детей. Эта неразбериха длилась с 29 мая по 4 июня 1871 года. Справа и слева от зрителей — высокие каменные стены ограды, между ними и кулисами узкий проход. Пространство от задней стены до середины сцены занимают три дока, фасады которых параллельны рампе. Между доками ничем не занятые проходы. Первый и второй доки, слева от зрителей, предназначены для

мужчин, третий, справа от зрителей, для женщин. На первом плане слева небольшой сторожевой пост жандармов, выходящий на рампу. На втором плане, опять-таки слева, большие ворота в тюремный двор. На заднем плане между 1-м доком и каменной оградой двухэтажное здание, открытое взорам зрителей. В первом этаже — кабинет следователей и канцелярия, на втором этаже — военное полеводство суд. Дощатые двери доков открыты, и видно все, что происходит внутри. Справа от зрителей, между рампой и 3-м доком, яма с воюющей застоявшейся водой. В проходах справа и слева, между кулисами и крепостной стеной — часовые с митральезами, жерла которых смотрят через бойницы на тюрьму. 2-ой и 3-ий доки разделены двумя дощатыми загородками, идущими от задней стены до рампы. Между ними два жандарма на часах. Во дворе несколько маленьких хилых деревьев.

Явление I

Жанна Бодуен, 2-я женщина из народа, 1-я буржуазная дама, 2-я дама, проститутка, женщины из народа, две из них с детьми; жандармский бригадир, жандармы, часовые-пехотинцы, стоящие справа и слева вдоль внешней стены.

При поднятии занавеса в 1-м и 2-м доках пусто, как и в двухэтажном здании, где помещаются канцелярия и суд. В 3-м доке от тридцати до сорока женщин; они разговаривают, кто лежа, кто сидя на гнилой, истертой соломе. Много жандармов, которые собрались группками и беседуют. На сторожевом посту — он же продовольственный склад — пять-шесть жандармов считают заплесневе-

лые хлеба разной величины и перебрасываются шутками. На территорию тюрьмы ведут одни ворота, слева от зрителей, других входов нет. Все женщины — в той же одежде, в которой они были арестованы. Платья их, когда-то очень разные, теперь по большей части грязны, смяты и изодраны. Некоторые из этих несчастных босы, а платья свои вывернули наизнанку, чтобы не запачкать лицевой стороны. На это разnochерстное скопление женщин больно смотреть.

Проститутка (в то время, как на сторожевом посту жандармы считают и складывают хлеба, приподнимается и садится на соломенной подстилке. Она одета в рваное шелковое платье, на голове потерявшая форму шляпка, на ногах дырявые ботинки). Ну и сволочная жизнь! Невозможно спать на этом навозе. (Берет пучок соломы и с отвращением смотрит на него.) Грязная, гнилая и кишит насекомыми!.. Как будто сама шевелится!.. Еще вчера должны были переменить подстилку, но им наплевать!.. А там пошел дождь... Они на всю ночь оставили солому снаружи и сегодня вечером дадут нам ее сырую, если только дадут... (Мучительно закашлявшись.) Чего только мы не натерпелись за те десять дней, что сидим здесь... И как на беду нас почти все время поливает дождь... Достукалась, теперь у меня, верно, чихотка... Какое безобразие... В Сен-Лазаре хоть есть кровати... там не спишь, как здесь, в сарае, где тебя продувает со всех сторон... (Умолкает.)

Жандармский бригадир (вошедший на сторожевой пост через дверь в его задней стене, жандармам, считающим хлеба). Хватит балагурить, по-

торапливайтесь. Скоро пробьет шесть, пора разнo-сить жратву, а у нас еще ничего не готово.

Жандарм (пересчитывая хлеб). Шестьсот со-рок порций!.. *(Бригадиру.)* Да, не готово, брига-дир!.. Но ведь доки пусты... Здесь одни женщины, а их не наберется и пятидесяти...

Бригадир. Разве в женщинах дело! А те три партии, которые пригонят сюда к восьми часам. Словом, последний улов! Все доки будут запол-нены!

2-й жандарм. Но ведь сегодня четвертое число, воскресенье... Откуда такая пропасть аресто-ванных?..

Бригадир. А как же?.. Сюда хотят перебросить заключенных из Мазаса и Петит Рокет¹¹⁸... Да и аресты не прекращаются. Словом, партия в 750 че-ловек прибыла на вокзал и самое большее через полчаса будет здесь... Две другие партии тоже не задержатся... Поторопитесь... *(Выходит в ту же дверь, жандармы продолжают считать хлеба.)*

Проститутка (после раздумья). Правда, стои-ло бы захотеть, и я могла бы поступить, как Эрне-стина, которая ушла вчера с офицером... Теперь она на воле. Но все-таки мне это не по душе... Под-ло получить свободу такой ценой!.. А ведь она стреляла в солдат и не скрывает этого... Я же толь-ко подносила камни для баррикады... Многие дела-ли то же самое... Но меня выдали!.. Погоди, я это припомню стerve, что мне напакостила. *(Пауза, она горестно осматривается.)* Впрочем, не к лицу мне привередничать да жаловаться — когда вижу этих бедняжек, порядочных женщин, матерей семейства, которые спят здесь на гнилой соломе. В особенно-сти жаль вон ту бедную даму... *(Указывая на пер-*

вую даму.) Она да еще Жанна Бодуен — вот у кого доброе сердце!.. *(Встает.)*

Жандарм (на часах в промежутке между обеими загородками, вставляет дуло ружья в бойницу.)

Ложись, стрелять буду!..

Проститутка (валясь на солому). Совсем забы-ла, еще рано... А эти не шутят... В первую ночь, что я провела здесь, какая-то женщина не хотела ложиться, видно, повредила в уме... *(Вздраги-вая.)* Они ее ухлопали и только таким манером уложили на подстилку... Кровь брызнула мне в лицо... Верно, я и сейчас еще в крови, воды-то умыться нету... Нам и пить-то ее почти не дают, а если и дадут, то какую-то вонючую!.. *(Звонит ко-локол.)* Наконец-то побудка!.. Теперь можно встать... *(Встает. Заключенные поднимаются, потя-гиваются, кутаются в свою изодранную одежду. Младенец кричит, мать дает ему грудь.)*

Жанна Бодуен (появившись из глубины дока, идет по двору к рампе; ее одежда, хотя и порвана, но менее грязна, чем у большинства женщин.) Вот и утро!.. Скоро придет Постреленок и принесет нам хлеб... Вчера он твердо мне обещал разузнать у жандармов или у заключенных об участи дяди и Брийа... Где они? В Версале? Живы или их рас-стреляли?..

Проститутка (подойдя к Жанне, приветливо). А, это вы, мамзель Бодуен?.. Всегда ровная, му-жественная! Кабы все были такими, как вы... Ни-когда-то вы не жалуетесь.

Жанна Бодуен. Мы побеждены... Что ж тут жаловаться?

Проститутка. Пожалуй, вы правы... Женщины, что хнычут да капризничают, получают на орехи,

как та дама, которую вчера вечером поставили к столбу... а вас сами солдаты уважают... Вы им внушаете почтение, честное слово!

Жанна Бодуен. Да, несчастная женщина... Тяжело ей пришлось... Простоять всю ночь привязанной за руки к столбу...

1-я буржуазная дама (лет сорока, богато, но просто одетая; на ногах лишь один башмак). Жанна, милая!.. *(Целует Жанну.)* Бедная девочка!.. Надеюсь, меня выпустят сегодня... Сделаю все возможное, чтобы и вас отпустили вместе со мной... *Жанна Бодуен.* Не надейтесь на это, сударыня... Им все известно... Все... Известно мое имя... против меня выдвинуты тяжкие обвинения.

1-я дама. Но зачем, несчастная девочка, вы называли себя?.. Надо было сказать чужое имя.

Жанна Бодуен. Ни мой дядя... ни другой человек... не одобрили бы этого...

1-я дама. Узнали вы что-нибудь о них?

Жанна Бодуен. Надеюсь узнать сегодня через Постреленка.

1-я дама. Это один из тех мальчиков, которые разносят хлеб?.. Смышленный мальчик, живой, как ртуть, бедовый... Его-то отпустят!..

Жанна Бодуен. Надеюсь, хотя он сражался, как взрослый... Он успел завоевать расположение надзирателей. Жандармы позволяют ему свободно разгуливать здесь... Он может многое узнать от солдат и от пленных... а одному богу известно, сколько их проходит через эту пересыльную тюрьму... Иной раз более трех тысяч за день.

1-я дама. Боже мой, какое ложное представление о народе существует в том мире, где я живу... Людей, которые строят баррикады и сражаются на

улицах во время революции, изображают у нас сборищем каторжников, воров и разбойников...

Я до сих пор не могу примириться с мыслью, Жанна, что вы инсургентка... что и вы сражались... *Жанна Бодуен.* И еще буду сражаться, сударыня,

когда снова вспыхнет революция, если только выйду на свободу... и меня не расстреляют здесь...

1-я дама. Расстрелять женщину!.. Какой ужас!.. *Жанна Бодуен.* Бывало и это в разгар битвы,

даже после... Многие улицы, по которым мы проходили, были завалены трупами женщин и детей, так называемых поджигателей. Буржуазия бонится де-вушек из народа.

1-я дама. Буржуазия!.. Но ведь и я принадлежу к ней... да еще к старинной буржуазии. Но я предпочла бы отказаться от всего, что имею, чем видеть гибель таких хороших людей, как вы, ваш дядя и господин Бриья, о котором вы мне говорили... Вы обратили меня в свою веру, Жанна, и я стала республиканкой. *(Три женщины продолжают тихо разговаривать.)*

(Жандармы кончили считать хлеб. Бригадир снова появляется на сторожевом посту и вынимает из кармана часы.)

1-й жандарм. Можно приступить к раздаче, бригадир... Три тысячи пятьсот порций и какого только хлеба тут нет! На сегодня хватит!

Бригадир (бодро). Превосходно... До прибытия пленных успеем раздать женщинам хлеб. Одним делом будет меньше. *(Оборачиваясь лицом к двери, в которую вошел.)* Эй, Постреленок, эй, мальчики, бросьте метлы и ведра, на сегодня уборка кончена... Скорее сюда, за хлебом для женщин...

Постреленок (из-за кулис). Идем, идем,

литку во второй загородке). Да, ничего нового, бригадир... (Открыв калитку, этот последний про пускает вперед Постреленка и других мальчиков) Женщины (выбегая из дока во двор). Хлеб при несли! Хлеб! (Они набрасываются на мальчиков, бригадир отгоняет заключенных ударами хлыста. Сильные женщины загладевают хлебом, слабые бе гут за ними, мать с младенцем на руках отходит в сторону. Во время этой постыдной сцены Жанна и Постреленок подошли к рампе.)

Жанна Бодуен (Постреленку). Ну как?

Постреленок (сокрушенно). Еще ничего не узнал, мамзель Жанна.. Но надежда не потеряна. Сегодня утром сюда придут три партии, а с ни ми, быть может, ваш дядя и Брийа.. В одном я уверен — их не расстреляли, они живы...

Жанна Бодуен. Ты хочешь утешить меня, а сам ничего толком не знаешь...

Постреленок (уверенно). Заключенные, кото рых отправили отсюда сегодня утром в пять, гово рили мне, что видели их позавчера в Ла Рокет.

Бригадир. Пусть женщины сами устраиваются как знают... Эй, ребята, марш обратно! Ну-ка взгля- нем, привезли ли воду. (Пропускает мальчиков впе ред и возвращается тем же путем.)

Явление III

Те же, на тех же местах, партия пленных, среди них Бодуен, Брийа, Матуйе

Многочисленные жандармы, находившиеся как внутри, так и вне доков, сразу засуетились, увидев приближающуюся с плато Сатори партию пленны

Связанные между собой крепкими веревками, те идут по пяти человек в ряд под охраной кавалери- стов с одной стороны и пехотинцев — с другой; тю- режные ворота должны быть достаточно широки, чтобы пропустить колонну, не нарушая ее порядка. Пленные, видимо, удивленные количеством жандар- мов, перешептываются, делятся впечатлениями. Они искоса поглядывают на мицральезы, выгля- дывающие из бойниц внешней ограды. Жандармы пересмеиваются, осыпают их насмешками.

Первый жандарм (в то время как пленные и охрана входят в Сатори). Вы удивлены, каналы, что видите жандармов!

Второй жандарм. Еще бы, им все уши про- жужжали, будто нас перебили на острове Гранд Жат, и болваны поверили этому! Они клюнули на брехню Домбровского и бюллетеней Коммуны.

Третий жандарм. Поверили бахвальству «Гу- ца Дюшена»...¹¹⁹ Надо же быть такими дураками!..

Четвертый жандарм. Тут нечему удивлять- ся, ведь они парижане.

Первый жандарм. Пусть не тревожатся! Жандармы живучи... Они, как волосы Элеоноры... (поет)

Говорят, у Леоноры нет волос.

Поглядишь, на голове, что сена воз.

Жандармы (смеясь до упаду, повторяют хо ром).

Говорят, у Леоноры нет волос,

Поглядишь, на голове, что сена воз.

(Во время этой сцены, особенно жуткой в своем шутковском цинизме из за бедственного положения

пленных, колонна двигалась без остановки. Бригадир, руководивший раздачей хлеба женщинам, вернулся на сторожевой пост в сопровождении Постреленка и других мальчиков и вместе с жандармами смотрит на это шествие. В нескольких шагах за его спиной, ближе к рампе, Постреленок с товарищами внимательно всматриваются в новоприбывших и, видимо, ищут знакомых.)

Постреленок (заметив Бодуена, Брижа, Матюге, которые идут связанные в одном и том же ряду). Наконец-то!.. Они!.. Ну и обрадуется мамзель Жанна!.. Впрочем, иначе и быть не могло... Ведь все арестованные проходят через Сатори... Понятно, их могли расстрелять... Но что это с папашей Бодуеном? Здорово он хромает, в пору бы взять костыли... Бедный старик, верно, его ранили!.. Теперь надо держать ухо востро! Пришло время показать, Постреленок, что ты малый не промах... (Шутливо.) Пришло время, настала минута для всех нас смыться отсюда под музыку или лучше... без музыки. Докажем этим милым жандармам, что для парижан плевое дело обвести их вокруг пальца... погоди, любезная моему сердцу деревенщина, еще немного и за дело примется сам Постреленок. (Колонна и ее охрана уже во дворе Сатори; заключенные стоят боком к рампе; голова колонны доходит до загорода, отделяющих мужские бараки от женского, а хвост обрывается у левой стены первого дока. Отсюда на высоте одного метра от земли протянут канат, обозначающий границу, которую заключенные не должны переступать, однако в этой импровизированной ограде оставлен проход, равный по ширине воротам.)

Офицер (начальник охраны, резко). Передние,

шаг на месте... Остальные — сомкнуть ряды. Построиться по-пятеро! Никак вас не пересчитаешь... Эй вы там, поживее, не зря же служили в национальной гвардии! (Заключенные выполняют команду; тоном начальника.) Колонна!.. Стой!.. (Колонна замирает на месте. К офицеру подходит жандармский вахмистр. Вложив саблю в ножны, офицер обращается к стоящему рядом с ним сержанту.) Вместе с вахмистром пересчитайте пленных! (Оба унтер-офицера, предшествуемые жандармом, который проверяет каждый ряд, пересчитывают заключенных от головы до хвоста колонны.) Жандарм (время от времени ударяет арестованных и осыпает их бранью). Сволочи! Равняйся! Чтобы все пятеро были на месте!.. (Ударом кулака разбивает трубку у заключенного.) Получай, бандит, в другой раз будешь знать, что в строю не курят!.. (Видя, что тот собирается поднять осколки своей трубки.) Попробуй нагнуться, я сверну тебе шею!.. (Пройдя несколько шагов.) Вас только четверо, гады! Где же пятый?..

Голос из рядов пленных. Его прикончили в дороге!..

Вахмистр (в ярости). Прикончили! Какой негодяй сказал это!.. Пусть выйдет из рядов, я мигом с ним рассчитаюсь... (Пленные опасливо молчат, и инцидент этим исчерпывается; после подсчета заключенных, сержанту.) Семьсот пятьдесят три, согласны, сержант?

Сержант. Да. Если не считать того пленного, которого расстреляли за то, что отстал; итого семьсот пятьдесят четыре, все правильно. (Оба унтер-офицера подходят к офицеру, закурившему тем временем сигару.)

Офицер. Ну как?

Вахмистр. Семьсот пятьдесят три человека, лейтенант, все правильно... не даю вам расписки на этот товар... Не стоит того...

Офицер (смеясь). Расписка? На кой она мне? Лишняя писанина... Ведь поминутно приходится расстреливать кого-нибудь из этих мерзавцев, хотя бы ради острастки, чтобы остальные не скандалили. Иначе с ними не справишься... *(Конным стражникам.)* Гусары, слушай команду: кругом марш! *(Конвойные повинуются, офицер доезжает галопом до хвоста колонны, становится во главе своих подчиненных и покидает вместе с ними Сатори.)* *Сержант (солдатам).* Эй, ребята, кругом марш, сомкнуть ряды... *(те повинуются, и пеший конвой в свою очередь покидает тюрьму. Видно, как удаляются оба небольших отряда.)*

Явление IV

Те же, без конвойных; жандармы столпились около вахмистра, раскуривающего трубку.

Вахмистр (громко). Бригадир по продовольственной части!

Бригадир. Здесь, вахмистр!

Вахмистр. Пока арестованные в строю, раздайте им хлеб.

Бригадир. Есть... одним делом меньше...

Вахмистр (пленным, тоном начальника). Слушай команду, налево кругом!.. *(Те поворачиваются лицом к воротам.)* Колонна вперед, марш! Передние ряды — полуоборот влево! *(Пленные повинуются и сворачивают к сторожевому посту, слу-*

шащему также продовольственным складом; когда они подходят шагов на десять к зданию, вахмистр командует.) Колонна! Стой!.. *(Обычным тоном жандармам.)* Становись в ряд, ребята, а мы пока что наладим раздачу!.. *(Семь или восемь невооруженных жандармов выстраиваются в десяти шагах один от другого между колонной арестованных и доками №№ 1 и 2, тогда как другие жандармы, подведя первые ряды колонны к посту, организуют передачу хлеба по цепочке. Из зрительного зала видно, как жандармы, под наблюдением одного из них, берут хлеб и передают его из рук в руки ожидающей во дворе колонне; вахмистр снова обращается к коммунарам.)* Самое правильное было бы оставить вас без жратвы, подышайте себе с голоду, сволочи! Но мы все же дадим вам хлеба, да еще по два фунта на душу. Дадим разом на пять, шесть, десять человек, а то и больше. С дележом устраивайтесь сами. Получив свой паек, вы встанете по ту сторону линии жандармов, ближе к докам. Только не вздумайте становиться в хвост колонны, чтобы получить хлеб вторично — жуликов я прикажу расстреливать на месте... И еще одно: хлеб, который вы получите, отнюдь не высшего качества и выпечен он не вчера... Если он вам придется не по вкусу, оставьте свое неудовольствие при себе: жалоб здесь не принимают... *(Бригадиру, ответственному за раздачу хлеба.)* Приступайте к раздаче!.. *(Прогуливается с трубкой в зубах в нескольких шагах от пленных, наблюдая за порядком.)* *Бригадир (пересчитывая хлеба разной величины, которые ему передают по цепочке жандармы).* Вот это на десять человек... на два ряда по пятью ро... Кто половчей, лови! *(Бросает хлеб.)* Ну же,

вас за нелегальной торговлей и вы мигом отправитесь у меня к богу в рай.

Оба ездовые (в один голос, поспешно). Готово!.. Все сделано, господин вахмистр!.. (Бочка и в самом деле опустела, ездовые вскакивают на мулов и беспрепятственно уезжают.)

Явление V

Те же, без ездовых.

Несколько пленных приблизились к раме. Основная их масса хлынула в доки №№ 1 и 2, и многие уже повалились на солому, как люди, разбитые усталостью. Все едят с жадностью, смешанной с отвращением. По обе стороны двойной загородки, разделяющей 2-й и 3-й доки, мужчины и женщины пытаются увидеть друг друга, найти знакомых, установить с ними общение.

Жандарм (стоящий на часах между загородками, поднимая ружье, грубо обращается к мужчинам и женщинам). Отойдите, держитесь на пять метров от загородок... иначе я вас кокну, вышпбу из вас дух... каналы этиакте... (Женщины в ужасе отбегают на середину двора. Мужчины отходят, недовольно ворча, но без поспешности, обычно вызываемой паникой.)

Один из пленных (низенький, горбатый, не то хромой, не то раненый, отходит от загородки последним, пятясь и смотря на жандарма, которого можно разглядеть сквозь отверстие, проделанное в загородке). Что это за зверюга?.. Или его укусила бешеная собака?.. (Подойдя к бойнице, жандарм целится в стропилового коммунара, последний все

же продолжает.) Неужто эти недотепы принимают нас за трусов-жандармов, ведь это они трясутся от страха при виде заряженных ружей!.. (Жандарм стреляет, коммунара, сраженный почти в упор, падает, выкрикивая со стоном) Подлец!.. Не промахнулся!.. Попал куда надо! Спасибо!.. (Затем, корчась в агонии, произносит с расстановкой.) Да... здравствует... Коммуна!..

(Этот крик и выстрел часового приводят в волнение жандармов; одни кидаются, словно по команде, к митральезам и наводят их, другие бегут в комнату сторожевого поста, невидимую зрителям. Они выходят оттуда, вооруженные ружьями, под командой бригадира с огромной дубиной в руке вместо шпига и направляются беглым шагом к докам №№ 1 и 2. Растерявшиеся заключенные спасаются кто куда от этого нашествия, большинство бегут в доки; бригадир и жандармы, даже не подумав узнать, что случилось, преследуют их.)

Бригадир (потрясая дубиной). Разбойники! Держу пари, что это они стреляли в часового... Канальи!..

Жандарм (встревоженно). У них припрятаны револьверы!.. (В страхе.) Мы здесь в опасности...

Другой жандарм (с расгушей тревогой). Ясное дело, их не обыскивают... Проходимцы без роду и племени!.. Они даже смерти не боятся, плевать им на нее...

Третий жандарм (с еще большей тревогой). Нигде не служат, ничего не делают... не то, что жандармы... которые должны работать, чтобы жить...

Четвертый жандарм. Работать! Ишь чего захотел!.. Это же бездельники... лодыри!..

(С этими словами жандармы бросаются, сломя голову, в док № 1. Все заключенные легли та-
ки, прижавшись друг к другу, на соломенные подсти-
лки, между которыми оставлены узкие проходы, не
видимые из зрительного зала. Жандармские ищущи-
ки направились по одному из этих проходов.)

Бригадир (по его жестам и словам заметно те-
перь, что он наполовину пьян). Ах, разбойники!..
Стреляли в часового... Припрятали револьверы!..
Погодите, мы сведем с вами счеты... (Размахивая
дубиной.) Прежде всего, знайте, что ми-
нимальные стоят наголове и достаточно четыре-пять раз кру-
тануть эту мясорубку, и она всех вас расчихо-
тит, попробуйте только пошевелиться или закри-
чать!.. (Эта речь не производит особого впечатле-
ния на жандармов, и кое-кто из них даже выходит
из дока, пожимая плечами. Заключенные смотрят
молча, удивленно на бригадира, словно перед ними
неизвестный зверь.) Мне-то плевать на вас, на ва-
ши ножи и револьверы, они меня беспокоят, как
прошлогодний снег... И хорошенько запомните —
любой жандарм... имеет право распоряжаться ва-
шей жизнью и смертью... Мы — сила и докажем
вам это... (С этими словами он доходит до заклю-
ченного с добродушной физиономией, который
изумленно смотрит на него.) Чего вылупился? Твой
морда мне не нравится! Видно, смеешься надо
мною, куражишься?.. (Набрасывается на несчаст-
ного и колотит его в присутствии невозмутимых
жандармов.)

(В эту минуту во двор тюрьмы входит вторая пар-
тия в количестве восьмисот человек, с которой
проделывают то же, что и с первой партией. Вы-
строившись параллельно авансцене, эта колонна

закрывает от зрителей все происходящее в доках.
Кермадек и капрал Питу входят в состав этой
новой партии арестованных.)

Явление VI

Жандармы загнали в доки всех заключенных из
первой партии. Новоприбывшим раздают хлеб.
Женщины расхаживают по двору 3-го дока и в са-
мом доке. Постреленок стоит словно на часах у
сторожевого поста. Жанна Бодуен и первая дама
беседуют между собой во дворе женского дока.

1-я дама. Полно, милая Жанна, почему вы не хо-
тите выйти на свободу с моей помощью?.. Ваша
фамилия известна, говорите вы?.. Вам предъявлены
тяжкие обвинения... Пусть так... Но надейтесь по
крайней мере... вы вполне заслужили утешение,
после стольких невзгод... Надейтесь, что свидетесь
сегодня с вашими друзьями, с вашим дядей... с
этим молодым человеком... господином Брийа, дру-
гом вашего дяди... Ведь только что прибыли две
новых партии...

Жанна Бодуен (порывисто). Да, сударыня...
я надеюсь и вместе с тем мне страшно... Я не из
трусливых... и все же я трепещу, боюсь чего-то
ужасного... Дядя так ненавидит наших палачей,
а господин Брийа так отважен, так безрассуден,
что я дрожу за них... опасаясь, как бы в минуту
гнева...

1-я дама. Нет, нет, дитя мое, они любят вас... и
не совершат опрометчивого поступка, они вспо-
мянут о вас и поостерегутся...

Жанна Бодуен Мне кажется, что Постреленок — он такой продувной мальчишка — предупредил бы меня, если бы узнал что-нибудь хорошее, даже ничтожную малость... *(Обе женщины направляются к доку, повернувшись спиной к зрителям и неслышно продолжая разговор.)*

Постреленок *(там же, наблюдая за раздачей хлеба последним рядам второй партии пленных)* Черт возьми!.. Опять наши!.. Вот мы и в сборе, в точности как на баррикаде, да и в других местах... Кого я вижу?.. Да ведь это мой доблестный начальник, мой бретонец... Кермадек... Разбойники! Они вывернули ему шинель наизнанку... ¹²⁰ *(Словатываясь.)* Ясно, что сержант Бей-без-промаха — клычка для него самая подходящая — знал, что делает, когда покинул ряды версальцев и примкнул к нам... Согласен, пусть себе носит шинель наизнанку... Только бы дело этим кончилось... А вот и капрал Питу... поджигатель, вояка без страха и упрёка с перекрестка Красного Креста, ловкач, который с улыбкой вытаскивает младенцев из горящих домов... Бедняга, борода у него до сих пор опалена... *(Подумав.)* Но, разрази меня гром! — как говорит мой милый Кермадек, надо поспешить: предупредим хотя бы мамзель Жанну, что ее дядя и Брийа здесь... Как быть?.. *(С забавной серьезностью.)* Пораскинь мозгами, Постреленок, любезный друг, иначе тебе не выкрутиться и ты останешься в дураках... Идея! Поймал ее за хвост. Да, правильно, идем... *(Подходит к бригадиру, ведающему интендантской частью, который как раз закончил раздачу хлеба.)* Мигом обставлю бригадира!.. Тем же для него — останется без нашивок!.. *(Развязным тоном.)* Скажите-ка, бригадир, очень похваль-

но, понятно, накормить мужчин, но неплохо бы напоить и женщин... Ей-богу, надо же быть галантным, а коли мы думаем о воде для дам после того, как пьяницы-мужчины всю ее вылакают, будет, пожалуй, слишком поздно

Бригадир *(смеясь)*. Тыфу, пропасть! Совсем забыл... *(Насмешливо.)* Сдается мне, комарик, ты что-то очень заботлив по отношению к дамам... Что бы это значило?..

Постреленок *(перебивая его, нахально)*. Вот те на! Неужто дамы и любовь, понятно, любовь на расстоянии, мне не по возрасту?.. *(Словатываясь, серьезно.)* Нет, бригадир, дело не в этом... но больно смотреть на несчастных женщин с грудными младенцами...

Бригадир. Ты прав, прихвати кого-нибудь из своих приятелей и идем. *(Постреленок и другой мальчик следуют за бригадиром к тому месту, где стоят бадьи с водой. Мальчики берут одну бадью и под присмотром бригадира направляются к доку, где размещены женщины. На сцене появляются Бодуен, Брийа, Кермадек, Матуйе, капрал Питу и еще два-три заключенных; они поделили полученный паек, и у каждого из них под мышкой кусок хлеба, на вид хорошего, но сильно заплесневевшего. В начале этой сцены все они как будто ищут что-то и наконец подходят к деревцу, вокруг которого заключенные выстроили из найденных ими камней небольшую ограду около полуметра высотой. Внутри этой ограды могут поместиться, сиди или лежа, человек восемь-десять. Двор тюрьмы являет собою довольно красивое хотя и не слишком веселое зрелище, так как страдания, тоска и, главное, томительное беспокойство отражаются на*

всех лицах Доки забыты до отказа; одни заключенные лежат, другие расхаживают взад и вперед все жуют хлеб Во дворе заключенные расположились группами преимущественно в тех местах, где сохранилось немного травы; все говорят шепотом, словно опасаясь донощиков.)

Бодуен (подходя с товарищами довольно близко к рампе). Нет, поги моей больше не будет в доках, довольно мы рассмотрелись там. Взять хотя бы того бригадира, который ни с того, ни с сего принялся дубасить несчастных людей, да еще выбирал свои жертвы среди заключенных и так полумертвых от страха. Не знаю, как это я сдержался и не схватил его за глотку. По-моему, все мы трусы. Нас было в доке человек триста, не меньше. Нам следовало броситься на жандармов; ни один из них не ушел бы оттуда живым. Нас всех перестреляли бы из митральез... Ну и что? Велика важность, по думаешь... Повторяю, мы все оказались трусами — и я, и остальные...

Брийа. Полно, Бодуен, успокойтесь... Как вы не понимаете, что эти люди хотят, добиваются вспышки возмущения, что им нужно оправдать те беспощадные репрессии, к которым они собираются прибегнуть? Они давно ждут восстания заключенных в Сатори или в другом месте... Быть может, уже объявили о нем в своих газетах. Поверьте мне, нельзя играть им на руку... Если бы тот бригадир, о котором вы говорите, набросился на меня, как на тех несчастных, я молча бы снес побои... Как, вы не хотите вернуться в доки?.. А ваша рана? Почти ведь холодные, и нам возможно, придется провести здесь несколько суток... Разве вы не боитесь...

Бодуен (перебивая его, решительно). Не наставляйте, Брийа, прошу вас, я не вернусь в доки... Да и, кроме того, мы вряд ли здесь засидимся...

Кермадек. Хорошо бы отыскать укромный уголок, не переходить с места на место и знать, где каждого из нас можно найти. Сложить бы в том уголке наш хлеб, пожитки и сторожить их по очереди...

Матуйе (заметив деревцо, окруженное оградой, обращается к друзьям присущим ему тоном провидца). Смотрите, крепость! (Указывая на ограду) Баррикада! Все на своем месте, а это чахлое деревцо заменяет знамя... Послушайтесь меня, друзья, заберемся-ка в это подобие бастиона, притаимся за его стеной... Здесь нам будет лучше, чем где-либо... Стоит нам лечь — и мы будем укрыты от врага и его оружия. А если пожелаем, сможем наблюдать за всеми действиями неприятеля, оставаясь вне поле его зрения... (Входит в маленький бастион) Вот мы и в крепости, остается ждать приговора. (Развеселившись, друзья следуют за ним и садятся у подножия деревца. Над оградой видны теперь лишь их головы. Все тут же принимаются за еду.)

Капрал Питу. Ну и хлеб! Одна плесень!.. А на вкус!.. С души воротит, хоть я и не разборчив... Тюремщики решили нас отравить... (С отвращением бросает хлеб, который настолько заплесневел, что разваливается на куски.) Хлеб куда хуже, чем во время осады... Жалею, что меня не расстреляли в разгар борьбы, на улице, я не терпел бы теперь такого издевательства... Вы правы, Бодуен, мы все оказались трусами, нам следовало воспользоваться случаем и кончить со всем этим и чем скорее, тем

лучше... (После этих слов, друзья умолкают. Между тем бригадир и мальчики пришли с водой во двор женского дока, где, воспользовавшись сумятицей, вызванной раздачей воды, Постреленок и Жанна незаметно подошли друг к другу.)

Постреленок (тихо Жанне). Ваш дядя и Брига только что прибыли; я их видел, но еще не говорил с ними... Поговорю через час, самое большее.. Вечером сообщу новости.

Бригадир. Эй, мальчики, заберите пустую бадью и айда обратно. (Все трое возвращаются.)

Матуйе (у подножия дерева, приподнимаясь). Истомился я в этой дыре... Проклятая судьба! До чего печет солнце! Здесь можно изжариться в собственном соку, как дичь в кастрюле. Кто хочет поразмяться со мной и попробовать напиток?.. А тем, кто останется, будет просторнее.

Один из заключенных (в одежде пригородного крестьянина). Я с вами, господин Матуйе... По крайности, доскажу вам мою историю... (Перелезает через ограду и присоединяется к Матуйе, остальные ложатся, их больше не видно из зрительного зала.)

Матуйе (пройдя несколько шагов с крестьянином, этому последнему). Значит, вас арестовали по ошибке, вы не выступали за Коммуну?

Крестьянин. Нет, что вы мой добрый господин! Я только привозил каждый день овощи и продавал их, ведь жигь-то надо, сами понимаете.

Матуйе (нравоучительно). В этом желании нет ничего необычного... Игак?

Крестьянин. При Коммуне все было ладно, за овощи мне платили... Я был доволен, оно и понят-

но после долгой осады... Вот я и стал говорить, что про Коммуну болтают вздор... что неправда, будто в Париже всех подряд убивают, что я езжу туда каждую ночь со своей лошадью и повозкой и ни разу не слышал даже бранного слова.

Матуйе. Кому вы это говорили?

Крестьянин. Всем понемчугу!.. Так что мой сосед Мартен, лентяй и пьяница, взвел на меня клевету, будто я коммунар, все от зависти, потому что я честно зарабатываю себе на жизнь... Жан-дармы арестовали меня и пригнали сюда.

Матуйе. По всей вероятности вас приговорят к ссылке... Я надеюсь на такой же приговор и очень рад, что познакомился с вами. Вместе отправимся в Новую Каледонию... Превосходное путешествие!.. Шесть тысяч лье!..

Крестьянин (растерянно). Ссылка!.. Новая Каледония!..

Матуйе (не слушая его). Видите, как все удачно складывается?.. У меня есть идеи, теории в области сельского хозяйства, но не было ни времени, ни случая, чтобы применить их на деле... вы не сильны в теории, зато вы практик... Вдвоем с вами мы сделаем чудеса...

Крестьянин (протестующе). Да я не хочу ехать в Новую Каледонию!

Матуйе. Вас туда отвезут. Послушайтесь меня, просите приговорить вас к ссылке... Ведь гораздо лучше обрабатывать плодородную, девственную почву, чем плести веревочные туфли в Центральной тюрьме... Подумайте сами: с одной стороны, относительная свобода, животельный труд, с другой — тюремная мастерская, принудительное молчание... производ надсмотрщиков.

Крестьянин. Говорят же вам, я ничего плохого не сделал...

Матуйе (серьезно). Вы отвлекаетесь от существа дела... Если у вас нет рекомендаций, а в качестве свидетеля—враг, вы несомненно будете осуждены... Вот я, например, чего только ни натворил. И все же боюсь, что меня оправдают благодаря помощи друзей; они станут свидетельствовать в мою пользу, считая, что оказывают мне услугу...

Крестьянин (отходя от Матуйе). Сдается мне, этот славный господин тронулся в уме... Ехать в Каледонию, пропади она пропадом! Пусть лучше меня убьют... Да и картошка уже зацвела..

(Во время этого разговора майор, капитан и офицер линейной пехоты в сопровождении писаря, с одной стороны, и несколько господ, одетых как буржуа, в сопровождении Ракателя, с другой, вошли во двор тюрьмы. Беседуя с ватмистром, они направились к небольшому зданию, целиком открытому взорам зрителей.)

Явление VII

В первом этаже здания всего одна большая комната, посреди которой стоит длинный стол с шестью стульями, два из них по его концам. На втором этаже—две комнаты поменьше. В первой из них—скамья, во второй, более просторной, круглый стол, покрытый красным сукном, чернильницы, перья, три стула и кресло. В углу диван, на небольшом камине дрянные часы; обе комнаты смежные, но двери между ними не видно, так как перегородка перпендикулярна сцене. В глубине дверь на лестницу, ведущую во двор, где нет заключен-

ных. Сперва на сцене один Постреленок, который убирает комнату первого этажа. Как уже было сказано, майор, капитан, лейтенант, писарь, шесть господ, одетых, как буржуа, и Ракатель направляются к упомянутому зданию. Ракатель несет под мышкой огромный портфель, набитый бумагами.

Постреленок (подметая пол). А, вот они, члены военно-полевого суда, да еще их друзья из сыска, заделавшиеся следователями. Рано припожаловали сегодня. Верно, работы много или предстоит важное дело... Ба, и этот прохвост Ракатель стоит вместе с ищейками! Мало ему того, что он был предателем при Коммуне. Вот негодяй, которому я с радостью плюнул бы в рожу... *(Продолжает подметать пол.)*

Майор (переодетым в штатское полицейским). Вы знаете своих подопечных господа. Возьмите одного или нескольких жандармов и обойдите с ними дворы и доки. Не торопитесь, хорошенько рассмотрите всех заключенных и постарайтесь отыскать кого-нибудь из своих старых, добрых знакомых. Фотографии с вами? Возможно, придется прибегнуть к ним.

Один из переодетых полицейских. Да, майор. *(Они удаляются в сопровождении трех жандармов, идут по дворам и докам, рассматривая исподтишка заключенных, советуясь между собой или разговаривая с жандармами.)*

Майор (еще более презрительно, чем по отношению к ищейкам, Ракателю). А вы пока что допросите нескольких заключенных; нечего сидеть сложа руки. Вы служили Коммуне и должны знать главарей движения, если увидите кого-нибудь из

них, пришлите его к нам. (В сопровождении капитана, лейтенанта и писца идет по лестнице на второй этаж. Сзади них два жандарма. Остальные жандармы и рассыльные остаются в первой комнате, офицеры и писцы садятся к столу под красным сукном во второй комнате. Ракатель входит в нижний зал и занимает стул во главе стола, лицом к публике.)

Ракатель (в то время как на втором этаже офицеры закуривают сигареты. Постреленку, которого он якобы не узнает). Убирайся отсюда, малыш, тебе здесь не место, когда заседает военнополовой суд...

Постреленок (насмешливо глядя на него). Да неужто суд — это вы, сударь? Ни в жисть бы не догадался. (Направляясь во двор и разговаривая сам с собой). На, получай, кавалья прохвост, предатель... Но хватит о Ракателе... теперь самое время заняться нашими делами, поищем-ка товарищей, папашу Бодуена и других... Может статья, они окончательно влипли, сами того не зная. Будем начеку и поможем им. Пораскинь пораскинь мозгами, Постреленок. (Выйдя во двор, он бродит повсюду в поисках своих друзей и досадует, не видя их.)

Ракатель. Ну и дела!.. Я пал ниже самого мелкого шпика, ведь я-то понимаю всю гнусность моих обязанностей... К тому же люди, которым я служу, презирают меня и постоянно дают мне это чувствовать. И все же надо остаться здесь до конца, если я желаю получить обещанное... С такими деньгами я увезу Адель за границу... мы переменим фамилию и... (Громко.) Жандармы, освободите (док № 1 и закройте его. Как обычно, вы будете отво-

дить обратно допрошенных по одному. А теперь оставьте сюда ко мне несколько человек. (Жандармы выходят, чтобы выполнить приказ. Док № 1 освобожден и заперт среди всеобщей суматохи, после чего два жандарма становятся у его двери. Другие жандармы собирают человек двенадцать заключенных и выстраивают их около здания суда; в кабинет к Ракателю их вводят по одному.) Ну и работа!.. А вдруг меня узнает кто-нибудь из допрашиваемых... Я сам не свой... Как тягостно бремя совершенной подлости, как мучит совесть после предательства. (Бросает взгляд на заключенных, которых жандармы собираются вести к нему.) Не вижу ни одного знакомого лица... Ну же, побольше апломба!.. (Дежурному жандарму.) Начнем, введите кого-нибудь одного.

Жандарм (давая тумака заключенному). Входи же! (Коммунар входит, ответив гневым взглядом на грубость жандарма.)

Ракатель (коммунару). Ваше имя, фамилия? Коммунар (всматриваясь в Ракателя). Припоминаю... офицер интендантской службы в форте Исси... (Вспылив.) Как это ты офицер-коммунар, очутился здесь?.. Значит, ты нас предал... И еще смеешь допрашивать меня! Мое имя, фамилия, возраст, профессия... к чему все эти вопросы?.. Я сражался по мере сил... и если бы пришлось начать сызнова, я боролся бы еще яростнее... Говорю это для твоего сведения... А что до тебя, то ты подлец и предатель... не знаю, как тебя зовут, но я прекрасно узнал тебя, не сомневайся...

Ракатель (пишет, опустив голову). Отправить в плавучую тюрьму, как обычно... (Подняв голову.) Введите второго...

Коммунар (подойдя, плюет ему в лицо). Получай, другого ты не заслужил! Ты стал офицером при Коммуне, чтобы вернее предать ее...

Ракатель (поспешно). Жандарм! Уведите... уведите его...

Жандарм (пока *Ракатель* вытирает лицо, коммунару) Он был офицером при Коммуне?.. (Во время этого краткого эпизода *Адель Шовело*, пройдя по пропуску в Сатори, направилась к зданию военно-полевого суда и бесцеремонно вошла в кабинет *Ракателя*.)

Явление VIII

Те же, на тех же местах, Адель Шовело.

Коммунар (отвечая жандарму). Да, он был офицером при Коммуне... вы сами видели, он не посмел отрицать. Позор для вас служить таким мерзавцам...

Адель Шовело (издали видевшая, как коммунар плюнул в *Ракателя* и как тот вытирает себе лицо). Ну и грязное у него дело!.. Право, он пал слишком низко даже для меня... я предпочла бы обычного шпиака... (Подходит к *Ракателю*)

Ракатель (заметив ее, удивленно). Ты, здесь?.. Что тебе надо?

Адель Шовело. Пришла предупредить тебя, чтобы не ждал меня сегодня вечером... Поеду с друзьями в Сен-Клу взглянуть на руины... вернусь не раньше завтрашнего дня.

Ракатель. Ты едешь взглянуть на руины... А с кем, позволь узнать?..

Адель Шовело. Я могла бы ответить, что тебя это не касается... но нет... к чему скрывать?! По-

езду нам оплачивает любовник Эрнестины... Он пригласил трех или четырех там и, конечно, с кавалерами, все они офицеры, очаровательные молодые люди...

Ракатель (возмущенно). И ты явилась сказать мне это?

Адель Шовело (всплыв, нахально). Что это? Сцена?.. Ну, знаешь, с меня довольно!.. Да и кроме того, твое ремесло мне претит... Меня уже называют любовницей шпиака... подстилкой предателя... Мне все это осточертело. Вот я и пришла...

Ракатель. Чтобы?..

Адель. Как, ты не догадываешься? Я пришла порвать с тобой... Так-то... Да и потом ты слишком глуп... Не за всякое дело можно браться. Будь у тебя хотя бы побольше денег.

Ракатель. Вечная твоя песенка... денег... денег...

Адель Шовело. Милый мой, в наше время без денег далеко не уедешь... А когда продаешь себя, так сама назначаешь цену и норовишь получить деньги вперед; вот и весь мой сказ...

Ракатель. Значит, между нами все кончено. Ты меня бросаешь?

Адель Шовело (поворачиваясь к нему спиной). Да,— и бегу, меня ждут.

Ракатель (всплыв, злобно). Ты не поедешь в Сен-Клу... Ах так, ты оскорбляешь меня в глаза за все, что для тебя сделал... за то, чем стал ради тебя... берегись!.. Я воспользуюсь тем положением, которое ты так презираешь... И прикажу тебя арестовать.

Адель Шовело. Это еще что?.. Знаешь... без глупостей... Ты с ума сошел?

Ракатель (жандармам). Арестовать эту женщину и отвести ее в док № 3. *(Жандармы хватают Адель Шовело.)*

Адель Шовело (испуская пронзительные крики). Подлец! Мерзавец! Коммунар!..

Майор (председатель военного суда). В чем дело? Что за шум? Что за крики?.. *(Капитану.)* Взгляните, что там происходит. Если этот Ракатель опять ввязался в какую-нибудь историю, приструньте его... а самое лучшее — вышвырните вон, пусть с ним разбираются в префектуре полиции. *(Капитан встает с места, спускается по лестнице и входит в кабинет Ракателя как раз в ту минуту, когда жандармы собираются увести Адель Шовело.)*

Адель Шовело (злобно показывая кулак Ракателю). Ты мне за это заплатишь, шпик проклятый!

Капитан (жандармам). Кто эта женщина?

Адель Шовело (с живостью). Капитан! *(указывая на Ракателя)*. Я была любовницей этого типа... Он приказал арестовать меня, потому что я хочу от него уйти!

Капитан. Это правда?.. *(Ракатель, которого он презрительно меряет взглядом, молчит. Строго.)* Превосходно, сударь. Вам мало семейных скандалов в таком месте, как военный суд! Из личной мелкой мести вы посмели злоупотреблять властью, которой вас наделили и притом совершенно напрасно... Вы уже давно на плохом счету, а теперь преступили все границы... Убирайтесь отсюда... Я подам рапорт в жандармское управление о том, что здесь произошло... Отправляйтесь в префектуру полиции, пусть там воспользуются вашими ус-

лугами, как найдут нужным, если только сумеют... *(Уоруженный Ракатель медленно уходит.)*

Ракатель (направляясь к воротам). Последняя капля... Адель права... я пал так низко, что и она меня оттолкнула!.. *(Выходит за ворота.)*

Капитан (Адель Шовело). Все в порядке, сударыня, вы свободны.

Адель Шовело (с кокетливой улыбкой). Благодарю, господин капитан. *(Поспешно идет к двери.)* Только бы друзья не уехали одни, без меня... и все из-за этого болвана!.. Ну и каналья!.. Если бы не капитан, меня тут же замели бы... *(Пока она удаляется и исчезает из глаз, капитан поднялся на второй этаж, а полицейские в штатском привели с обхода пятерых или шестерых инсургентов под охраной жандармов. В числе этих заключенных и капрал Питу. Полицейские в штатском — их шестеро — садятся по-трое за тот же стол. Каждая группа состоит из следователя и двух подчиненных ему писцов. Один из них заносит данные допроса на большие листы бумаги, другой — на специальные картонные карточки. Обе группы приступают к работе.)*

Один из следователей (жандарму). Подведите ко мне этого человека. *(Указывает на капрала Питу.)*

Жандарм (Питу). Ну, живее, к следователю.

Следователь (подошедшему к нему Питу). Не будем разводить канитель, тем более, что ваше дело ясно... объясню вам вскоре почему... *(Приступая к допросу.)* Ваше имя, фамилия, возраст, профессия, адрес?..

Капрал Питу. Меня зовут Шарль-Огюст Питу, мне тридцать пять лет, я сапожник и живу на

улице Кассет, № 38. *(Писцы записывают показания.)*

Следователь. Вы — бывший капрал? В каком батальоне служили?

Капрал Питу. В 221-м.

Следователь. Стреляли?

Капрал Питу (не колеблясь). Да, сударь.

Следователь (пристально смотря на него). Но вы не ограничились этим... нет... вы были одним из заядлых коммунаров... вы подожгли дом в квартале Красного Креста.

Капрал Питу. Ничего не понимаю... О чем вы?..

Следователь. Ладно, ладно... Я сам был там и прекрасно вас узнал... Вам устроят очную ставку с жителями дома, который вы подожгли... *(Пишет несколько слов на клочке бумаги.)* Жандарм, поднимитесь с заключенным на второй этаж и передайте эту записку майору. *(Жандарм повинуется; появившись с Питу на втором этаже, он оставляет его в прихожей, где находятся дежурные, передает записку майору и уходит.)*

Майор (прочитав записку). Хорошо, подождем свидетелей... *(Пока в зале нижнего этажа неслышно продолжается допрос, действие переносится в другое место — туда, где Постреленок нашел своих друзей.)*

Постреленок (по-прежнему рыская по двору).

Куда, черт возьми, они подевались?.. Испарились?..

Удрали?.. Но, сдается мне, папашу Бодуена так покалечили, что он далеко не убежит!.. *(Приближа-*

ется к дереву, у подножия которого по-прежнему лежат, спрятавшись, его друзья). Да где же они?..

Не померещилось же мне, я видел, как их пригнали,

голову готов прозакладывать, что это были

они... Какая-то куча булыжников... *(Подойдя вплотную к дереву и обнаружив своих друзей.)* Наконец-то, они! Застукал их. *(Перелезает через невысокую ограду.)* Ну и ну, друзья, хитрости в вас ни на грош, но прятаться вы горазды, никак вас не отыщешь...

Брийа и Бодуен (приподнимаясь и давая ему место). Постреленок! Мальчик! Ты здесь...

Постреленок. Да, здесь... и задержался в Сатори только потому, что вас ждал... Иначе давно бы улетучился... но теперь я вас нашел и надо надеяться, что сегодня вечером мы всем скопом унесем отсюда ноги... Однако, все по порядку... Во-первых, мамзель Жанна здесь...

Бодуен. Здесь?!

Постреленок. Да, здесь... и не только она...

Брийа. А мы-то думали, что Жанна в Сен-Лазаре.

Постреленок. Нет, она здесь, в доке № 3, вон за той двойной загородкой... Правда, уже два дня поговаривают о том, чтобы перевести женщин в тюрьму Шантье¹²¹... Но я узнал от верных людей, что тамошние железнодорожные склады еще не в порядке и не могут принять заключенных... Во-вторых, разнося воду этим дамам, я сообщил мамзель Жанне о том, что вы здесь... Она была очень рада, так как опасалась, что вас расстреляли... эта мысль мучила ее, прямо-таки убивала...

Бодуен. Как, ты уже успел предупредить Жанну?..

Брийа. Ты что ж, свободно тут разгуливаешь?

Постреленок. Совершенно свободно. *(Выпрямляясь с комической важностью.)* И это благодаря высокому положению, которое я занимаю у господ жандармов...

Бодуен. У жандармов?! *(Строго.)* Ты шутишь? *Постреленок* *(не смущаясь и сохраняя свою забавную важность).* Полно, не горячитесь, папаша Бодуен... *(Гордо.)* Мое положение у господ жандармов не таково, чтобы я чистил им сапоги... Не бойтесь. ей-богу!.. Я беру их на пушку, втираю очки этим простофилям, морочу им голову... И это делаю я, ученик-типограф... *(С достоинством.)* Ну как, есть у меня смекалка?.. Знаю, не слишком похвально улащать их, гладить по шерстке, как это делаю я... но ведь я еще мальчишка, не дорос до прекрасных чувств, да и приврать мастак. Зато и здесь почти что при должности, и в некотором роде я власть. Мне доверяют, я свободно расхожусь повсюду, читаю газеты и останусь в Сатори столько, сколько пожелаю, но мне взбрело на ум дать деру сегодня вечером; и вы дадите деру вместе со мной... вас-го я и поджидаю, чтобы смыться. Я играю здесь роль Мальчика с пальчика, стаскивающего сапоги с Людоеда Людосед — это жандармы, сапоги — это пара ключей... словом, вы увидите... только Людосед не спит, как в сказке, и у него много голов, а отрубить их все невозможно...

Брийа *(смеясь).* Ты прирожденный дипломат, Постреленок, и я предсказываю, что из тебя выйдет великий политик.

Постреленок. Не знаю, начальник... Но одно ясно: таких шельмецов, как я, поискать... А эти славные жандармы даже не подозревают об этом Честное слово, и сам не думал, что я такой проныра.

Жандармы *(столпившись у ворот, которые ожидают посетители с пропуском в руке).* Пьер Бодуен! Пьер Бодуен!.. *(Этот крик повторяют жан-*

дармы во дворе, караулящие заключенных.) Пьер Бодуен! Пьер Бодуен!

Пьер Бодуен *(приподнимаясь).* Как будто меня...

Постреленок *(с живостью)* Тсс... папаша Бодуен!.. Не горячитесь, особенно теперь... Притворитесь-ка слепым и глухим, пока я не разнюхаю, в чем дело... Бывает, вызовут вот так заключенных... Они откликнутся, их уведут, и больше никто уж их не увидит... И не узнают, где они, что с ними стало... Я почти уверен, что их расстреливают... Кстати, послушайтесь меня, если станут вызывать офицеров или других более или менее видных глав дурей Коммуны или Комитетов, спрячьтесь в свою дыру, не показывайтесь... Так-то оно спокойнее... а теперь дайте мне взглянуть. *(Смотрит в сторону ворот.)* Провалиться мне на этом месте, ведь это Дюран, он к вам пришел, папаша Бодуен... У него бумага в руке, видно, пропуск из жандармского управления.. Смело идите, опасности нет. *(Крики. «Пьер Бодуен! Пьер Бодуен!»).*

Пьер Бодуен *(выходя из своего закутка).* Пьер Бодуен — это я...

Жандарм *(стоящий на часах во дворе).* Чтоб вам пусто было! Оглохли что ли?.. Сколько уж времени вас кличут... Бегите к воротам, к вам пришли... *(Бодуен спешит, насколько позволяет раненая нога.)*

Постреленок *(участливо).* Бедный старик!.. Где это его так сделали?..

Кермадек. При защите мэрии шестого округа... Он был там с нами... Но ничего, рана заживет... *(Бодуен приближается к Дюрану, который, заметив его, делает несколько шагов ему навстречу.)*

Те же, на тех же местах, папаша Дюран.

Дюран (обнимая Бодуена). Мой бедный друг!.. *Жандарм (как бы охраняющий Дюрана).* Потопитесь, у вас в запасе всего четверть часа. *(Дюран и Бодуен идут к рампе, вдоль стены сторожевого поста под взглядом жандарма, который, одна-ко, не слышит их слов из-за дальности расстояния.)*

Бодуен. Зачем вы пришли сюда?.. Это же риск, вас могут арестовать... Быть нашим другом опасно.

Дюран. Вот в чем дело... сегодня вы предстанете перед военно-полевым судом... Я составил петицию о смягчении вашей участи и собрал подписи в нашем квартале. Но некоторые важные персоны отказались подписаться из-за истории с Банком... из-за вашего приказа, попавшего в руки версальцев... *Бодуен.* Ну и что?

Дюран. Но ведь это я заставил вас подписать приказ... И должен отвечать... Я отдамся в руки полиции... скажу, что один виновен... сличат почерки... *Бодуен (улыбаясь).* А потом?..

Дюран. Потом... меня приговорят к смерти... Вас же только сошлют в Новую Каледонию... А оттуда возвращаются...

Бодуен (дружески пожимая руку Дюрану, сердечно). Спасибо, Дюран. То, что вы хотите сделать, хорошо, благородно, но я это запрещаю...

Дюран (удивленно). Почему?..

Бодуен. Да потому, что такая жертва ни к чему... Меня все равно приговорят к смерти... Кроме того, идея об изъятии банковских ценностей должна была прийти в голову мне как одному из руководителей восстания... Я претендую на эту честь...

Дюран. Но это же безумие... Уверю вас, петиция может вам помочь, если обвинение в захвате Банка будет снято...

Бодуен. От петиции я тоже отказываюсь... Мне не нужно милости от этих людей... Я выполнил свой долг... так пусть же моя кровь прольется в Сатори... это мое твердое решение... я стар...

Дюран. Я старше вас...

Бодуен. Вы — другое дело... Живите... сохраните свободу, чтобы засвидетельствовать то, что произошло!.. Вы скажете, что люди, которых называли коммунарами-убийцами, были лучше, чем о них говорили. Вы обязаны сделать это во имя революции, Дюран, и я, умирая, приказываю вам...

Дюран. Но...

Бодуен. Я завещаю вам еще и другое. Жанну — она здесь, в Сатори — не приговорят к смерти, они не посмеют ее расстрелять... Вам придется позаботиться о ней, о Постреленке тоже, он славный мальчик... Обещаете?..

Дюран (уверенно). Обещаю.

Жандарм (приближаясь). Время истекло...

Бодуен. Мы кончили... Итак, прощайте, Дюран! *(Они сжимают друг друга в объятиях. В эту минуту крики: «Пьер Бодуен! Кермадек! Брийа! Бодуен! Кермадек!» доносятся со стороны ворот.)*

Бодуен (жандарму). Пьер Бодуен — это я!..

Жандарм (обращаясь к тем, кто вызывает заключенных). Пьер Бодуен здесь!..

Голос (из толпы жандармов, властно). Он должен предстать перед военно-полевым судом, отведите его.

Бодуен (в последний раз пожимая руку Дюрану). Прощайте, мой добрый старый друг. Я так и знал... Позаботьтесь о моей племяннице... о Жанне!..

5-е действие — «РЕАКЦИЯ»

11-я картина — «ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ СУД И ПОБЕГ»

Действующие лица:

Пьер Бодуен

Жак Брийа

Кермадек

Капрал Питу

Бонналь

Дюбрэ-Флошен

Жанна Бодуен

Г-жа де Вернэ

Офицеры и писари военно-полевого суда

*Женщина из народа с дочерью (жена и дочь кап-
рала Питу)*

*Дама и ее дочка (те самые, что жили в доме,
сгоревшем у перекрестка Красного Креста)*

Жандармы, солдаты, пленные коммунары.

Снова Сатори. Вечер того дня когда произошли события предыдущей картины. Та же декорация, но несколько измененная. Наступила ночь. Слева от зрителей внутренний угол двух стен тюрьмы. В этом углу столб с зажженным фонарем. За стеной солдаты и жандармы у митральезы, установленной так же, как в 10-ой картине. Не видно ни ворот, ни сторожевого поста, ни дворов. Зрители как бы подошли к докам с левой стороны. Справа

от них, всего в одном метре от рампы, половина дока № 1 и небольшая часть двора. Прямо перед зрителями, в трех метрах от рампы, здание канцелярии и военно-полевого суда, но оно втрое больше, чем в предыдущей картине.

При поднятии занавеса заключенные лежат вповалку на соломе в доке и возле стен в проходе между доком и зданием суда. Канцелярия первого этажа превращена в жандармский пост. Во втором этаже три комнаты: слева пост дежурных, охраняющих заключенных,— Бодуена, Брийа, Кермадека, Питу и нескольких других. Посредине — зал военно-полевого суда; офицеры там курят и читают газеты, рядом с ними поднос, уставленный бутылками и стаканами; справа третья комната — для свидетелей и посетителей. При поднятии занавеса в ней никого нет, кроме дежурного, стоящего на часах у двери в смежный с нею судебный зал. В задней стене свидетельской комнаты и судебного зала — двери, пробитые наскоро для служебных нужд; двери некрашенные, недавно оштукатуренные. Повсюду часовые и жандармы в длинных плащах с капюшоном. Сцена освещена, но ее правый угол возле рампы погружен во мрак.

Явление I

Майор, капитан, лейтенант-секретарь и писарь, образующие состав военно-полевого суда, ожидают, как указано выше, в центральном зале. В первой комнате, достаточно обширной, чтобы разместить в ней двадцать заключенных, сваленных в кучу охапки соломы; на скамье мрачные, но решительные сидят Бодуен, Брийа, Кермадек и Питу и

по временам тихо переговариваются; их сторожат двое жандармов: один стоит у двери в судебный зал, второй у двери на лестницу, ведущую во двор. В комнате справа жандарм на часах. В нижнем этаже здания человек тридцать жандармов, некоторые из них играют в карты и пьют за столом, который обычно служит для допроса. Ясная ночь.

Майор (вынимая часы). Уже девять... Неужто полковник опять запоздает, как сегодня днем?

Капитан. Задержался, верно, в жандармском управлении...

Майор. Вполне возможно. Но незачем было понапрасну беспокоить людей. Что там ни говори, а все национальные гвардейцы, от солдата до полковника, как-то странно относятся к своим обязанностям... *(Пожимает плечами)*

Капитан. Полковник Бонналь — человек на редкость храбрый... Я не раз видел его в деле...

Майор (запальчиво). Очень храбрый... да, черт подери! Перед лицом противника все мы храбры. А здесь, как председатель суда, он тряпка... болтает только о строгости и справедливости. Словом, у него нет политического чутья... *(Веско)* В политике — горе побежденным... Ничего иного я не признаю. Проявить жалость значит подготовить завтрашнее поражение... Между нами говоря, Коммуна была побеждена из-за своей философии, из-за своего гуманизма. Она играла в террор, но, зная об ее добросердечии, люди смеялись над ее декретами. Если бы Коммуна на самом деле терроризировала Париж, если бы поменьше разглагольствовала и побольше действовала, все обернулось бы

Звучит. *(Слышится звук двери, открываемой в глубине комнаты)* Входит полковник Бонналь, мрачный, озабоченный, в обычном мундире полковника национальной гвардии.)

Явление II

Те же и полковник Бонналь.

Бонналь. Добрый вечер, господа. Не вставайте, пожалуйста. *(Пожимает руку трем офицерам, затем садится, сняв перчатки, в оставшееся незанятым председательское кресло. Направо от него майор, налево — капитан, а рядом с этим последним лейтенант-секретарь суда и писарь. Члены суда сидят справа, боком к залу, секретарь суда и писарь — лицом к залу, обвиняемые и свидетели, которых вызовут в суд, встанут слева, лицом к председателю и боком к залу... Бонналь, продолжая говорить, кладет на стол бумаги и прямо перед собой раскрытую записную книжку.)* Я не мог приехать днем, задержался в жандармском управлении. Стоит заглянуть в вороха документов и бумаг и тут же увязнешь в них... Получен ли список лиц, которые предстанут сегодня перед судом?

Дейтенант-секретарь суда. Да, полковник, все здесь — список, документы, досье... *(Берет со стола из пачки бумаг, лежащих перед писарем, отдельный листок и передает его Бонналю.)* Вот список, полковник, здесь четыре дела... Два из них очень серьезные...

Бонналь (читая листок). Покончить по возможности сегодня вечером с четырьмя делами — Кермадека, Питу, Бодуена... *(Хмурясь, с неудовольствием)* и Бриёна... *(Сдерживая явное волнение.)*

Опять этот... Брийа!.. (Секретарю.) Все четверо на месте?

Секретарь. Да, полковник. Их перевели в особое помещение, как только поступил из жандармского управления приказ о предании их суду. Теперь все четверо ожидают здесь, рядом, и под строгой охраной.

Бонналь. Превосходно! Дайте мне дело Кермадека... (Секретарь передает ему досье, и Бонналь перелистывает его.) Солдат, перешедший на сторону врага, занимал командные посты в бандах оставших...

Майор. Ну, его дело ясно...

Капитан. Тем более, что он обвиняется как один из соучастников убийства генералов Леконта и Клемана Томá.

Бонналь. Посмотрим... (Писарю). Прикажете ввести подсудимого Кермадека.

Писарь (открывая левую дверь, кричит). Кермадек!

Кермадек (из помещения для подсудимых) Здесь! (Вскакивает, входит в судебный зал, с достоинством встает навтыжку перед полковником.)

Бонналь (Кермадеку). Ваше имя Жан-Мари Кермадек, вы бывший старший сержант 88-го пехотного полка и от роду вам двадцать шесть лет?

Кермадек. Так точно, полковник.

Бонналь (просматривая дело). Вы обвиняетесь, во-первых, в том, что дезертировали перед лицом врага; во-вторых, что приняли участие в убийстве генералов Клемана Томá и Леконта; в-третьих, что командовали вооруженными бандами; в-четвертых, что производили поджоги и грабежи.

Кермадек (иронически улыбаясь). И это вы су-

дите меня? Я арестовал вас 18 марта, я сражался с вами у Красного Креста, и теперь, когда я в ваших руках, вы же меня и обвиняете! Ну, это уж слишком!.. Расстреливайте, раз я виновен в том, что побежден, но нечего лгать, взваливая на меня вымышленные преступления... А если я и дезертировал, то сделал это из-за предательства командиров... До капитуляции Парижа я всегда выполнял свой долг. Недаром меня дважды отмечали в приказах по армии.

Бонналь. Не перекладывайте свою вину на начальников, этим вы только ухудшаете свое положение.

Кермадек (с горьким смехом). Мое положение? Ради бога, полковник, бросьте ломать комедию, она позорит нас обоих, а вас еще больше, чем меня... Вы обвиняете меня, но какое преступление я совершил? Да только то, что не забыл о пароде, к которому принадлежу, и принял его сторону против врагов... Это карается смертью, да? Ладно, согласен... убейте меня и дело с концом... Не стоит зря тратить время и болтать попусту...

Бонналь. Ваши преступления подпадают под действие таких статей, как...

Кермадек. Ладно, ладно... знаю, я угодил в Сатори и годен для расстрела... Приходите взглянуть, если желаете, как я буду умирать. А через несколько лет, когда и вас поставят к стенке, вспомните обо мне и постарайтесь не струсить перед взводом солдат, как не струсил Жан-Мари Кермадек. Вот и все, что я хотел сказать...

Бонналь (жандарму, приведшему Кермадека). Уведите подсудимого и давите сюда капрала Питу. (Жандарм выполняет приказание. Бонналь, об-

рающаяся к писарю.) Свидетели по этому делу на конец явились. По дороге сюда я видел их в зале ожидания. Велите препроводить их наверх. Пусть будут у нас под рукой. (Писарь отворяет дверь за спиной у полковника и вполголоса передает приказ жандарму, ожидающему в комнате свидетелей. Жандарм скрывается за дверью в глубине этой комнаты.)

Явление III

Те же без жандарма, дежурящего в комнате свидетелей.

Бонналь (просматривая досье Питу, к остальным членам суда). Очень странное дело... Не знаю, кто расследовал его в жандармском управлении, но расследование проведено с искусством настоящего сыщика. (В это время капрал Питу проходит под охраной жандарма из помещения для подсудимых в судебный зал и предстает перед полковником.) Капрал Питу, поскольку вы признали себя виновным почти по всем пунктам обвинения, я задам вам лишь один вопрос. Скажите, это вы подожгли дом у перекрестка Красного Креста, когда ваш отряд держал оборону в шестом округе?

Капрал Питу. Никак нет, полковник.

Бонналь. И во время пожара это вы вытащили из огня маленькую девочку?..

Капрал Питу. Не понимаю, о чем вы говорите, полковник...

Бонналь. Хорошо, можете идти. Вскоре вас опять вызовут. (Жандарм уводит капрала Питу. В ту же минуту возвращается другой жандарм и

вводит свидетелей в назначенную для них комнату; среди свидетелей буржуазная дама с девочкой — обе они богато одеты, — гражданки Питу, жена и дочь подсудимого, одетые как бедные горожанки, и наконец, г-н Дюбрэ-Флошен и г-жа де Вернэ.)

Явление IV

*Те же, г-жа*** с девочкой, г-жа Питу с дочерью, г-жа де Вернэ, Дюбрэ-Флошен.*

Бонналь (писарю). Взгляните, здесь ли наконец свидетели по делу Питу. (Писарь открывает дверь в комнату свидетелей, что-то говорит дежурному жандарму и приглашает войти г-жу*** с девочкой. Бонналь свидетельнице.) Вас вызвали, сударыня, как свидетельницу события, о котором вы, конечно, не забыли. Ведь вы едва не потеряли дочь во время пожара, когда был подожжен ваш дом у перекрестка Красного Креста.

Дам а. Страшно вспомнить об этом, сударь. Если бы не храбрец, который с риском для жизни спас мою дочку Луизу, она погибла бы... а между тем этот человек — федерат...

Бонналь. Не тот ли это капрал, что был одним из поджигателей дома?

Дам а. Да, сударь, как это ни странно... Федераты считали, что это их долг...

Бонналь. Скажите, вы узнали бы этого человека?

Дам а (после минутного раздумья). Вряд ли... В этой суматохе я совсем потеряла голову. Припоминаю закопченное лицо, обгоревшую бороду — этот превосходный человек едва не погиб, сударь, — да

еще грубый голос, сказавший мне: «Вот она, возьмите свою девчурку!».

Девочка. А я, мама, хорошо помню черного человека, который завернул меня в одеяло... Я его сразу узнаю... Как бы мне хотелось увидеть его, поцеловать...

Бонналь (отдает шепотом какой-то приказ писарю, тот встает и передает этот приказ жандарму из помещения для подсудимых. Вскоре жандарм вводит в зал заседания человек десять и среди них Бодуена, Брийа, Кермадека и Питу. Бонналь девочке.) Взгляни на этих людей, крошка, знаешь ли ты кого-нибудь из них?

Девочка (ищет глазами знакомое лицо и наконец радостно бросается на шею Питу). Вот кто спас меня!.. Он завернул меня в одеяло и вынес из огня. Да, это он, не делайте ему зла, господин офицер, отпустите его с нами...

Бонналь (обращаясь к Питу). Вы все еще будете отрицать?

Капрал Питу. Нет, признаюсь! (Целует девочку.) Бедный ангелочек, ты погубила меня... Теперь мне не миновать смертного приговора. И однако, если бы я дал тебе гореть... (Растроганно.) Но ведь у меня у самого есть жена и дочь! (Выходит. По знаку Бонналя жандармы уводят обратно остальных коммунаров.)

Бонналь (даме). Вы свободны, сударыня! Правосудно известно все, что оно желало знать. (Опечаленная дама удаляется со своей дочерью. Она проходит через комнату свидетелей и скрывается за дверью в глубине ее.)

Бонналь (беря папку из рук писаря, громко, повелительно). Введите Пьера Бодуена. (Пьер Бодуен проходит из комнаты для подсудимых в зал заседания суда; Бонналь, не глядя на Бодуена, просматривает его досье.) Ваше имя, фамилия, возраст и профессия?

Пьер Бодуен. Надо полагать, я вправе спросить у вас, сударь, зачем и для чего все эти вопросы?.. Взгляните на меня внимательно: 29 мая ¹²² этого года мы сражались, помнится, друг против друга, вы — во главе версальских войск, посланных в шестой округ и к мэрии Сен-Сюльпис, я — как командир федератов, защищавших этот район. Неужели, по-вашему, победитель вправе судить побежденного, превращая суд в орудие своей ненависти, злопамятства, низменных страстей? Если это так, мне больше нечего сказать. В конце концов, вы или другой — не все ли равно?.. Я вижу, что осужден заранее, знаю, какая участь меня ожидает... если вы не против, давайте скорее покончим со всеми формальностями. Что вам угодно знать? В первую очередь, что я делал?.. Будь суд настоящий, вам полалалось бы предъявлять обвинения, а мне защищаться; вы должны были бы привести факты, обличающие меня...

Бонналь. Это нетрудно, и мы это сделаем... будьте покойны... Что касается ваших слов о некомпетентности суда, то это право — как бы вы его ни оспаривали — дано нам осадным положением ¹²³ и его законами; не мы приняли эти законы, не мы

провозгласили осадное положение... оно было введено с первых же дней осады Парижа, вам это так же хорошо известно, как и мне... А теперь не угодно ли вам отвечать на заданные вопросы?

Бодуен (холодно). Охотно, только бы скорее закончить со всем этим. Мое имя — Пьер Бодуен, мне пятьдесят три года, по профессии я рабочий, кузнец. Впрочем, вы прекрасно меня знаете: мы встречались с вами не раз, в частности, Четвертого сентября на площади Ратуши. Я еще припомнил вам тогда убийство моего брата: в 1848 году вы расстреляли без суда и следствия этого несчастного калеку, а он за всю свою жизнь даже в руки не брал ружья. Но так бывает всегда: убийцами именуют тех, кого убивают... Кроме того, у меня предосудительное прошлое: я участник июньской революции 1848 года; я командовал инсургентами, защищавшими баррикады в предместье Сент-Антуан, после чего отбыл шесть лет ссылки в Африке... А что касается революции 18 марта, она была вызвана самим правительством, которое давно стремилось разоружить национальную гвардию, чтобы лишить гвардейцев жалования и работы до того, как деловая жизнь снова войдет в свою колею. Должен признать, что в этих условиях революция была неизбежна, и я стал одним из ее организаторов в качестве делегата своего округа и члена Центрального комитета. Я не принимал непосредственного участия в казни генералов Клемана Томá и Леконта, но безоговорочно высказался за эту казнь, ибо с самого начала движения она связала его участников общностью содеянного, а иных его руководителей — я не питал к ним слепого доверия — лишила возможности идти на попятную. Кроме того, я

носил военную форму, участвовал в боях и занимал высшие командные посты в «вооруженных бандах», как вы их называете; если вам угодно, я несу также ответственность за расхищение с оружием в руках или иным способом складов и арсеналов, но ведь они принадлежали не государству, в вашем понимании этого слова, а нации, как понимаем ее мы; я прибегал к реквизициям всякий раз, как того требовали интересы дела, которое я защищал. *(Бодуен умолкает, устремив взгляд на Бонналя и показывая всем своим видом, что готов отвечать на вопросы.)*

Бонналь (холодно). Превосходно, Пьер Бодуен, вы человек прямой, и я не ждал от вас ничего иного... Своими признаниями вы избавили нас от тягостных, нудных вопросов, в которых мы только бы путались. Но в своих показаниях вы касались лишь общих фактов, а их можно поставить в вину всем без исключения главарям восстания... Однако под давлением обстоятельств, вы решились в последнюю неделю существования Коммуны, видя, что ее гибель близка и борьба стала отчаянной, вы решились, повторяю, отдать ради нужд обороны некие приказы, принять неслыханные меры и, быть может, жалуете об этом сегодня, когда немного успокоились. Этим вашим приказам, этим мерам нет оправдания, их можно объяснить разве только крайней степенью возбужденности. Бывают ведь безвыходные положения, минуты столь тяжелые, что люди, самые честные, самые энергичные теряют голову и думают только об одном — подороже продать свою жизнь.

Бодуен. Прошу вас, сударь, будьте более откровенны и, главное, сохраняйте достоинство. Неза-

чем выдвигать смягчающие мою вину обстоятельства; выскажитесь, пожалуйста, начистоту. Объясните, на что намекаете... и я отвечу.

Бонналь. Над вами тяготеют обвинения, гораздо более тяжкие, чем те, о которых шла речь. Прежде всего вы отдали некоторым батальонам письменный приказ захватить Французский банк и, водворившись там, скорее пойти на уничтожение всех ценных бумаг, чем на их возврат законному владельцу; далее, в целях защиты шестого округа и задержки продвижения наших войск вы отдали и подписали приказ об эвакуации военного госпиталя из Люксембургского дворца, чтобы в случае необходимости взорвать то здание, в котором он был размещен; наконец в тот же день, 24 мая, вы отдали и подписали приказ заминировать несколько парижских мостов, в частности, Аустерлицский мост, и уничтожить их, дабы перерезать коммуникации наших войск. Вы требовали откровенности, взгляните сюда... *(Достает из папки три бумаги и, развернув их, указывает Бодуэну на подпись.)* Вот приказы, подписанные вами. Признаете ли вы свою подпись?

Бодуен *(бросает беглый взгляд на документы)*. Да, я подписал эти документы и не только подписал, но и составил. Впрочем, будь эти приказы отданы вовремя и, главное, точно выполнены, меня не было бы здесь, да и вас, вероятно, тоже. Большого ведь и не требовалось, чтобы вызвать панику в ваших войсках и заставить их поспешно отступить.

Бонналь. Превосходно. Мы заслушали ваши показания, и суд вынесет решение. Можете идти. *(Жандарму.)* Уведите этого человека и доставьте

сюда подсудимого по имени Брийа. *(Бодуен уходит в сопровождении жандарма в помещение для заключенных. В ту же минуту жандарм, дежурящий в комнате свидетелей, подходит к Бонналю с письмом в руке. Это то самое письмо, которое г-жа де Вернэ ранее писала, советуясь с Дюбрэ-Флошом, в комнате для свидетелей.)*

Жандарм *(Бонналю)*. Это письмо, господин полковник, просили вам срочно передать дама с господином; они уже полчаса ожидают в комнате свидетелей.

Бонналь *(беря письмо)*. Это еще что? Даже здесь меня не оставляют в покое! Дел у меня и так сверх головы! Почему, черт возьми, жандармское управление не может подождать, когда заключенных начнут судить создаваемые им Военные суды и Смешанные комиссии¹²⁴? *(С досадой распечатывает письмо и внимательно читает его, всем своим видом выражая недоумение; чувствует, что он сильно взволнован. дочитав письмо, обращается к офицерам, членам суда.)* Мы немало поработали сегодня вечером, господа. Покончили с тремя важными делами — этого вполне достаточно для одного заседания, тем более, что очень важное и не терпящее отлагательства дело ждет меня в соседней комнате. Но прежде чем мы разойдемся, благоволите высказаться по трем рассмотренным нами делам. Сначала дело старшего сержанта Кермадека. Капитан, ваше мнение?

Капитан. Двух мнений быть не может. Переход на сторону врага и прочие преступления вполне доказаны. Кроме того, подсудимый во всем сознался и не проявил ни малейшего раскаяния. Этот человек заслуживает смертной казни.

Бонналь. А вы, майор, согласны с этим приговором?

Майор. Да, согласен... Военный кодекс не допускает иного толкования... Смерть.

Бонналь. Пусть так. (*Секретарю суда.*) Прикажете составить приговор со ссылкой на статьи Военного и Уголовного кодексов. И сегодня же вечером сообщите приговор обвиняемому. (*Обращаясь к майору и капитану.*) Перейдем к делу Питу. Ваша точка зрения, капитан?

Капитан. Речь идет о поджоге жилых домов... Долг всякого офицера, пекущегося о чести французской армии, быть непреклонным в отношении Питу и Пьера Бодуена, который остался таким же, как в 1848 году, да еще чуть ли не угрожающе разговаривал с нами... Я высказываюсь за смертный приговор в обоих случаях. (*Вынимает сигарету.*)

Бонналь. А вы, что скажете, майор?

Майор. Смертный приговор в обоих случаях... Замечу, однако, что если бы смягчающие обстоятельства принимались во внимание военным судом, я охотно сослался бы на них в деле капрала Питу. Прежде всего, он не занимал командных постов в вооруженных бандх, а лишь выполнял приказы своих начальников... Затем с риском для жизни спас девочку... Да и по совести говоря, можно было бы не привлекать ребенка в качестве свидетеля на процессе.

Бонналь. Этого потребовало жандармское управление на основании доклада следователей. Но я согласен с вами... Питу и Бодуен заслуживают смертной казни, однако к первому применимы смягчающие его вину обстоятельства. Поэтому, ес-

ли капитан изменит свое решение, мы дадим обычный ход делу капрала Питу, и он предстанет в свое время перед военным судом.

Капитан. Хорошо, дадим обычный ход делу Питу в отличие от двух других дел. Я вовсе не жажду крови этого бедного малого...

Бонналь (*секретарю суда*). Вы слышали? Бланки у вас имеются, вынесены два смертных приговора. Оформите их. Можете дать незаполненные бланки на подпись этим господам, не стоит задерживать их... Приговоры будут приведены в исполнение завтра на заре, в четыре часа утра... (*Протягивает руку майору, затем капитану.*) Итак, до свиданья, господа, встретимся здесь завтра в час дня... (*Пожав руку обоим офицерам, тотчас же проходит в комнату свидетелей, где его ждут сестра и Дюбрэ-Флошен; сердечно поздоровавшись с ними, он вступает с обоими в тихий дружеский разговор. В углу зала стоят всеми позабытые жена и дочь Питу и молча наблюдают за Бонналем.*)

Майор (*секретарю суда*). Полковник прав... Скоро одиннадцать... Пора и по домам. Дайте нам бланки, мы их подпишем, а затем вы прикажете их заполнить... Как вы полагаете, капитан?

Капитан. Согласен и даже с величайшим удовольствием, майор. Под конец здесь становится невмоготу. (*Секретарь вручает обоим бланки, которые они подписывают, передавая их друг другу, затем направляются в глубину зала и скрываются за дверью.*)

Явление VI

Те же без майора и капитана, членов военно-полевого суда. Пока оба офицера подписывали бланки, разговор между Бонналем, его сестрой и Дюбрэ-Флошеном перешел в ожесточенный спор. Все трое повысили голос, можно подумать, что еще немного и они поссорятся.

Бонналь (понижив голос, сестре). Ты виновата в том, что я вышел из себя... Трудно сохранять хладнокровие, когда ты говоришь такие вещи. Будь осторожнее... в соседней комнате есть люди. (Делая вид, будто он только что заметил гражданского Питу.) Что за женщины? Почему они здесь? (Подходит к жене и дочери Питу.) Как вы сюда попали? (Жандарму.) Кто пустил их? Разве это свидетельницы?

Г-жа Пигу. Мы не свидетельницы. Нам позволили подняться сюда, наверх — у нас есть пропуск из жандармского управления... Мне разрешено свидание с мужем... А эта девушка — моя дочь (со слезами в голосе) и дочь несчастного человека. Мы, может быть, и увидим-то его в последний раз.

Бонналь. Вы хотите повидать мужа, сударыня, в такой поздний час?

Г-жа Питу. Нам разрешили свидание. Ведь этой ночью он должен предстать перед военно-полевым судом... Его могут приговорить к смерти. Так нам сказали в жандармском управлении...

Бонналь. Как зовут вашего мужа?

Г-жа Питу. Питу, сударь. В толк не возьму, сударь, как можно приговорить к смерти такого

хорошего работника, такого честного человека... дека...

Бонналь. Сегодня он не будет приговорен к смерти... В свое время дело Питу будет рассмотрено обычным военным судом. А завтра вашего мужа переведут в тюрьму Оранжерии¹²³... Но раз вы пришли сюда на свидание, я не отошлю вас ни с чем... Предъявите пропуск! (Г-жа Питу передает ему сложенную вчетверо бумагу, Бонналь пробегает ее глазами и обращается к дежурному.) Жандарм, приведите этих женщин в помещение для подсудимых и вызовите человека по имени Питу... Им разрешается побеседовать с ним четверть часа... По окончании свидания вы выведете этих дам через судебный зал; затем с помощью ваших товарищей снова препроводите в доки Питу и тех заключенных, которые еще ожидают суда. В помещении для подсудимых должны остаться лишь трое — Кермадек, Пьер Бодуен и Брийа. Запомните эти имена, а лучше всего попросите писаря записать их для вас, чтобы не вышло путаницы. Когда заключенные будут водворены в доки, приведите сюда из женской тюрьмы девушку по имени Жанна Бодуен... Ее дядю расстреляют на заре, пусть повидает его перед... Ступайте! (Гражданкам Питу.) Следуйте за жандармом, он проведет вас к тому, кого вы желаете видеть. (Вернувшись к сестре и Дюбрэ-Флошену, тихо продолжает с ними прерванный разговор; из зрительного зала видны только их жесты. Тем временем жандарм, сопровождавший гражданского Питу, проходит через судебный зал, где писарь все еще пишет под диктовку секретаря, в помещение для подсудимых, куда и переносится действие пьесы.)

Жандарм (вызывая). Питу!

Питу (торопливо встает со скамьи в глубине сцены, где он сидел мрачный, сосредоточенный рядом с Кермадеком). Здесь!

Жандарм. Привел к вам жену и дочь. Вам дается четверть часа для разговора с ними. (Питу подбегает к рампе, где остановились его близкие. Жандарм, обращаясь к другим дежурным.) Полковник приказал отвести в доки или во двор всех заключенных, кроме Кермадека, Бодуена и Брийа. Судебные дела на сегодня закончены! (Все заключенные, кроме тех, кого назвал жандарм, с явной поспешностью вскакивают с места и спускаются по лестнице... Видно, как в темноте они пробираются в доки и укладываются спать, сопровождавшие их жандармы возвращаются на сторожевой пост в нижнем этаже, а дежурный в помещении для подсудимых садится на стул около двери)

Питу (жене и дочери). Это вы, вы, мои любимые! Бедная жена! Дорогая моя девочка! (Снова целует дочь).

Г-жа Питу. Из-за чего ты так огорчаешься?

Питу. Все кончено, я погиб... ребенок узнал меня.

Г-жа Питу. Какой ребенок?

Питу. Девочка, которую я вытащил из огня.. Она бросилась мне на шею.... Моя личность установлена, и меня, конечно, расстреляют.

Г-жа Питу. Да нет же... Правда, мне так сказали в жандармском управлении, но мы только что видели офицера,— всего как есть покрытого галюнами,— и он говорит другое... Он сказал, что завтра тебя переведут в Оранжерии, и твое дело решит военный суд, но позднее... Спроси у Селины, она тоже слышала это своими ушами.

Селина Питу. Да, папа... Он так сказал... успокойся.

Жандарм (подходя к семейству Питу). Четверть часа истекло, Питу.. Обнимите жену и дочь и идите... вы не останетесь здесь.

Г-жа Питу. Вот видишь... тебя уведут вместе с остальными.

Жандарм. Ну же, поторапливайтесь... А вы ступайте за мной, сударыни. (Питу обнимает жену и дочь, затем обе женщины проходят вслед за жандармом в зал суда, откуда он выпускает их через дверь в глубине сцены.)

Явление VII

Те же, без Питу, его жены и дочери, без заключенных, еще ожидающих суда, и без жандармов, находившихся в помещении для подсудимых. Там попрежнему остаются Кермадек, Бодуен и Брийа. В следующей сцене жандарм, препроводивший Питу в доки, уходит в правую кулису, где находится женская тюрьма.

Секретарь суда (писарю). Ну, как будто с делами покончено... Я тоже с удовольствием уйду... Тем более, что меня ждут.

Писарь. Да, лейтенант, все готово...

Секретарь. Дайте я прочту еще раз, а вы тем временем сходите за вооруженным отрядом.. Достаточно шестерых солдат и капрала... (Понизив голос). Мне осточертел полковник... Он свято придерживается регламента, соблюдает все формальности, словно теперь мирное время и мы имеем

дело с обычными преступниками... Он требует ссылок на статьи Кодекса... Из за него я изучил Кодекс вдоль и поперек. Если бы не прибавка, которую мы здесь получаем, я давно бы послал полковника подальше и вернулся в свой полк.. Кто избавит нас наконец от всех этих формалистов?

Писарь Не могу понять, почему жандармское управление разрешило обосноваться в военно-полевых судах такому количеству офицеров национальной гвардии.

Секретарь (еще более понижая голос). Не разрешило, а само ввело их туда Оно хочет замарать добропорядочную национальную гвардию, иначе говоря буржуазию, свалив на нее ответственность за массовые расстрелы первых дней, чтобы позже, когда придется признать эти расстрелы, не перекладывать всей вины на армию.

Писарь Ловко придумано!

Секретарь Да, но ступайте скорее за отрядом, иначе конца этому не будет. (Он погружается в чтение бумаг, а писарь выходит в соседнюю комнату, спускается на сторожевой пост и возвращается оттуда в сопровождении бригадира и шести вооруженных жандармов.)

Писарь (бригадиру и жандармам, вошедшим след за ним в комнату для подсудимых). Стройся! (Жандармы выстраиваются в одну шеренгу боком к зрительному залу и лицом к двери, в которую должен войти лейтенант — секретарь суда.)

Секретарь суда (появляясь на пороге с бумагами в руке, жандармам.) На караул! (Жандармы выполняют приказ.) Старший сержант 88-го пехотного полка Жан-Мари Кермадек!

Кермадек (становясь навтыжку между лейте-

нантом и отрядом). Здесь! Думаю, лейтенант... дело не затянется, будет кончено в два счета...

Секретарь (вызывая). Пьер Бодуен!..

Пьер Бодуен. Я! (Становясь возле Кермадека)

К чему вся эта комедия?.. Нас осудили.. Понятно..

Когда же расстрел?.. Сию минуту?

Секретарь. Да, вас приговорили к смерти за Кермадек Нам это известно не хуже, чем вам

Секретарь Согласно статьям...

Пьер Бодуен (прерывая его, иронически). Избавьте себя от перечисления статей..

Секретарь. Приговор вынесен от имени французского народа...

Пьер Бодуен Вот уж сущее надувательство!

Кермадек. Чистейшей воды обман!..

Секретарь. Приговор обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение в течение двадцати четырех часов.

Кермадек. Знаем и рассчитываем на это.

Бодуен А когда расстрел?

Секретарь Вас расстреляют завтра, на заре, около четырех часов утра. (Бригадиру жандармов)

Возьмите, вот документы... Свой долг вы знаете.

Бригадир. Так точно, лейтенант, будьте покойны...

Брийа (подходя к лейтенанту). А обо мне, сударь, позабыли?

Секретарь. Отнюдь нет, не беспокойтесь. Вы Жак Брийа? Очевидно, вас вызовут в суд завтра...

Брийа. Я предпочел бы, чтобы меня расстреляли вместе с друзьями.

Секретарь. Вот уж не могу вам помочь. (Жандармам) Можете идти и не беспокоить до утра этих господ. (Жандармы возвращаются на сторо-

жевой пост) Нам больше нечего здесь делать, идемте же, писарь, по домам!.. *(Они проходят в зал заседания суда и, закрыв за собой выходную дверь, дважды поворачивают ключ в замке.)*

Явление VIII

Те же, Бонналь, Дюбрэ-Флошен, г-жа де Вернэ разговаривают с возрастающей горячностью в комнате свидетелей, возле рампы. В судебном зале никого нет, он тускло освещен единственной лампой, фитиль которой писарь прикрутил перед уходом. В помещении для осужденных, где тускло горит фонарь, Бодуен, Кермадек, Брийа сидят втроем на скамье, в темноте. В нижнем этаже, на сторожевом посту жандармы спят, разговаривают, пересмеиваются, играют в карты или пьют.

Кермадек (вставая со скамьи и потягиваясь). Иду спать, с ног валюсь от усталости... Соломенная подстилка грязновата, но для последней ночи сойдет. *(Бросается одетый на солому и тут же засыпает... Раздается его храп)*

Бонналь (говорит гневно в то время, как в камере Бодуен и Брийа тихо разговаривают между собой). Нет, это немислимо! Что бы вы ни говорили, я не могу согласиться на побег. Я и так сделал слишком много. Даже скомпрометировал себя у перекрестка Красного Креста, где дал ему возможность бежать; тем хуже для Брийа, если он не сумел этим воспользоваться и снова попал в плен во время или после боя. Не я его арестовал... И вот только что, я не стал председательствовать на заседании военно-полевого суда, перед которым он

должен был предстать. Изучив бумаги, я был уверен, что его ожидает смертный приговор... Впрочем, такого же мнения придерживаются и в жандармском управлении, где было рассмотрено его досье. Единственное, что я могу сделать, это разрешить вам подольше побыть сегодня ночью с вашими друзьями. Тем более, что Бодуен приговорен к смерти, и было бы жестоко помешать ему увидеться с племянницей перед расстрелом... *(Пока полковник говорит, жандарм, которому было велено привести Жанну, появляется справа в глубине сцены; он держит в руке фонарь, Жанна следует за ним.)* Да, я вполне могу это сделать — здание хорошо охраняется, в чем вы должны были убедиться, когда пришли сюда. *(Он указывает на дверь, в которую вошли г-жа де Вернэ и Дюбрэ-Флошен.)* Вам известно, что внизу, за этой дверью, дежурят более двадцати смысленных жандармов, что инструкция строго соблюдается и невозможно ни войти, ни выйти отсюда без пропуска жандармского управления. Вы предупреждены. *Г-жа де Вернэ (недоверчиво).* Правда ли, Жорж, что несчастный папаша Бодуен приговорен к смерти, а его племянница Жанна тоже здесь?.. Мне говорили, будто в Версале нет ни одной женщины — все они в тюрьме Сен-Лазар. *Бонналь* Я никогда не лгу, милая сестра. Бодуен приговорен к смерти сегодня вечером, и могу вам сказать как председатель суда, что он обязан этим приговором своему высокомерному, чуть ли не угрожающему поведению на суде. Впрочем, вы увидите сейчас Пьера Бодуена, и он подтвердит вам мои слова. Ему уже сообщили, конечно, о вынесенном приговоре. За Жанной послан жандарм.

Как только он вернется, я дам ему последние указания и прощусь с вами.

Г-жа де Вернэ (бросается к брату и сжимает ему руки в порыве бурного отчаяния). Итак, Жорж, вы не хотите нам помочь из боязни, что начальство обвинит вас в нерадивости! Не хотите спасти от смерти честных людей, они же не преступники, они просто несчастные...

Бонналь. Нет, сестра, не могу. (Мрачно, загадочно.) Я уже сделал больше того, что дозволено, разрешив вам провести часть ночи с заключенными. Воспользуйтесь же, как сумеете, этим послаблением... и дай бог, чтобы ваш план удался... Но предупреждаю: это здание тщательно охраняется, и не в моей власти изменить или хотя бы смягчить инструкции, данные окружающим его постам. (Стук в дверь; это вернулся жандарм, посланный за Жанной, которая осталась со своим дядей Пьером Бодуеном в помещении для осужденных.)

Явление IX

Те же, Жанна, которая то обнимает дядю, то пожимает руки Брийа; жандарм стоит перед закрытой дверью, ведущей из зала заседания в комнату свидетелей.

Бонналь (повышая голос). Войдите...

Жандарм (открывая дверь и становясь навзвездку у ее порога). Полковник, я привел молодую женщину по имени Жанна Бодуен. Осужденный Пьер Бодуен, ее дядя, задержал ее по дороге.

Бонналь. Хорошо... Приведите ее сюда вместе

с Жаком Брийа и Бодуеном... Затем вы оставите заключенных с этим господином и с этой дамой, их друзьями, а сами вернетесь в помещение для осужденных... понятно?

Жандарм. Так точно, полковник. (Уходит.)

Бонналь (поспешно подойдя к Дюбрэ-Флошени и к своей сестре). Прощайте, я удаляюсь. Оставаться здесь после того, как вы сообщили мне о своих плавах, значило бы проявить преступную снисходительность. Желаю удачи! (Он крупными шагами направляется к двери в глубине комнаты.)

Явление X

Те же, без Бонналя.

Жандарм (вводя Жанну, Пьера Бодуена и Брийа в комнату свидетелей, где находятся г-жа де Вернэ и Дюбрэ-Флошени). Ну, ну, не заставляйте упрашивать себя. С вами хотят поговорить не то родственники, не то друзья — полковник этого не разъяснил, — но свидание с вами им разрешено. (Пропуская вперед заключенных.) Ваши дела меня не касаются, и я ухожу — таков приказ... А если вам что-нибудь понадобится, можете позвать или постучать, я здесь, рядом, в помещении осужденных. (Он выходит, затворяет за собою дверь и садится на стул в камере, где храпит Кермадек.)

Г-жа де Вернэ (обнимая Жанну). Жанна! Дорогая, бедная девочка... Наконец-то...

Жанна Бодуен (чуть ли не с ужасом). Госпожа де Вернэ!.. (Холодно). Опять вы, сударыня! (С горечью.) Да, правда, здесь господин Брийа..

Г-жа де Вернэ (взволнованно, с упреком). Дело вовсе не в Жаке Брийа! Я выхожу замуж за господина по имени Дюбрэ-Флошен; вот он. Я дала ему согласие, но при условии, что он поможет спасти вас обоих...

Жанна. Спаси нас?!

Г-жа де Вернэ. Да, Жанна, спаси вас, или точнее, устройте ваш побег.

Дюбрэ-Флошен (испуганный). Что?! Но ваш брат доказал нам, что это невозможно...

Г-жа де Вернэ. Невозможно?! Посмотрим... Во всяком случае, если вы не сделаете всего, что я требую от вас сегодня ночью, я никогда не буду, запомните это, госпожой Дюбрэ-Флошен. (Обращаясь к заключенным.) Я хотела всех вас спасти, вас тоже, господин Бодуен... вас приговорили сегодня к смерти... я только что узнала об этом... но это невозможно. (Указывая на дверь в глубине сцены.) Для побега имеется только один выход, и он хорошо охраняется. Чтобы войти сюда, или выйти отсюда надо иметь пропуск жандармского управления, а у нас только два пропуска — мой и господина Дюбрэ-Флошена...

Брийа (холодно). Я не понимаю вас, сударыня...

Г-жа де Вернэ (очень искренно). Однако все очень просто, господин Брийа... Вы поменяетесь одеждой с этим господином (указывает на Дюбрэ-Флошена), мадемуазель Жанна — со мной... Затем вы возьмете наши пропуска, откроете эту дверь и спуститесь по лестнице... дальше все устроится само собой... Вы окажетесь на воле... вы оба молоды, любите друг друга и вам останется пожениться, чтобы обрести счастье.

Жанна (взволнованно). То, что вы хотите сде-

лать... То, что вы делаете, сударыня, прекрасно, великодушно, но я не могу согласиться... Не хочу расставаться с дядей!

Жак Брийа. Я восхищен вами, сударыня, восхищен вашей самоотверженностью, иначе и быть не может... Но я отказываюсь. Согласиться, значило бы предать дело, которому я служу, и подать дурной пример моим друзьям...

Г-жа де Вернэ (подбегая к Пьеру Бодуену и с отчаянием беря его за руки). Они отказываются, несчастные... Но завтра Жака Брийа приговорят к смерти, как приговорили и вас самих... А Жанну приговорят к пожизненному тюремному заключению или к ссылке... Сударь, они вас уважают... вмешайтесь... убедите их... Объясните им, наконец, что не в тюрьме и не на том свете они принесут пользу делу, которому вы все служите.

Пьер Бодуен (подумав, говорит серьезно). Дети мои, госпожа де Вернэ права... Надо принять ее предложение. Достаточно было пролитой крови в борьбе за Коммуну, не говоря уже о той крови, которой еще суждено пролиться...

Жанна. Вы этого желаете, дядя?

Пьер Бодуен (решительно). Да, желаю... так надо. Но не забудьте одного: то, что вы сделаете сегодня, должно послужить на пользу революции... (Жак Брийа и Жанна Бодуен обмениваются платьем с Дюбрэ-Флошеном и Г-жой де Вернэ, затем берут у них пропуска. После чего все обнимаются,жимают друг другу руки; слышатся рыдания, вздохи. Наконец двое беглецов открывают дверь в глубине комнаты и скрываются за ней; оставшиеся застывают на месте в полном молчании, прислушиваясь к каждому шороху.)

Явление XI

Те же без Жанны и Жака Брийа.

Ю. Данилин

ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС И ЕГО ПЬЕСА

Г-жа де Вернэ (вполголоса своим спутникам). Прошло больше получаса, как они ушли... Теперь они далеко, на свободе...

Бодуен. Не будем радоваться преждевременно, достаточно пустяка, чтобы побег сорвался... (Все трое продолжают ждать, не говоря ни слова, снедаемые мучительной тревогой. Ближится рассвет. Сторожевой пост в нижнем этаже оживает.)

Вахмистр (подчиненным). Эй, дежурные, построиться. Поведем Бодуена и Кермадека.

Бодуен (в то время, как человек двадцать вооруженных жандармов выстраиваются в два ряда). Прощайте, друзья мои! Спасибо за то, что вы сделали сегодня ночью! (Пожимает руку г-же де Вернэ и Дюбрэ-Флошену, выходит и становится рядом с Кермадеком.)

Вахмистр (кричит). Бодуен! Кермадек! Где вы там? Спускайтесь, да поживее... Или прикажете пустить в ход приклады, небось, неохота идти на казнь?.. (Осужденные спускаются по лестнице, жандармы становятся справа и слева от них и отряд направляется к левой кулисе.)

Кермадек. Да здравствует республика! Да здравствует народ! (Уходит.)

Бодуен (в свою очередь). Да здравствует Коммуна! (Уходит, видны только последние ряды жандармов, занавес опускается.)

Конец XI картины и последнего действия
«Парижской Коммуны».

Подобно другим французским революциям, Парижская Коммуна 1871 г. вызвала к жизни собственную художественную литературу, посвященную — в основном — изображению ее борьбы и тем великим гуманистическим целям, к которым она стремилась.

Нелегко было развиваться этой литературе. За короткий срок существования Парижской Коммуны — всего за 72 дня — успели появиться на свет лишь немногие стихотворения ее поэтов, напечатанные в прессе или изданные листовками. Основная литература Коммуны возникла лишь после ее гибели, и первоначально, в 70-х годах прошлого столетия, главным образом в среде коммунаров-эмигрантов. В самой же Франции тех лет эта литература свелась к устному или рукописному творчеству узников версальских тюрем, а также коммунаров, приговоренных к ссылке или к каторжным работам в Новой Каледонии. Кое-что было создано и писателями, сочувствовавшими Парижской Коммуне, которые остались во Франции, уцелев от версальских репрессий, но в условиях ожесточенной буржуазной реакции они не имели возможности печататься.

Только после общей амнистии 11 июля 1880 г., вырванной рабочим классом у правительства буржуазно-демократической Третьей республики, на-

чался новый этап в истории литературы Парижской Коммуны, когда ее участники — эмигранты и сосланные — получили возможность вернуться во Францию. В 80-х годах появились многочисленные книги и газетно-журнальные публикации поэтов, романистов, драматургов, новеллистов, очеркистов и мемуаристов Коммуны. Литература Парижской Коммуны создавалась, следовательно, в период 1870—80 годов, а некоторые ее произведения были опубликованы и позже.

Тем не менее, и до сих пор нет уверенности в том, что она известна полностью: слишком уж ненавидел пролетарскую революцию 1871 г. капиталистический строй. Красноречивейшим примером является предлагаемая вниманию читателя пьеса Жюль Валлеса, написанная им в 1872 г. при некотором участии (сводившемся, главным образом, к редактированию ее текста) другого писателя-коммунара, Анри Белланже. Она пролежала в рукописи свыше девятидесяти лет, и лишь накануне столетия Коммуны ее опубликовало прогрессивное французское издательство, выпускающее полное собрание сочинений Валлеса¹. Не исключено, что могут быть еще найдены и другие памятники литературы Парижской Коммуны. Достаточно указать на то, что до сих пор не отыскан, и неизвестно, уцелел ли весь архив крупнейшего поэта Парижской Коммуны Эжена Потье, что не опубликовано полностью поэтическое наследие Луизы Мишель, что не изданы представляющие, по-видимому, немалый

художественный и общественно-политический интерес воспоминания поэта Кловиса Гюга и т. д., и т. д.

Всего более известна в настоящее время поэзия участников Парижской Коммуны — Эжена Потье, Жана-Батиста Клемана, Луизы Мишель, Эжена Шатлена, Кловиса Гюга, Эмманюэля Делорма, Эжена Вермерша, Жана-Артюра Рембо, Поля Верлена и многих других. Слабее был представлен в литературе коммунаров роман, посвященный событиям Коммуны. Лучший из этих романов — «Инсургент» Жюль Валлеса — впервые появился в 1882 г. в журнале «Нувель Ревю»; однако редакцией журнала были сделаны купюры как раз в тех местах романа, где говоря о событиях Парижской Коммуны Валлес, видимо, высказывался во весь голос. Другой роман о Коммуне — это «I.N.R.I.» известного французского писателя Леона Кладеля²; роман этот, законченный автором еще в 1887 г., так и не нашел издателя, который осмелился бы его опубликовать, и был напечатан лишь в 1931 г., спустя много лет после смерти писателя.

Гораздо обильней оказалось наследие новеллистов и очеркистов Коммуны (Анри Белланже, Гектора Франса, Луи Баррона, Леона Кладеля и др.) и в особенности ее мемуаристов, нередко обладавших даром художественного повествования, — Максима Вильома, Луизы Мишель, Анри Боэра, Жана Аллемана, Максима Лисбонна, Симона-Майера, а также

¹ Jules Vallès. La Commune de Paris. Pièce inédite en 5 actes et 11 tableaux. Préface et notes de M. C. Banquart et L. Scheler. Paris, «Les Editeurs Français réunis», 1970.

² Леон Кладель. I.N.R.I. Л., «Время», 1931; в другом переводе — «Жак Ратас (I.N.R.I.)». М. — Л., «Художественная литература», 1951.

Анри Рошфора (в части его воспоминаний о событиях Коммуны, об его тюремном заключении и ссылке в Новую Каледонию).

Всего труднее было развиваться драматургии коммунаров. Французская театральная цензура, отлично понимавшая пропагандистскую роль театра, отличалась исключительной придирчивостью, доходившей порою до анекдотических крайностей. Напомним, что при Второй империи была запрещена постановка гоголевского «Ревизора» на том основании, что в лице почтмейстера, распечатавшего письмо Хлестакова, зрители могли увидеть намерения деятельности «черных кабинетов» Империи... Между тем драматургия Коммуны существовала. Еще в ссылке молодой Анри Бюэр сочинял пьесы для самостоятельного театра коммунаров в Новой Каледонии и, по возвращении во Францию, продолжал писать социальные комедии с довольно резкой критикой буржуазного общества. Оставила ряд пьес и Луиза Мишель, драматургический талант которой был не силен, но полон революционной страстности. Ее драма «Надина» о Краковском восстании 1846 г., поставленная в 1882 г. на сцене руководимого коммунаром-режиссером Максимом Лисбонном парижского районного театра Буфф-дю-Нор, была воспринята публикой как иносказательное изображение Парижской Коммуны; зрители разделились на два резко враждебных лагеря, чрезвычайно бурно реагировавших на то, что происходило на сцене. Цензура, разумеется, сколько могла урезала пьесу, так что Луиза Мишель даже была вынуждена однажды, перед началом спектакля, обратиться к публике, чтобы рассказать о своем замысле и о цензурных искажениях в «Надине».

Упомянув о «Надине»³, как о первой появившейся на французской сцене пьесе, хотя бы косвенно напоминавшей о Коммуне, мы высказывали предположение, что наверное крупнейшим произведением драматурга-коммунара о событиях великого пролетарского восстания была неизданная пьеса Жюль Валлеса⁴. Наше предположение подтвердилось. «Парижская Коммуна» является не только крупнейшей пьесой драматургии коммунаров, но и одним из самых выдающихся произведений художественной литературы Парижской Коммуны.

* * *

Жюль Валлес (1832—1885) принадлежит к числу лучших писателей-реалистов Франции; его творчество мужественно противостояло успехам развивавшейся натуралистической школы. Активный участник французского революционно-демократического движения, страстный борец против Второй империи, против Третьей республики, против капиталистического строя, Валлес, глубоко честный и принципиальный человек (несмотря на отдельные свои идеологические заблуждения), был окружен ненавистью реакционеров и преданной, пылкой и благодарной любовью народных масс. Нельзя не пожалеть, что этому замечательному писателю у нас не повезло: на русском языке нет еще ни одной книги, посвященной его творчеству и всему его жизненному пути.

Впрочем, Валлес сам рассказывал о себе в авто-

³ Ю. Данилин. Парижская Коммуна и французский театр. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 412—419.

⁴ Там же, стр. 406—409.

биографической трилогии «Жак Вентра». В первом из ее романов, в «Ребенке»⁵ писатель поведал о своих безотрадных детских годах, об отце, мелком провинциальном учителе, и обо всей суровой, гнетущей, а порою и жестокой атмосфере полунинищенного существования его семьи. Вечный страх перед начальством, перед властью имущими, вечное унижение человеческого достоинства, вечная «нищета под сюртуком», превращали его отца, доброго по натуре человека, в сурового, обозленного домашнего тирана, и в этой обстановке впечатлительный мальчик вырастал бунтарем, непокорным и упорно не желавшим покоряться.

Наступили годы юности Жака Вентра, его отъезда в Париж, еще не оживший после бурных дней февральской революции и июньского рабочего восстания 1848 г., а затем смирившийся под игм реакции Второй империи. С новым, уже не семейным, а более тяжким гнетом пришлось столкнуться молодому Вентра. Узнал он теперь и голод, и настоящую нищету, которые порою вынуждали его идти на унижительные уступки в поисках службы, мучительно переживать постыдность этих уступок и снова бросаться на поиски куска хлеба...

Во второй части трилогии, в романе «Баккалавр» Валлес рассказал также о своих друзьях, обреченных, подобно ему, при Второй империи, вести жизнь богемы, которая вовсе не была вечным праздником молодости, веселья и любви, как слащаво живописал ее Анри Мюрже в романе «Сцены

из жизни богемы» (1848). Тщетно пытался Вентра стать хотя бы работником физического труда (в детстве, по его признанию, он видел ласку только со стороны простых рабочих): он не знал ни одного ремесла, да и рабочие относились к нему теперь иначе, видя в нем — по его сюртуку — одного из тех буржуа, которых они возненавидели после июня 1848 г. Проклиная Мюрже за его ложь, Вентра дал себе слово написать правду о богеме — об интеллигентной молодежи, получившей оторванное от жизни «классическое» образование и ставшей лишь «расой тощих людей», лишенной заработка, нищей, негодующей и «грозной» — готовой каждую минуту броситься в революцию. Это обещание Валлес и выполнил в «Баккалавре»⁶, посвященном тому читателю, «кто, вскормленный греческим и латынью, умирает с голоду».

Мечтая стать литератором, Валлес долго пытался пробиться в прессу. Но подобно тому, как его быстро изгоняли с преподавательской работы или со службы в мэрии за нежелание подчиняться «надеждам правилам поведения», столь же тернистым было и начало его писательского пути. Валлес никак не мог пересилить в себе прежнего бунтаря, ставшего уже революционером. Он начал было печататься в «Фигаро» (издатель Вильмессан учуял его дарование), но уже через неделю подвергся изгнанию из газеты, потому что, на какие бы невинные темы он ни писал, ему не терпелось, по его выражению, «просунуть кончик» своего красного

⁵ Jules Vallès. L'Enfant. P., «Les Editeurs Français réunis», 1950; в русском переводе: *Жюль Валлес. Детство*. М.—Л., «Academia», 1936, или в трилогии: *Жюль Валлес. Жак Вентра*. М., «Художественная литература», 1949.

⁶ Jules Vallès. Le Bachelier. P., «Les Editeurs Français réunis», 1950; в русском переводе: *Жюль Валлес. Юность*. М.—Л., «Academia», 1934; «Баккалавр» в трилогии «Жак Вентра». М., «Художественная литература», 1949.

знамени. В 1866 г. Валлесу удалось издать сборник очерков «Отщепенцы».

Очерки его обратили на себя внимание: журналисты левой прессы приветствовали нового собрата, полиция Второй империи установила за ним секретное, все усиливавшееся наблюдение⁷, и отыскался такой делец, с денежной помощью которого Валлес основал в 1867 г. собственную газету «La Rue» («Улица»). Но на 34-м номере газета была запрещена за антиправительственные выступления. Валлес продолжал печататься в оппозиционной прессе и выступать в качестве оратора на публичных собраниях. Империя трижды почтила его тюремным заключением.

4-го сентября 1870 г. Вторая империя рухнула в результате проигранной войны с Пруссией, и с этого времени Валлес целиком посвящает себя революционной борьбе, резко выступая против буржуазно-республиканского правительства национальной обороны, получившего вскоре заслуженное прозвище «правительства национальной измены». Во время осады пруссаками Парижа Валлес в рядах национальной гвардии. Вместе с тем он принимает участие в восстании 31 октября 1870 г., уже провозгласившем лозунг Парижской Коммуны, избран в члены ЦК двадцати округов Парижа (руководящего революционного центра), а в январе 1871 г. является одним из составителей текста «красной афиши», призывавшей к свержению правительства. С 22 февраля он начинает издавать газету «Le Cri du peuple» («Крик народа»), запре-

женную 11 марта военными властями после перемирия, которое Третья республика поспешила заключить с Пруссией. Но в ответ на капитулянтские и антинародные действия правительства вспыхивает восстание 18 марта 1871 г., правительство Тьера бежит из Парижа в Версаль, и газета «Крик народа» возобновляет свое существование, становясь одним из самых влиятельных печатных органов Парижской Коммуны.

Благодаря своей популярности в качестве журналиста, Валлес избран в члены Парижской Коммуны, где работает в Комиссии по просвещению и в Комиссии внешних сношений. Во время раскола Коммуны 1 мая, вызванного спорами по вопросу о создании Комитета Общественного спасения, Валлес примкнул к «меньшинству», состоявшему преимущественно из прудонистов и голосовавшему против этого мероприятия (оно все же было принято большинством «большинства»), и хотя подвергся многочисленным и грубым нападениям, остался на посту члена Коммуны, был председателем последнего ее заседания 21 мая и отважно участвовал в баррикадной борьбе «кровавой недели». Ему удалось эмигрировать и он, заочно приговоренный к смертной казни, жил в Бельгии, в Швейцарии, а затем окончательно обосновался в Англии.

Об этих девяти годах эмиграции Валлес рассказывал в письмах к бывшему члену Коммуны, Артуру Ариу, своему старому другу. В этих письмах, собранных в книге «Изгнанник»⁸, пока еще не пере-

⁷ О полицейской слежке за Валлесом рассказано в книге. M. Choury. La Commune au coeur de Paris. P., 1967, p. 429.

⁸ Jules Vallès. Le Proscrit. P., «Les Editeurs Français réunis», 1950.

веденной на русский язык, перед читателем возникает живой образ Валлеса, уже признанного, известного писателя, выпущенного снова владеть голодное существование и жить в мансарде, круглое окошечко которой напоминает ему отверстие гильотины... В эту пору у Валлеса родилась дочь, его единственный ребенок, которую он мечтал окружить всею той любовью и лаской, которых сам не ведал в детстве, но девочка умерла, не выдержав условий полунищенской жизни. А Валлес по-прежнему не в силах выбиться из нужды, он почти не может печататься, тем более что резко отказывается от всех предложений, которые противоречат его убеждениям или припахивают соглашательством с буржуазной реакцией. И в конце концов он порывает с Ариу, менее принципиальным в этом отношении.

Первым произведением, созданным Валлесом за время изгнания, была пьеса «Парижская Коммуна». Далее он написал книгу «Лондонская улица»⁹, отдельные очерки которой ему кое-как удалось печатать под псевдонимами в левой французской прессе 1876—1880 гг.; в этой книге Валлес ярко воспроизвел вопиющие социальные противоречия капиталистической Англии, неприкрытую отчаянную нищету и обездоленность лондонских бедняков. В 1879 г. он закончил историческую повесть «Блузники»¹⁰ о крестьянском восстании 1847 г., вызван-

ном двухлетними неурожаями и голодом, и приступил к созданию своей трилогии, первый роман которой «Ребенок» написал в Англии в 1879 г., второй, «Баккалавр», — вероятно тоже еще в эмиграции (он был издан книгой в 1882 г.) и роман «Инсургент» (вышедший отдельным изданием в 1885 г.)¹¹. По возвращении на родину, Валлес возобновил с 1883 г. издание газеты «Крик народа», печатая здесь множество статей главным образом по вопросам политическим, но немало уделяя внимания и современной французской литературе. Литературно-критические статьи Валлеса переизданы¹² и позволяют убедиться в том, что критик он был смелый, независимый, а главное — неподкупный в своих оценках (редкое явление в тогдашней прессе Франции); к его голосу прислушивались крупнейшие писатели того времени.

Жизнь Валлеса, полная лишений, оборвалась рано. Писатель-революционер скончался 14 февраля 1885 г. в возрасте 53 лет. За гробом этого «кандидата бедноты» и «депутата расстрелянных» — как назвал его Эжен Потье в посвященной его смерти прекрасной песне — шло несколько десятков тысяч рабочих, революционеров, социалистов, соратников по Коммуне. Торжественны и печальны были эти похороны. Но в буржуазных кварталах Парижа

seph. P., 1919; в русском переводе: *Жюль Валлес. «Голод в Бюзансе»*. М.—Л., «Academia», 1936.

¹¹ *Jules Vallès. L'Insurgé. «Les Editeurs Français réunis»*. P., 1950; в русском переводе: *Жюль Валлес. Инсургент. «Художественная литература»*. М.—Л., 1939, то же в трилогии: *Жюль Валлес. Жак Вентра. «Художественная литература»*. М., 1949.

¹² *Jules Vallès. Littérature et révolution. «Les Editeurs Français réunis»*, P., 1970.

⁹ *Jules Vallès. La Rue à Londres. «Les Editeurs Français réunis»*. P., 1951; русский перевод: *Жюль Валлес. Лондонская улица*. М.—Л., ГИЗ, 1926.

¹⁰ Повесть эта была первоначально напечатана в левореволюционной газете «Justice» в июне-июле 1880 г., а издана книгой: *Jules Vallès, Les Blouses. Ed. Jo-*

похоронное шествие встречали оскорблениями и свистками, а группа хулиганствующих реакционеров набросилась с кулаками на делегацию немецких рабочих-социалистов, стараясь вырвать венки, который они несли. Хулиганам был дан должный отпор, но на следующий день реакционная пресса с наигранным возмущением расписывала схватку «истинных французов» со «зверскими полчищами интернационалистов»...

* * *

Пьеса Валлеса представляет собой историческую драму-хронику, повествующую не только о Коммуне, но и о ее историко-социальных предпосылках. Валлес, разумеется, несогласен с буржуазными историками, пытавшимися выдать великое пролетарское восстание 1871 г. лишь за некий горестный довесок франко-прусской войны, проигранной бездарным генералитетом Второй империи и откровенными изменниками, маршалами-бонапартистами, вроде Базена. Но за военный разгром Франции несло не меньшую ответственность и правительство национальной обороны, панически страшившееся вооруженного парижского пролетариата и не без умысла истреблявшее в бесплодных вылазках, вроде сражения при Бюзенвале, цвет пролетарских батальонов национальной гвардии. Однако точка зрения на Парижскую Коммуну, как на последнее из военных неудач Франции, проникла и в художественную литературу, отразившись, например, в романе «Разгром» Золя.

Революционный демократ, Валлес справедливо видел в Парижской Коммуне законную и выстраданную трудовыми народными массами революцию

против капиталистического гнета. Вот почему его пьеса начинается со знаменитого июньского рабочего восстания 1848 года в Париже: Коммуна — лишь новый этап этой революционно-пролетарской борьбы. Валлес желает показать также, что режим Второй империи только усиливал и укреплял активность революционной демократии; таков смысл второго акта пьесы, посвященного событиям после убийства принцем Пьером Бонапартом журналиста Виктора Нуара.

Необходимость обрисовать предысторию Парижской Коммуны, кончая падением Второй империи, провозглашением Третьей республики, самочинным (по образцу революций 1830 и 1848 годов) захватом власти буржуазией — требовала от Валлеса не менее обстоятельного изображения закономерности восстания 18 марта 1871 года, обусловленного лишениями и трудностями осады, а главное предательскими и капитулянтскими действиями «правительства национальной измены». Еще более сложные задачи стояли перед Валлесом в воссоздании событий Парижской Коммуны. Нужно было не только очертить общие цели Коммуны, бешено оболганной и оклеветанной капиталистическим миром, но и рассказать о том, кто же такие были на самом деле коммунары, которых версальская печать изображала грабителями, пьяницами, насильниками и хищными зверями. Нужно было с истерпывающей реалистической убедительностью показать, как в условиях осады и предательских действий правительства, естественно и неизбежно революционизировались широчайшие массы парижского населения, оскорбленные в своей любви к родине и в своем представлении о справедливости. Нужно было по-

казать, что коммунары были простыми людьми Франции, доподлинными патриотами, ненавидевшими предателей и капитулянтов и в то же время борцами за свержение власти собственнических и эксплуататорских классов (эта вторая цель народных стремлений выражена в пьесе менее отчетливо). Нужно было обрисовать и борьбу против Коммуны, ведущуюся буржуазной, клерикальной и монархической реакцией, обосновавшейся в Версале, ее войсками и всею сворой ее шпионов и заговорщиков, которые тайно подкапывались под Коммуну в Париже, чтобы стать затем самыми свирепыми участниками версальской расправы над коммунарами в дни «кровавой недели».

Необходимость вместить в пьесу столь обширный материал неминуемо приводила к большому ее объему, во много раз превышающему размеры обычного театрального представления. «Парижская Коммуна» — это «пьеса для чтения», наподобие «Жакерии» Мериме. Напомним читателю, что Мериме отлично умел писать обычные театральные пьесы («Театр Клары Гасуль»), но «Жакерия», посвященная средневековому восстанию крестьян против поработителей-крепостников, потребовала от автора значительно большего объема из-за необходимости с должной полнотой приблизить к зрителю малоизвестные события далекого прошлого.

В «Жакерии» (1828) Мериме создал жанр французской исторической драмы-хроники. Он руководствовался эстетическими положениями памфлета Стендаля «Расин и Шекспир» (1823), отрицавшего принципы театра классицистов XVII века и ратовавшего за появление национальной трагедии в прозе. Мериме был многим обязан популярному в

20-х годах XIX в. во Франции театру Шекспира, особенно его историческим хроникам (в меньшей степени тогдашняя критика отмечала влияние «Гете фон Берлихингена» Гете и мелодрам французского драматурга Пиксерекура).

Порывая с традициями расиновского театра, где, при соблюдении знаменитых «трех единств», носителями действия являлись лишь два-три главных персонажа, Мериме создал широкую, многолюдную картину крестьянской войны XIV в., причем изображал ее события вразрез со средневековым историком Фруассаром (которому был обязан основными материалами): Фруассар придерживался феодальной точки зрения. Мериме вводил на сцену разношерстную и грубую массу крестьян и солдат, быстро переносил место действия из замка в лес, из поля в город (где отмечал испуг буржуа перед происходившим восстанием), показывал на широком социальном фоне жестокие или мелодраматические эпизоды борьбы и четко обрисовывал ряд характеров, особенно Оборотня и Брата Жана.

«Жакерия», в которой отразилась вражда Мериме к антинародному строю Реставрации, не была поставлена на сцене, оставшись «драмой для чтения».

Как известно, деятели Парижской Коммуны были весьма недовольны репертуаром своих театров, унаследованным от Второй империи. Они мечтали о постановке пьес, служащих гражданско-воспитательным целям, пьес передовой идейности, общественно-актуальных по своим темам, пьес, воскрешающих события былых революционных эпох и т. д. Валлес, член Комиссии по просвещению, в своей пьесе естественно не мог не отозваться на

пожелания театральной политики Парижской Коммуны.

Он создал произведение поистине новаторское — монументальную пьесу, главным героем которой оказался современный ему трудовой народ, обрисованный во всей своей революционной активности. Французский театр XIX в. не знал дотоле ничего подобного. Пьеса изобилует массовыми сценами, где народ предстает и в быту — вроде очередей у булочных во время осады, и в революционной борьбе, где он на каждом шагу проявляет инициативу, мужество, самоотверженный героизм. Широко показан и лагерь врагов Коммуны — корыстные политики, реакционное офицерство, жандармы, буржуазная обывательщина и всякого рода предатели и шпионы. Для столь многолюдной пьесы, полной движения, действие которой не всегда происходит только на переднем плане, потребовалась бы особенно широкая и глубокая сцена, нечто вроде стадиона. На глазах у зрителей маршируют или сражаются отряды враждующих войск, движутся толпы, гремит ружейная и даже пушечная пальба, рвутся снаряды, рушатся разбитые артиллерийским огнем форты или баррикады; бушуют и политические страсти двух схватившихся в яростном противоборстве общественных лагерей, и накал взаимной ненависти таков, что мелочью кажутся интимные, «камерные», любовные переживания (по традиции французского театра, Валлес без них не мог обойтись). От его пьесы так и пышет жаром вчерашних битв, в воображении писателя еще свежо все пережитое, рукою его водила словно сама революция, и он создал произведение, которое — в историко-литературном плане — предвосхищает бу

дущий «Театр революции» Ромена Роллана, а порою превосходит многие его пьесы.

Валлес предлагал «Парижскую Коммуну» театрам Швейцарии, Бельгии и Англии, но всюду встретил отказ: пьесу признавали «несценичной» из-за ее объема, то есть из-за невозможности для зрителя просмотреть ее за один вечер. Конечно, будь у театров желание поставить такую пьесу, она могла бы быть поставлена (спектакль мог продолжаться два вечера подряд, наподобие того, как ставил Дюма-отец инсценировку «Графа Монте-Кристо»). Но такого желания не было по причинам чисто политическим: все капиталистические страны в 70-х годах были охвачены лютой ненавистью к Парижской Коммуне и о какой бы то ни было ее реабилитации, да еще на сцене, нечего было и думать... После амнистии пьесу Валлеса мечтал поставить Максим Лисбонн, но сценическая площадка театра Буфф-дю-Нор была тесна, труппа малолюдная, да и вряд ли цензура разрешила бы постановку. В 1887 г. эту пьесу думал поставить Антуан, но тоже отказался.

Первое известие о существовании пьесы Валлеса (название которой авторы так и не выбрали, колеблясь между «Парижской Коммуной», «Парижским народом» и «Двумя осадами») восходит к статье Поля Алексиса «Валлес-драматург», напечатанной в «Кри дю пёпль» 18 февраля 1885 г. Поль Алексис довольно точно изложил содержание ее картин, указав, что пьеса завершается 12-й картиной: «Саторийский столб. Расстреливаемый Бодуен и есть главный герой пьесы»¹³. Этой 12-й картины

¹³ См. нашу книгу «Парижская Коммуна и французский театр», стр. 406—408.

во французском издании пьесы не оказалось, и в редакционном предисловии ничего не сказано о причинах ее исчезновения. Правда, известно, в каком постыдном небрежении находилось долгое время рукописное наследие Валлеса¹⁴, и с утратой этой сцены, может быть, приходится примириться.

* * *

В пьесе Валлеса бросается в глаза одно, как будто странное обстоятельство: в ней ничего не говорится о руководителях Парижской Коммуны, нет ни одной сцены, посвященной ее заседаниям, а из всех членов Коммуны появляется только рабочий Дюваль, назначенный Коммуной генералом и одним из командующих ее вооруженными силами; Дюваль был зверски расстрелян версальцами 4-го апреля 1871 г. после того как руководимая им колонна войск была окружена и взята в плен.

Между тем в романе «Инсургент» Валлес говорил и о заседаниях Коммуны, и о действиях множества ее членов — Ферре, Клузере, Вайяна, Лонге и других, называл имена ряда активнейших ее участников, вроде Домбровского, Лисбонна, Камелина, Жаптона. Говорил он и о первых министрах Коммуны. Один из них, Грелье, по поручению ЦК национальной гвардии, временно руководил министерством внутренних дел. В рассказе о нем обычная желчно-язвительная повесловательная манера Валлеса сменяется добродушным юмором. Грелье, оказы-

вается, ждет не дождется, когда Коммуна назначит настоящего руководителя министерства: «Я сыт по горло! — заявляет он. — Какая скука быть министром!». Но свои обязанности представителя Коммуны он выполняет с честью. Вентра (то есть, сам Валлес) присутствовал при том, как к Грелье явился сотрудник враждебной Коммуне газеты «Фигаро» с просьбой отменить приказ об ее запрещении. Валлес, никогда не скрывавший в «Инсургенте» своих интеллигентских колебаний, признается, что Вентра стоял бы за свободу печати. Однако Грелье подтверждает запрещение буржуазной газеты, которая, по его словам, «только и знала, что высмеивала и обливала грязью социалистов и республиканцев, когда они не могли защищаться». И добавляет: «Ты, Вентра, помалкивай!.. Если бы тебя услышали федераты, они возмутились бы и взяли бы тебя под подозрение»¹⁵.

Более бегло, но столь же отчетливо обрисовывает Валлес в «Инсургенте» действия других видных коммунаров и с особенной любовью рассказывает о боевых мероприятиях Лисбонна на последних баррикадах Коммуны.

Почему же в своей пьесе он не называл подлинных имен деятелей Коммуны, возглавлявших действия революционных народных масс? Полагаем, что для этого имелись две причины.

Первая — это настроения и быт эмигрантов Коммуны. «После каждой потерпевшей крушение революции или контрреволюции, — писал Энгельс, — среди безжавших за границу эмигрантов развива-

¹⁴ См. вступительную статью Б. В. Гимельфарба о Валлесе в книге: *Жюль Валлес. Юность*. М. — Л., «Academia», 1934, стр. LVII.

¹⁵ Жюль Валлес. Жан Вентра. М., 1949, стр. 706—708.

ется лихорадочная деятельность. Создаются партийные группировки различных оттенков, каждая из которых упрекает остальных в том, что они завели коня в трясины, и обвиняет их в предательстве и во всевозможных прочих смертных грехах (...). Французская эмиграция после Коммуны также не миновала этой неизбежной участи»¹⁶.

Когда подобного рода взаимные обвинения высказывались на страницах эмигрантской прессы, они были особенно опасны по своим последствиям, так как давали в руки версальских военных судов, расправлявшихся с коммунарами, непреложные свидетельства о действиях участников Коммуны. Вот почему Валлес не позволил себе назвать в пьесе 1872 г. имена подлинных деятелей Коммуны, хотя позднее, после амнистии, в «Инсургенте» этому правилу уже не следовал.

Такова главная причина. Вторую же причиной несомненно был тот тяжелый осадок, который остался в душе писателя, убеждавшегося, что у Коммуны не было настоящей силы и единства, чтобы возглавить великое пролетарское восстание 1871 г. Раскол Коммуны на «большинство» и «меньшинство» по-видимому назревал давно. Свидетель постоянных, бесплодных разногласий и пререканий на заседаниях Коммуны, Валлес не желал говорить об этом в пьесе из простого чувства такта, чтобы не примыкать к хору обвинителей погибшей революции.

Валлес посвятил «Инсургента» — «Павшим в 1871 году, всем жертвам социальной несправедли-

вости, тем, кто с оружием в руках восстал против несовершенного мира и образовал под знаменем Коммуны великую федерацию страданий»...

Это было сказано спустя десять с лишком лет после событий Коммуны. Но в пьесе 1872 г. акцентированы, пожалуй, не столько «страдания», сколько сама борьба «с оружием в руках». И тут естественно важную роль приобретают взгляды писателя на существо и характер этой борьбы.

Если Валлес примкнул к «меньшинству» Коммуны, то не потому, что был каким-то заядлым прудовником и не только из нежелания «совершать плагиат»¹⁷, копируя отжившие методы действий Великой французской революции. Нет, в подписанной им резолюции «меньшинства», отрицавшей необходимость в Комитете общественного спасения, говорилось: поскольку «создание Коммуной любой диктатуры было бы с ее стороны настоящей узурпацией народного суверенитета, мы голосуем против»¹⁸.

«Народный суверенитет»... Валлес верил в Народ, в трудовой Народ, как в воплощение разума, справедливости, честности, как в великую общественную силу, единственно способную реформировать «несовершенный мир». Если мировоззрение Валлеса было не лишено отдельных анархических черт, если он постоянно стремился отстаивать свою «независимость» от всяких теорий, партийных догм и революционных традиций, считая себя свободным солдатом революции «без номера на кепи»,

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 510.

¹⁷ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II. М., 1960, стр. 27.

¹⁸ Там же, стр. 20.

то в одном отношении его позиции были всегда неизменны и ясны — в бесконечной любви и уважении к трудовому народу, к рабочим, особенно в жаркие дни Парижской Коммуны. При этом писатель постоянно видел и понимал, насколько ему, интеллигенту, недостает многих качеств, присущих рабочим.

Незабываем тот эпизод в «Инсургенте», когда, описывая бои финальных дней Коммуны, Вентра пришел в ужас, увидев труп только что расстрелянного коммунарами предателя. Но один из коммунаров с усмешкой промолвил: «Вы хотите сохранить чистенькими ваши ручки на случай суда или для потомства. Это нам, народу, рабочим, достается всегда черная работа... чтобы нас же потом оплевали. Не так ли?» И Вентра продолжает: «Этот разъяренный человек сказал правду. Да, мы хотим войти незапятнанными в историю, хотим, чтобы наше имя не было связано с кровавым удобрением боен. Признайся в этом, Вентра. И не очень-то гордись бледностью, покрывшей твое лицо перед трупом расстрелянного булочника!»¹⁹.

И в другом месте романа Валлес говорит, что никто не в силах «повести [массы — Ю. Д.] на убой», ибо «они несут в самих себе свою скрытую волю, и красноречие всего мира бессильно здесь!». Нельзя думать, продолжает он, что «восстание вспыхивает, когда к нему призывают вожди», потому что «двести тысяч человек, жаждущих битвы, не послушают командиров, если те крикнут им: «Не ходите в бой!»²⁰.

¹⁹ Жюль Валлес. Жак Вентра, стр. 731.

²⁰ Там же, стр. 635.

Воля самого народа есть высший закон революции, считает Валлес. Но тут он прав и неправ. Прав, потому что воля народа к совершению революции — великая и основная ее сила. В. И. Ленин писал: «Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не понимала, что она делает»²¹. Оговоримся, впрочем, что не во всем Коммуна следовала этому «чутью»; вспомнить хотя бы о ее нерешительной позиции по отношению к Французскому банку.

Но Валлес неправ, думая, что массы, творящие революцию, не нуждаются в руководстве. Только, по его мнению, Коммуна быть таким руководителем не сумела — особенно в военных действиях против Версаля, а настоящие руководители военной борьбы народа выдвигались из его массы, как плоть от его плоти (например, Пьер Бодуен). Что делать: общеизвестные ошибки Коммуны были исторически неизбежны. Подлинным, признанным руководителем могучей воли пролетарских масс к свержению капитализма могла быть только французская Рабочая партия, но в дни Коммуны ее еще не существовало: она возникла позже, в 1879 г.

* * *

Каковы бы ни были воззрения Валлеса, но, избрав главным героем своей пьесы борющийся революционный народ, писатель сделал чрезвычайно много для развития той народной темы, которую упорно вводили и ввели в обиход французской ли-

²¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 27, стр. 109.

тературы многочисленные демократические и революционно-демократические поэты XIX в. Они говорили не только о великодушии, прямоте, честности, бескорыстии и моральном здоровье народа (это признавалось также иными буржуазными писателями), но главное,— стремились обрисовать общественный облик массы трудового люда. Они писали о том, что рабочий класс все более осознает необходимость сплоченно добиваться права на труд, общегражданских прав и подлинно человеческих условий жизни, а встречая противодействие со стороны капиталистического строя,— обращается к революционной борьбе против этого строя во имя освобождения Труда во всем мире. Пьеса Валлеса была написана за целых пятнадцать лет до появления в печати знаменитого сборника Эжена Потье «Революционные песни» (1887), где осознание пролетарским авангардом своих исторических целей выражено уже с величайшей энергией, уверенностью, ясностью и художественной силой.

Обрисовывая революционный пролетариат Парижа дней Коммуны, Валлес четко выделил ряд народных типов. Замечателен прежде всего рабочий-кузнец Бодуен, в прошлом активный участник парижского июньского восстания 1848 г. Бодуену присущи стойкая преданность задачам пролетарской борьбы, ум, инициатива, решительность. Во французском издании пьесы его имя сопровождается ремаркой, что прототипом Бодуена послужил старый рабочий-революционер Малезье. Но образ Бодуена, как участника Парижской Коммуны, обобщает также черты многих других рабочих-коммунаров, которых отлично знал Валлес. Поэтому Бодуен наделен вполне ясным пониманием клас-

совых целей пролетариата и провицательно разбирается во всех хитростях тактики буржуазии, стремящейся в дни революции прежде всего к захвату власти, чтобы затем по-прежнему закабалить трудовой народ.

Бодуен неизбежно, по всей логике событий, становится вождем и полководцем бойцов-коммунаров, недовольных бездеятельностью членов Коммуны, тогда как он чутко, быстро и решительно отзывается на все нужды революции. В дни «кровавой недели» именно Бодуен отдает приказ о захвате Французского банка — в осуществление того необходимо нужного мероприятия, которого не раз требовали «гениальным чутьем проснувшихся масс» рядовые бойцы Коммуны²², но на которое Коммуна так и не отважилась. Приказ Бодуена уже не мог быть выполнен в сумятице последних уличных боев с ворвавшимися в Париж версальскими войсками, но Валлес удостоверяет, что эта важная инициатива исходила из самой народной массы.

²² Делегация батальонов национальной гвардии высказывала, например, члену Коммуны, поэту Ж. Б. Клеману, свое недовольство членами Коммуны: «Не воображают ли они, что мы послали их в Ратушу для произнесения речей, в то время как нам дырявят шкуру? [...] Вы только и знаете, что спорите, чтобы сделать все более невозможным для нас получение наших пожитков из ломбарда». «Что было мне ответить?» — пишет Клеман. А один из делегатов добавил: «Мы, право, не понимаем, чего вы колеблетесь принять решительные меры и все только твердите о бедности наших финансов. У нас есть Банк. Ах, черт возьми, да пробейте в нем брешь; если не они, так уж мы-то будем довольны!» (J. B. Clément, *La Revanche des communaux*, t. I. P., 1886—1887, p. 125—126).

Столь же типичен образ сержанта Кермадека, перешедшего 18 марта на сторону восставшего народа. Таких солдат было немало, но Валлес подчеркивает, что Кермадек — бретонский мобиль, то есть представитель наиболее реакционно-настроенной части правительственных войск. Дело, однако, в том, что Кермадек был участником мексиканской войны и убедился, что убивал там людей, которые только отстаивали право на независимость своей родины; он стал размышлять, а, поняв предательские действия «правительства национальной измены», перешел на сторону восставшего народа Парижа. Кермадек становится одним из энергичных бойцов Коммуны, и это он в последние дни ее борьбы отдает приказ поджечь несколько домов, мешающих защите баррикады, следуя совету математика Матуйе²³, своего рода стратега уличных битв. Кермадек — воплощение цельности характера и непоколебимой преданности народному делу, в справедливость которого он верит всей душой.

²³ В образе Матуйе Валлес желал отметить важную роль пролетарской революции, стимулирующей творческую инициативу ученых. На заседаниях Коммуны выражались пожелания, чтобы в борьбе против версальцев были применены все средства, какими только располагает военная наука. По мнению Матуйе, в современной гражданской войне, в уличных битвах, баррикады отжили свой век; вместо них он мечтал о передвижных бронированных крепостях (вроде танков), способных вдобавок раздвигаться по всей ширине улицы. А вместо сожжения нескольких домов он считал более полезным уничтожать целые улицы и кварталы, потому что тактикой правительственных войск было подбираться к баррикаде через проламы стен соседних с ней домов.

Типичен и образ Постреленка. Создав и опозитивировав в «Отверженных» образ Гавроша, юного участника буржуазно-демократических революций, Гюго не понял значения пролетарского восстания 1871 г. и писал о мальчишке-коммунаре уже по-иному. В знаменитом стихотворении из «Грозного года» (вышедшего в апреле 1872 г.) «За баррикадой, на мостовой старинной» поэт воспел лишь его мальчишескую честность и верность данному слову: задержанный версальцами при захвате баррикады мальчуган, которого уже собирались расстрелять, попросил у офицера позволения сбежать домой, передать матери часы — и возвратился... «Смерть устыдилась тут: был мальчик пощажен», — пишет Гюго. Слов нет, поэт создал волнующий образ, но это все-таки не образ участника боевых действий Коммуны.

Своеобразно полемизируя с Гюго, Валлес тоже говорит о мальчишеской честности Постреленка (эпизод с браслетом), которая и здесь восхищает версальского офицера, но то, что стало у Гюго центром изображения, у Валлеса — лишь деталь. Нет, Постреленок — прежде всего юный смельчак-герой, каких было много в Коммуне. Валлес несколько не приувеличивает, изображая Постреленка в X—XI явлениях четвертого акта единственным защитником баррикады, уже оставленной коммунарами: здесь типизирован случай, произошедший в форту Исси, покинутом было 30-го апреля его защитниками-коммунарами: там остался лишь один мальчик, готовившийся как только ворвутся версальцы, взорвать форт и себя вместе с ними. Постреленок — бойкий,мышленный, предприимчивый, бдительный и острый на язык Гаврош Коммуны,

вносящий столько юмора и задора в стремительное развитие событий пьесы. Постреленок всегда и во всем предан революции. Если он «помилуван» версальским офицером и остается у версальцев, то лишь затем, чтобы по-прежнему действовать против них. В последнем акте пьесы он ухитряется пробраться даже к заключенным в тюрьму коммунарам и оказывает им неоценимые услуги.

Типичны и образы женщин, участниц Коммуны. Такова прежде всего мамаша Дюфур, пожилая работница, одна из многочисленных безымянных героинь Коммуны. Мамаша Дюфур — тоже на свой лад образец революционной инициативы и решительности, таящихся в народе. Это она, вместе с другой женщиной, начинает ломать бульварный забор на топливо (дровяные склады Парижа пусты), посягая тем самым на священный институт частной собственности, к ужасу всех буржуа, по ее поступок подсказан необходимостью, вызванной лишениями осады. Глубоко благоговей перед Коммуной, мамаша Дюфур готова прикончить Брийа, заподозрив в нем версальского шпиона. Но эта женщина отнюдь не какая-нибудь «мегера», как ее называли бы версальцы. Нет, она человек с доверчивой и бесхитростной душой, она горячо любит сына, готова не только простить пьяницу-мужа Ландри, обобравшего и бросившего ее, но даже мечтает сделать его честным тружеником. В дни «кровавой недели» она схвачена, но успевает застрелить Ландри, ставшего версальским «усмирителем» и только что спяну убившего собственного сына.

Другой типичный образ участницы Коммуны — Жанна Бодуен, дочь расстрелянного в июне 1848 г.

парижского торговца. Племянница и воспитанница Пьера Бодуена, Жанна всем сердцем предана Коммуне и в ее образе обобщены черты других коммунарок. Арестованная в дни «кровавой недели», Жанна бесстрашно объявляет Бонналю, убийце ее отца, не желая от него никакой пощады, что она не только сестра милосердия, но и участница боевых действий Коммуны, что она стреляла в версальцев и гордится этим. Нельзя не вспомнить здесь о Луизе Мишель, которая тоже была и санитаркой, и стрелком Коммуны. Образ Жанны ярок, но несколько ограничен ее любовными переживаниями; они, впрочем, не делают ее «голубой ролью»: энергичный социальный облик Жанны достаточно четок.

Обогащенный опытом революции 1871 г. Валлес не раз отмечал неоднородность народной массы, где так много передовых, истинных революционеров, но немало и отсталых, нестойких людей. Уже в первом акте характерен спор двух женщин в июне 1848 г., одна из которых уводит мужа домой от предстоящего сражения, другая же, напротив, пойдет с мужем в самое опасное место. Так и в общей массе бойцов Коммуны, наряду с бесстрашными смельчаками вроде Бодуена или капрала Питу, который бросится в горящий дом ради спасения ребенка буржуазной дамы, — встречаются трусливые паникеры, всегда готовые отступить. Прием противопоставления Валлес пользуется вообще очень широко. Он подчеркивает, что рабочие-инсургенты июньского восстания 1848 г. оплачивают лавочнику взятые у него съестные припасы, тогда как мобили грабят его лавку, а когда тот протестует — расстреливают его. Не менее ясно

видел Валлес и противоречия в лагере версальских победителей в дни «кровавой недели»: одни из них захватывают баррикаду коммунаров, повинуясь своему «воинскому долгу», и даже жалеют, что не сражались так ожесточенно против пруссаков, как теперь против своего же народа. И они же с отвращением относятся к тем «мясникам» из карательного отряда, руководимого лейтенантом Ландри, которые без суда расстреливали захваченных в плен коммунаров.

Революционный опыт Валлеса побудил его пересмотреть и вопрос о богеми, которую он считал ранее всегда готовой броситься в восстание. Часть его прежних друзей действительно примкнула к Коммуне, но не таковы другие представители богемы. Взять, например, Адель Шовело, дочь казненного инсургента 1848 г., которая сначала была работницей, но предпочла стать лореткой, или одного из ее любовников, Ракателя, в прошлом весьма нестойкого участника того же июньского восстания, по чистой случайности попавшего затем в ссылку, что утвердило за ним репутацию революционера. Накануне Коммуны бездельник Ракатель уже далек от всяких мыслей о революции, а мечтает лишь подороже продаться тем, в чьих руках будет власть. Он довольно искусно навязывает свои услуги буржуазному республиканцу Дюбрэ-Флошени, а затем, под влиянием Адели Шовело, становится платным шпионом Версаля, лживым писакой версальских газет и мелким провокатором среди коммунаров. Услуги этого мерзавца вероятно будут вознаграждены. Не без умысла, конечно, Валлес сделал его фамилию столь похожей на того Дюкателя, который сообщил утром 21 мая версаль-

ским войскам, что ворота Сен-Клу не охраняются коммунарами — и в три часа дня версальцы ворвались в Париж. Лиссагаре называет Дюкателя «добровольным шпионом», а один художник-коммунар, Фостен, изобразил Дюкателя в виде нерукотворного образа на плате, уподобив шпиона — Христу (Дюкатель действительно стал кумиром буржуазии, осыпавшей его деньгами и орденами). Намереваясь создать некую типическую биографию шпиона Версаля, Валлес избрал для этого представителя богемы, циничного и архипродажного лже-революционера.

Героическому, самоотверженному и бескорыстному революционному народу Парижа противопоставлены в пьесе представители буржуазии, вроде адвоката Дюбрэ-Флошени, поглощенного желанием урвать себе доходное местечко после переворота 4 сентября. Красноречивы сцены третьего акта, где, в связи с провозглашением Третьей республики, идет речь о создании правительства национальной обороны, никем не избираемого, а самочинно образовавшегося из наиболее проворных и именитых буржуазных республиканцев, раздающих друг другу министерские портфели. Свидетель этого гнусного торга, журналист Брииа, революционный демократ, полон возмущения и решает снова взяться за издание своей газеты, которая раньше нападала на Империю, а теперь будет громить этих захватчиков народной победы.

Брииа, первый набросок будущего Жака Вентра — образ автобиографический, но в то же время типизирующий поведение интеллигента-революционера в пролетарской революции. В пору осады Брииа с благородством отказывается от ордена за

храбрость на войне, потому что он только исполнял свой долг (тут Валлес мог вспомнить о таком же отказе Лисбонна). Брийа горячо предан Коммуне. Валлес обрисовывает его мужество в тот момент, когда Брийа, арестованный коммунарами по подозрению в измене и чуть было сгорая не расстрелянный, отказывается объяснить им свое загадочное поведение: он выполнял секретное стратегическое поручение Коммуны и может дать отчет только руководителям ее военных действий. Но Валлес, как всегда, правдив и самокритичен: он отмечает и интеллигентские колебания Брийа, ведущие к политическим ошибкам: так, например, Брийа отпускает на свободу арестованного Бонналя, приходит в ужас при мысли о необходимости поджечь дома, мешающие обороне баррикады, и не решается, в отличие от Бодуена, отдать приказ о захвате Банка.

Дело с арестом Брийа разъясняется в той префектуре полиции, где теперь вершат дела коммунары и по поводу которой реакционеры напели столько клеветнического вздора о якобы происходивших там невероятных жестокостях и даже «оргиях». Опять-таки не называя имен настоящих работников префектуры, Валлес дает возможность убедиться, как внимательно и подробно рассматривались здесь всякого рода обвинения и необоснованные доносы. Представляется только некоторой натяжкой, что за обязанности следователя, в отсутствие куда-то вызванного Давида, берется Пьер Бодуен; в пьесе он показан преимущественно в своей руководящей фронтовой военной деятельности, не оставляющей ему времени ни для чего другого, а тут вдруг оказывается, что у него есть и

какой-то свой «кабинет» в префектуре. Натяжка очевидна, и это один из недочетов пьесы, несомненно, написанной наспех и недостаточно внимательно отредактированной Анри Белланже²⁴.

Последний акт пьесы посвящен военному суду над арестованными коммунарами. Известно, что представляли собою эти суды с их короткой и беспощадной расправой. Валлес обрисовал гордое достоинство Кермадека, Бодуена и капрала Питу, заранее знающих, какой приговор их ожидает. Так снова на сцене побежденный народ и эксплуататорские классы, празднующие свое победное торжество. Вместе с тем Валлес — зоркий художник — не может не отметить, что версальские судьи вовсе не однородная масса тупых убийц: нет, создавая отвратительные типы судебных тиен, старающихся угодить Тьеру большим числом смертных приговоров, он по-другому говорит о Боннале, который, каким бы реакционером ни был, все же считает, что суд должен руководствоваться существующими законами. Несомненно, такие отдельные судьи существовали, но не они определяли собой деятельность военно-судейской версальской машины. На этот раз создать типичный образ Валлесу не удалось.

²⁴ Всякого рода недосмотров немало. Так, в перечне персонажей 1-й картины сказано, что Луи Бодуен — инсургент, но в июньском восстании он не участвует, разве только сочувствует ему. Во второй картине (явление XII) непонятно, откуда известно Пьеру Бодуену, что тело Виктора Нуара перенесено к брату последнего: Брийа об этом не говорил. В 6-й картине (явление III) неведомо почему в кармане Ракателя, к его удивлению, оказывается бланк Дюваля. В 8-й картине (явление V) говорится о трехцветном флаге, а в явлении VIII он оказывается белым, и т. д. Что касается фактических неточностей Валлеса, то они оговорены в комментариях.

Наиболее условной стороной «Парижской Коммуны» является ее романтическая интрига, придающая некоторым картинам привкус мелодрамы: Брийа любим двумя женщинами, каждая из них готова принести себя в жертву для его счастья, — богатой г-жой де Верна, желающей отвлечь его от революционной борьбы, и работницей Жанной, подобно ему, горячо преданной Коммуне. В конце концов Брийа отвергает любовь г-жи де Верна, остается с Жанной и вместе с нею совершает побег из тюрьмы.

Такова эта пьеса — величавая, эпически широкая и страстная картина непримиримой борьбы двух враждебных общественных лагерей. Победа на этот раз была выиграна капиталистическим миром, но это не умалет ни героизма, ни самоотвержения, ни святой жертвенности парижских пролетариев.

Не лишенная известных недочетов, «Парижская Коммуна» — один из замечательных памятников литературы коммунаров на тему о пролетарской революции 1871 г. Эта единственная в истории французской драматургии XIX в. пьеса о рабочем классе, всею массой восставшем против своих поработителей, — и здесь народная тема получила свою наиболее полную, сильную и убеждающую художественную интерпретацию.

Являясь пока пьесой для чтения, «Парижская Коммуна», вероятно, все же возможна — в сценическом варианте — для постановки на сцене. Впрочем, некоторые французские критики выражают не лишенную основания мысль, что легче было бы ее экранизировать: в кинокартине творческий замысел Валлеса мог бы сохраниться во всей своей полноте,

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Малезье* — французский рабочий, участник революций 1830, 1848 и 1871 г. Был сослан после июньского рабочего восстания 1848 г. и снова попал в ссылку после Парижской Коммуны. Об его пребывании во второй ссылке рассказывают в своих воспоминаниях Паскаль Груссе, Журд и Анри Боэр. Возвратясь во Францию после амнистии 1880 г. и будучи уже стариком, Малезье впал в нищету и покончил с собою в 1883 г. Трагическому концу Малезье Валлес посвятил очерк, напечатанный 13 марта 1883 г.

² *Мобили* — иначе мобильная (подвижная) гвардия. Временное правительство 1848 г. направило эту гвардию из подростков мелкобуржуазной, люмпен-пролетарской, а частью и из трудовой народной среды, заманив их высокой платой. Мобили были использованы как помощь регулярным войскам для подавления июньского восстания и действовали с крайней жестокостью. После того как президентом Второй республики стал Луи-Наполеон Бонапарт (10 декабря 1848 г.), мобильная гвардия была сначала сокращена, а далее распущена. В 1868 г. она была возрождена. Вторую империю, но уже в другой форме, в виде объединения всех мужчин, в возрасте от 20 до 40 лет, не вошедших ни в регулярные войска, ни в резерв.

³ *24 июня 1848 года* — было вторым днем рабочего парижского восстания, продолжавшегося с 23 по 26 июня и вызванного безработицей, нищетой и голодом громадной массы парижских рабочих, а также роспуском национальных мастерских, где Временное правительство сначала предоставило заработок части рабочих и ремесленников.

⁴ *Кавеньяк Эжен-Луи* (1802—1857) — французский генерал, один из буржуазных республиканцев, ставших у власти после революции 1848 г.; возглавлял действия вооруженных сил правительства, разгромивших июньское восстание 1848 г.

⁵ *Учредительное Собрание* — выборы в это Собрание, целью которого было укрепить дальнейшее существование Второй республики, произошли 23 апреля 1848 г. и обеспечили победу буржуазным республиканцам (сторонникам «порядка»).

⁶ *Предыдущий декрет* — постановление Комиссии исполнительной власти о роспуске национальных мастерских, предписывавшее всем занятым здесь молодым рабочим в возрасте от 18 до 25 лет вступить в армию, остальным же немедленно отправиться на работы в провинцию Сольнь: правительство желало очистить Париж от революционно-настроенной рабочей массы.

⁷ *Клеман Томá* (1809—1871) — французский генерал; в дни рабочего июньского восстания 1848 г. он был еще полковником. Расстрелян 18 марта 1871 г. восставшими солдатами.

⁸ *Общество Времен года* — одно из тайных республиканских обществ, возникшее после 1837 г. Общество было причастно к парижскому восстанию 1839 г., предпринятому бланкистами, но просуществовало до революции 1848 г., причем в составе его было в эту пору немало полицейских шпионов и вообще неустойчивых членов — «изменников» — вроде генерала, которого пытались застрелить гвардейцы.

⁹ *Курне* — речь идет о баррикаде, которую защищал бывший офицер Курне, перешедший на сторону революционных рабочих.

¹⁰ *Нет, нам, бойцам отчаянья, Изменяй сыновья!* — Несколько измененные стихи из песни поэта-рабочего Гюстава Леруа (1818—1860) «Бойцы отчаянья» (полный ее текст см. в антологии «Поэзия французской революции 1848 года». М.,

1948). Слова Шовело-сына «это песенка моего папаша» — ошибка Валлеса: песня была сложена Гюставом Леруа после разгрома июньского восстания, и 24 июня ее еще не существовало.

¹¹ *Принц-убийца*. — Речь идет о принце Пьере Бонапарте (кузене Наполеона III), застрелившем у себя дома 10 января 1870 г. журналиста Виктора Нуара, который принес ему вызов на дуэль от Паскаля Груссе, сотрудника газеты «Марсельеза». В феврале 1870 г. Пьер Бонапарт был отдан под суд, но оправдан судьями, подкупленными правительством Империи. Об обстоятельствах убийства Виктора Нуара много говорится в «Инсургенте» Валлеса и в «Воспоминаниях о моей жизни» Анри Рошфора (русский перевод — М. — Л., «Academia», 1933).

¹² *«Голос народа»*. — В 1869 г. в Париже выходила газета под названием «La Voix du peuple tribune de la démocratie»; возможно, что это и была та газета, о которой упоминают в пьесе. Вообще же это было популярное заглавие ряда французских демократических газет.

¹³ *«Интернационал»* — Международное товарищество рабочих (I Интернационал) было основано в Лондоне в 1864 г., а к концу 60-х годов имело во Франции, особенно в Париже, много секций. В 1867 и 1868 гг. они подверглись судебным преследованиям, но продолжали расти и объединились 18 марта 1870 г. в Парижскую Федерацию. Правительство Империи безуспешно пыталось разгромить Федерацию, организовав судебный процесс 22 июня 1870 года.

¹⁴ *...бывшему защитнику баррикады Сен-Мери*. — Речь идет об известном парижском восстании 5 и 6 июня 1832 г. и о баррикадах близ церкви Сен-Мери (Saint-Méry). Восстание было поднято левыми республиканцами-демократами против Июльской монархии. Оно нашло отражение во многих современных ему политических песнях, очерках, романах, а позднее увековечено в «Отверженных» Виктора Гюго.

- ¹⁵ *Барбес Арман* (1809—1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ, один из популярнейших деятелей республиканской борьбы XIX в.
- ¹⁶ *«Марсельеза»* — газета оппозиционного Второй империи направления, издававшаяся с декабря 1869 г.
- ¹⁷ *Убит одним из Бонапартов* — принцем Пьером Бонапартом (см. прим. 11).
- ¹⁸ *Мы отнесем его в редакцию «Марсельезы»*. — Переносу тела Виктора Нуара воспротивился его брат; в похоронном шествии, происходившем 12 января, приняло участие около 200 000 человек.
- ¹⁹ *...декабрьский убийца* — Наполеон III; 2-го декабря 1851 г. Луи-Наполеон Бонапарт совершил кровопролитный переворот, положив конец существованию Второй республики; переворот сопровождался массовыми репрессиями и привел к возникновению Второй империи.
- ²⁰ *...как в Обене*. — 8 октября 1869 г., во время забастовки углекопов Обена (на юге Франции, в департаменте Авейрон) войска открыли огонь по забастовщикам; было множество жертв.
- ²¹ *Четвертое сентября* 1870 года. — Это был день свержения Второй империи в результате неудачной для Франции войны, начатой в июле 1870 г. против Пруссии. Позорнейшее поражение 1 сентября 1870 г. при Седане, когда сотысячная французская армия сдалась в плен во главе с Наполеоном III, который лично отвез свою шпагу прусскому полководцу, переполнило чашу терпения парижских масс. 4 сентября была провозглашена Третья республика.
- ²² *Гамбетта Леон* (1838—1882) — видный участник партии буржуазных республиканцев и активный представитель оппозиции при Второй империи; избранный 4 сентября членом правительства национальной обороны, успешно организовывал в провинции вооруженные силы для продолжения войны с пруссаками. После Парижской Коммуны долгие годы противился требованиям всеобщей амнистии для коммунаров, но, став председателем Палаты депутатов, вынужден был провести закон о ней 11 июля 1880 г. под влиянием резко возросших требований парижского рабочего класса.
- ²³ *Рошфор Апри* (1830—1913) — знаменитый французский публицист, автор прогремевшего памфлета «Фонарь», без устали бичевавшего Вторую империю, и главный редактор республиканской газеты «Марсельеза». Постоянно преследуемый полицией и судами Империи, находился в тюрьме накануне ее падения. Был избран в состав правительства национальной обороны. При Коммуне издавал лево-республиканскую газету «Модорд». Был сослан в Новую Каледонию.
- ²⁴ *Баденге* — насмешливое прозвище Наполеона III, который при Июльской монархии пытался произвести бонапартистский переворот, был заключен в тюрьму, но бежал из нее в 1846 г., переодевшись в отрепья работавшего там каменщика Баденге.
- ²⁵ *Мак-Магон Эдм-Патрис-Морис де* (1808—1893) — французский маршал, завоевавший популярность во время Крымской войны, но разбитый пруссаками 6 августа 1870 г. в сражении при Рейхсгоффене и раненный при Седане. Был президентом III республики с 1873 по 1879 г.
- ²⁶ *Фроссар Шарль-Огюст* (1807—1875) — французский генерал, проигравший сражение при Форбахе 9 августа 1870 г.
- ²⁷ *Капробер Сертен* (1809—1896) — французский маршал, мужественно оборонявшийся в сражении при Сен-Прива 18 августа 1870 г.
- ²⁸ *Меленг Этьен-Мари* (1808—1875) — известный французский актер.
- ²⁹ *Геприх Пятый* — так именовали графа де Шамбора (1820—1883), внука короля Карла X (сверг-

нутаго революцией 1830 г.), претендента на французский престол после падения Второй империи. Последний потомок старшей ветви династии Бурбонов, проживавший в изгнании, в Шотландии, граф де Шамбор действительно чуть было не стал королем Франции в 1873 г., вследствие резко обострившейся борьбы против Третьей республики со стороны легитимистов и клерикалов.

³⁰ *Орлеаны* — младшая ветвь королевского дома Бурбонов, овладевшая престолом Франции в лице короля Луи-Филиппа Орлеанского (1773—1850), который правил Францией после революции 1830 г. и был свергнут революцией 1848 г.

³¹ *...к выборам офицеров.* — Это мероприятие осуществлялось в обстановке острой политической борьбы. Революционные массы осажденного Парижа требовали смены реакционного командного состава батальонов национальной гвардии путем избрания лево-настроенного офицерства. Правительство национальной обороны постоянно противилось этим требованиям, но по мере возникновения новых, все более пролетаризировавшихся по своему составу батальонов национальной гвардии, выборы офицеров происходили стихийным порядком.

³² *Мы идем в Палату... выбросить левых в окно...* — Под Палатой здесь подразумевается Законодательный Корпус Второй Империи, низшая парламентская инстанция по сравнению с Сенатом. В словах Бодуена звучит ненависть пролетарского Парижа к той группе буржуазных либералов и умеренных республиканцев, которые составляли в Законодательном Корпусе (за исключением одного Анри Рошфора) робкую, половинчатую и соглашательскую «оппозицию» правительству Империи. Этого рода «левыми» были Тьер, Гамбетта, Ферри, Фавр, Симон и другие.

³³ *Мазас* — тюрьма в Париже, главным образом, для политических заключенных; такова же ча-

стью была и упоминаемая ниже (стр. 79) тюрьма *Сент-Пелажи*.

³⁴ *Палата дурацких колпаков распушена!* — Речь идет о ликвидации Законодательного Корпуса Империи.

³⁵ *...оно лучше, чем Тюильри.* — В здании парижской Ратуши были провозглашены временные правительства тотчас же после Июльской революции 1830 г. и Февральской революции 1848 годов. Тюильрийский дворец был местопребыванием Наполеона III. Дюбрю-Флошен полагает более выгодным для себя держаться поближе к Ратуше.

³⁶ *Османн* Эжен-Жорж (1809—1891), барон — один из видных деятелей Второй империи, произведший перепланировку и перестройку Парижа. Был префектом департамента Сены, то есть и города Парижа.

³⁷ *Петтион, мэр Парижа* — речь идет о Жероме Петтоне де Вильнев (1756—1794), участнике Великой французской революции, жирондисте, назначенном мэром Парижа в ноябре 1791 г. Вопреки преувеличенным представлениям Дюбрю-Флошена, Петтион де Вильнев, в качестве мэра Парижа, лишь отчасти способствовал 10 августа 1792 г. свержению монархии Людовика XVI, так как разделял общие колебания жирондистов в этом вопросе.

³⁸ *Фавр* Жюль (1809—1880) — буржуазный республиканец, министр иностранных дел в правительстве национальной обороны.

³⁹ *Симон* Жюль (1814—1896) — буржуазный республиканец, министр просвещения в правительстве национальной обороны.

⁴⁰ *Гарнье-Пажес* Луи-Антуан (1803—1878) — буржуазный республиканец, член Временного правительства в 1848 г., инициатор закона о дополнительном 45-сантимовом налоге, восстановившем крестьянство против Второй республики. Член правительства национальной обороны, но активной роли в нем не играл.

- ⁴¹ *Преторианцы* — телохранители римских императоров; здесь же речь идет о тех буржуазных республиканцах (из числа членов правительства национальной обороны и их приверженцев), которые в своей враждебности к народным массам Парижа являются скорее сторонниками павшей Империи, чем республиканцами.
- ⁴² *Бомбардировка Парижа* осадившей его (с 17 сентября 1870 г.) прусскою армией началась 27 декабря. На первых порах обстреливались восточные укрепления Парижа, а в ночь на 6 января 1871 года пруссаки принялись бомбардировать жилые кварталы. Обстрел этот, продолжавшийся долгое время, прекратился после соглашения о временном перемирии, подписанном 28 января.
- ⁴³ *Внешний вид национальной гвардии изменился.*— Состав национальной гвардии сильно пролетаризировался за время осады, и в ее рядах было уже много рабочих и ремесленников, одетых не по форме, в отличие от буржуазной национальной гвардии Второй империи.
- ⁴⁴ *...бретонских мобилей.*— Речь идет о той мобильной гвардии, которая была создана в 1868 г. и в пору войны играла роль пополнения, в данном случае пришедшего из Бретани. Бретонские мобили были особенно консервативны и слепо подчинялись распоряжениям генерала Трошю.
- ⁴⁵ *...в старую форму.*— Ружья одеты по старой форме национальной гвардии — в отличие от новых национальных гвардейцев из рабочих, которых правительство национальной обороны не желало обмундировывать (из простой неприязни к ним) и у которых не было средств приобрести обмундирование на собственный счет.
- ⁴⁶ *...пойду в Версаль.*— Во время осады Парижа Версаль был уже оккупирован прусскою армией.
- ⁴⁷ *Мародеры.*— В данном случае говорится о голодных парижанах времен осады, которые с риском для жизни, под огнем пруссаков, копали овощи за укреплениями Парижа.
- ⁴⁸ *Ла Кордери* — площадь в Париже, где в одном из домов во время осады происходили заседания ряда революционных и социалистических организаций: Федерального Совета парижских секций I Интернационала, Федеральной Палаты рабочих обществ, а также Центрального Комитета двадцати округов Парижа. К началу 1871 г. Комитет стал руководящим центром революционно-пролетарской борьбы.
- ⁴⁹ *...в сражении при Ле Бурже.*— В местечке Ле Бурже под Парижем 28—30 октября и 21 декабря 1870 г. произошли два кровопролитных сражения, проигранных парижскими регулярными войсками и национальной гвардией.
- ⁵⁰ *...31 октября.*— 31 октября 1870 г. вспыхнуло восстание, впервые провозгласившее лозунг Парижской Коммуны; пролетарские батальоны национальной гвардии захватили Ратушу и объявили правительство национальной обороны низложенным. Однако в ночь на 1 ноября верные правительству регулярные войска проникли в Ратушу и освободили арестованных министров.
- ⁵¹ *...квартирную плату.*— Во время осады Парижа правительство национальной обороны вынуждено было принять решение о временном приостановлении платы за квартиру из-за усилившейся безработицы парижского трудового люда, возросшей дороговизны и других лишений, от которых особенно страдали неимущие массы.
- ⁵² *...о приказе Клемана Томэ.*— Упоминается оскорбительный приказ главнокомандующего национальной гвардией генерала К. Томэ, который обвинил в трусости один из ее батальонов, проявивший под огнем прусских пушек временное замешательство. Приказ Томэ, опубликованный в декабре 1870 г., отвечал общему стремлению правительства национальной обороны подорвать в глазах парижского населения авторитет пролетаризовавшейся национальной гвардии и вызвал протесты не только со стороны револю-

ционных кругов, но и некоторых буржуазных газет.

⁵³ *...пачка красных афиш...*— 5 января 1871 г. на улицах Парижа были расклеены красные афиши, подписанные членами ЦК двадцати округов Парижа и призывавшие население к восстанию против правительства национальной обороны, обвиняемого в предательских действиях.

⁵⁴ *Трошю Луи Жюль* (1815—1896) — французский генерал, глава правительства национальной обороны, руководивший обороной осажденного Парижа и прославившийся на этом посту полной бездарностью.

⁵⁵ *«До последней крайности»*.— Правительство национальной обороны уже 19—20 сентября 1870 г. пыталось начать тайные переговоры с Бисмарком об условиях перемирия. Возмущение парижан, узнавших об этих переговорах, вынудило правительство отклонить захватнические требования Бисмарка и объявить, что оно стоит за «сопротивление до последней крайности». Выражение это, т. е. требование упорной и стойкой борьбы с пруссаками, было в широком ходу среди народных масс осажденного Парижа. В ноябре 1870 г. ЦК двадцати округов создал даже специальную «Республиканскую лигу борьбы до последней крайности».

⁵⁶ *Диаз* (1809—1876) — французский художник-живописец.

⁵⁷ *Гудон Жан-Антуан* (1741—1828) — знаменитый французский скульптор.

⁵⁸ *...Леконт там, наверху* — см. ниже «Объявление о захвате Монмартра».

⁵⁹ *Монтрету, Бюзенваль*.— Оба эти местечка в окрестностях Парижа были отбиты 18 января 1871 г. у пруссаков национальной гвардией, но генерал Трошю тотчас же приказал ей отступить, основывая свое решение на предполагавшемся 20 января начале переговоров о капитуляции Парижа.

Объявление о захвате Монмартра...— Афиша Тьера, расклеенная в Париже утром 18 марта, оповещала парижан о занятии регулярными войсками Монмартрского холма. Целью правительства было вывести стоявшие там 250 пушек национальной гвардии, т. е. начать разоружение революционных масс Парижа. Захвату пушек оказал сопротивление находившийся на холме народ, особенно женщины. Посланный правительством в подкрепление войскам батальон 88-го пехотного полка присоединился к народу. Началось восстание. Генерал Леконт, командир 88-го полка приказал войскам открыть огонь по восставшим, но приказ его не был выполнен: генерал был схвачен солдатами его же полка, а позже расстрелян вместе с опознанным на улице, переодетым в штатское, генералом Клеманом Томá.

⁶¹ *Юный принц*.— Имеется в виду сын Наполеона III, принц Эжен-Луи Бонапарт (1856—1879).

⁶² *Базен* Ашиль (1811—1888) — французский маршал, изменнически сдавший пруссакам 25 октября 1870 г. сильную крепость Мец с громадным гарнизоном; в 1873 г. был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением; бежал из тюрьмы и конец жизни провел в Испании.

⁶³ *Упряжки* — речь идет о вывозе пушек с Монмартрского холма. Когда генерал Леконт захватил было эти пушки, вывезти их ему не удалось: артиллерийские упряжки вовремя не приехали.

⁶⁴ *Винца*, Жозеф (1800—1880) — французский генерал, сменивший в январе 1871 г. генерала Трошю на посту начальника военной обороны Парижа; ярый реакционер, он запретил ряд революционно-демократических и социалистических газет и быстро восстановил против себя парижский пролетариат.

⁶⁵ *Она оплатила ит стоимость*.— Правительство национальной обороны, всего более помышлявшее

о мире с Пруссией, систематически тормозило производство пушек в Париже. Дело кончилось сбором денег на пушки среди парижского населения, причем особенно горячее участие в этом приняли беднейшие слои населения, рабочие и пролетаризовавшаяся национальная гвардия.

⁶⁶ ...*мишат их жалованья*.— Национальные гвардейцы не имели никакого продовольственного пака, а получали полтора франка в день на пропитание себя и семьи, а также пособие на лену.

⁶⁷ *Центральный Комитет*.— Речь идет здесь о Центральном Комитете национальной гвардии (далее — ЦКНГ). Он образовался 24 февраля 1871 г., а с 18 марта стал законной властью революционного Парижа, которую и передал затем Парижской Коммуне, провозглашенной 28 марта.

⁶⁸ *Федераты* — так назывались вооруженные отряды добровольцев провинции, отправлявшиеся в 1792 г. в Париж и сыгравшие немаловажную роль в свержении монархии. В пору Парижской Коммуны 1871 г. название это возродилось в применении к национальным гвардейцам, защитникам Коммуны.

⁶⁹ ...*объявление Тьера* — см. примечание 60.

⁷⁰ *Шатийон*.— Холм Шатийон, защищавший с южной стороны форты Парижа, был захвачен прусскою армией 19 августа 1870 г.

⁷¹ ...*вернулся из Германии*.— В марте 1871 г. прусское командование разрешило возвратиться во Францию части военнопленных — для усиления войск Тьера, задачей которых было «усмирить» революционный Париж. Поддавшись версальской пропаганде, выдававшей коммунаров за прусских агентов, возвратившиеся военнопленные особенно свирепо сражались с защитниками Коммуны.

⁷² *Париж не сдастся бы!*— Соглашение о временном (трехнедельном) перемирии, подписанное 28 января 1871 г., сопровождалось тем, что пуш-

ки окружающих Париж фортов были сданы пруссакам. Но правительство национальной обороны еще не осмеливалось разоружить рабочих Парижа. Прусские войска ознаменовали свою победу трехдневным (1—3 марта) пребыванием в западной части Парижа, которое прекратилось после того, как Национальное Собрание утвердило преиминарный мирный договор.

⁷³ *Шампиньи*.— Местечко под Парижем, где произошло трехдневное сражение (30 ноября — 2 декабря 1870 г.) между прусскими и французскими войсками.

⁷⁴ *Ротный делегат*.— Роты и батальоны национальной гвардии в пору осады Парижа избирали своих солдатских уполномоченных (делегатов). Функции делегата заключались в укреплении авторитета командира, а также в наблюдении и донесении об его действиях, но без вмешательства в его распоряжения. Обязанности делегатов были окончательно установлены уже в пору Коммуны циркуляром Центрального Комитета национальной гвардии от 17 мая 1871 г.

⁷⁵ *Долой деревенщину!* — 8 февраля 1871 г. правительство национальной обороны произвело выборы в Национальное Собрание, целью которого было выработать условия заключения мира. Выборы происходили путем всеобщего, тайного и прямого голосования по всем округам Франции, в результате чего оказались избранными свыше 400 реакционеров, монархистов всех мастей (легитимистов, орлеанистов и бонапартистов), а республиканцы и радикалы получили лишь около 200 мест. По имени реакционеров, в большинстве случаев помещиков, Национальное Собрание получило прозвище «деревенщины».

⁷⁶ *Башия Сольферино*.— Памятник, поставленный в Париже при Второй империи в ознаменование победы французских войск над австрийскими в битве при итальянском городе Сольферино 24 июня 1859 г.

⁷⁷ *Помните его афишу?* — 22 января на улицах Парижа была расклеена афиша Клемана Тома, главнокомандующего национальной гвардией, объявляющая, что группа революционеров в ночь с 21 на 22 января напала на тюрьму Мазас и освободила ряд заключенных. Афиша обвиняла парижских революционеров в том, что они являются прусскими агентами и подрывают оборону бомбардируемого врагом Парижа.

⁷⁸ *Долой Тьера!* — Адольф Тьер (1797—1877), публицист, историк и политический деятель, орлеанист, был избран Национальным Собранием 19 февраля 1871 г. «главою исполнительной власти французской республики»; в 1872 г. он стал первым президентом Третьей республики. Был самым лютым врагом Парижской Коммуны и вдохновителем беспощадной расправы с коммунарами.

⁷⁹ *...вопросы о квартирной плате и о сроке погашения векселей.* — Реакционное большинство Национального Собрания провело 10 марта 1871 г. закон об отмене моратория (отсрочки), принятого во время осады правительством национальной обороны, и предоставило право владельцам движимого и недвижимого имущества требовать погашения в срок задолженности, связанной с наймом жилых помещений и с денежным кредитом. Закон этот был в первую очередь обращен против немущих масс Парижа.

⁸⁰ *...демократически избранного Совета...* — Во Франции существовало немало учреждений вроде Государственного Совета, департаментских Советов, Советов округа, члены которых частью назначались, а частью выбирались. Дюран мечтает об избрании парижского Муниципального Совета (органа городского самоуправления). Это требование было одним из важнейших пунктов программы Парижской Коммуны и пользовалось большой популярностью среди трудовых масс Парижа.

⁸¹ *Женевьева Брабантская* — героиня одной ста-

ринной французской легенды, графиня, оставшаяся беременной после отъезда мужа на войну и ставшая жертвой любовных преследований неверного вассала. Спасшись в лесных дебрях от него и от посланных им убийц, была впоследствии найдена охотившимся там мужем.

⁸² *Генерал-коммунар Дюваль.* — Эмиль-Виктор Дюваль (1840—1871), рабочий-литейщик, член I Интернационала, активный участник борьбы против Второй империи и правительства национальной обороны, член ЦКНГ, избранный в члены Парижской Коммуны, стоял за немедленные военные действия против Версаля. 24 марта был назначен генералом, и 3 апреля командовал одной из трех колонн войск Коммуны, направлявшихся на Версаль. Утром 4 апреля был окружен версальцами и тщетно пытался пробиться к Парижу. По приказу генерала Винца, командовавшего версальскими войсками, Дюваль, объявивший себя начальником колонны коммунаров, был тут же расстрелян вместе с двумя другими офицерами. Эти бессудные расстрелы и возмущительно жестокое обращение версальцев с пленными коммунарами побудили Коммуну принять декрет о заложниках, который грозил за расстрел каждого взятого в плен коммунара ответить расстрелом трех заложников.

⁸³ *Лион, Марсель уже подняли красный флаг.* — Парижская Коммуна вызвала ряд откликов в провинции. В Лионе Коммуна была провозглашена 22—25 марта и еще раз, уже с кровавыми боями, 30 апреля. Наиболее продолжительным явилось существование Коммуны в Марселе — с 23 марта по 2 апреля. Восстания в поддержку Парижской Коммуны произошли также в Тулузе (с 23 по 27 марта), в Нарбонне (с 24 по 31 марта), в Сен-Этьене (с 24 по 28 марта) и в некоторых других городах.

⁸⁴ *позавчерашняя атака...* — 2 апреля 1871 г. войска, преданные правительству, бежавшему в Версаль, обстреляли Париж, положив начало гражданской войне. Ответным мероприятием

Коммуны был поход 3—4 апреля отрядов национальной гвардии на Версаль.

⁸⁵ *Сэр Галифакс*.— Во французском издании пьесы Валлеса указано, что прототипом этого персонажа, участвовавшего уже в 4-й картине, послужил англичанин Ричард Уоллес. Последний находился в Париже с начала франко-прусской войны, организовал на собственные средства военный госпиталь, а во время осады производил благотворительный сбор средств в помощь нуждающимся парижанам, лично пожертвовав на эту цель 100 000 франков. Организованный им госпиталь продолжал работать и в дни Коммуны, оказывая помощь раненым коммунарам. В 1872 г. Уоллес подарил городу Парижу сотню уличных фонтаников с питьевой водой, посвятив его имя; некоторые из них сохранились и в современном Париже.

⁸⁶ *Жекер Ж. Б.* (1810—1871) — французский банкир (швейцарец по происхождению) и финансист-спекулянт, наживший громадное состояние на мексиканской войне, в которую он втянул Вторую империю, дав колоссальную взятку герцогу Морни. Расстрелян Коммуной в числе других заложников.

⁸⁷ *Мюлен-Сакс*.— В ночь с 3 на 4 апреля редут Мюлен-Сакс был захвачен версальцами с помощью предательства, и его защитники были перерезаны спящими.

⁸⁸ *«Голубь»* — реакционно-монархическая газета; издавалась в Париже, но в дни Коммуны стала выходить в Версале.

⁸⁹ *Футрике* — насмешливое прозвище, данное Тьеру коммунарами и означающее: недоносок, сопляк и т. п.

⁹⁰ *...о ночной работе пекарей*.— Еще с 1869 г. парижские рабочие-пекари вели борьбу за то, чтобы их работа в булочных производилась днем, а не ночью. 20 апреля Парижская Коммуна приняла декрет о запрещении ночной работы пекарей.

⁹¹ *...снова письма о предательстве Домбровского!*— Ярослав Домбровский (1830—1871), польский революционер, был во время Коммуны командующим одной из ее армий. Подобно другим военачальникам Коммуны, нередко являлся объектом необоснованных подозрений и обвинений. Был смертельно ранен на баррикадах Коммуны 23 мая 1871 г.

⁹² *Петерс*.— Речь идет о кафе Петерса, посещавшемся биржевиками и сотрудниками мелкой парижской прессы.

⁹³ *...о трехцветных нарукавных повязках*.— В дни Коммуны Париж изобиловал всякого рода контрреволюционными заговорами. В данном случае упоминается о заговоре так называемых «брассардье», которые при вступлении версальских войск в Париж должны были надеть трехцветные нарукавные повязки, дабы их не принимали за коммунаров, а также снабдить ими первые ворвавшиеся в Париж версальские войска. Брассардье вели шпионскую и вредительскую работу в интересах Версаля, а в дни «кровавой недели» оказались доносчиками и активными участниками расправы над коммунарами.

⁹⁴ *Вдова Лезран*.— Сведений об этом лице в трудах историков Парижской Коммуны не сохранилось.

⁹⁵ *...переговоры об обмене Бланки*.— Луи-Огюст Бланки (1805—1881), знаменитый французский революционер, проведший половину жизни в тюрьмах, был заочно приговорен правительством национальной обороны к смертной казни за участие в восстании 31 октября 1870 г. Он был арестован 17 марта 1871 г. и содержался в тюрьме. Так как в числе заложников у Коммуны находился парижский архиепископ Дарбуа, Коммуна предлагала Тьеру освободить Бланки в обмен на Дарбуа, но Тьер ответил категорическим отказом.

⁹⁶ *Аббат Лагард* — викарий архиепископа Дарбуа, направленный Коммуной в Версаль для вторичного предложения об обмене Дарбуа на Блан-

ки. Снова встретив отказ Тьера, Лагард решил не возвращаться в Париж. Дарбуа, в числе других заложников, был расстрелян коммунарами 24 мая 1871 г.

⁹⁷ *Морни Шарль*, герцог де (1811—1865) — сводный брат Наполеона III, глава Законодательного Корпуса Второй империи.

⁹⁸ ...я три года убивал честных людей.— Кермадек говорит о своем подневольном участии в мексиканской войне, затеянной Второй империей для превращения Мексики в колонию Франции. Французская интервенция в Мексике безуспешно продолжалась с 1862 по 1867 год.

⁹⁹ *Центральный Комитет*.— Здесь и далее ЦКНГ.

¹⁰⁰ *Бастион* — пятиугольное укрепление форта (башня крепостной стены).

¹⁰¹ *Куртина* — часть главного вала укрепления форта, соединяющая два бастиона.

¹⁰² 12 мая 1871 года.— Форт Исси, одно из сильных укреплений Парижа, впервые был оставлен коммунарами еще 30 апреля, после ожесточенной версальской бомбардировки. Однако он не был взят версальцами, разрушения его были быстро исправлены Коммуной и версальцы сумели овладеть им лишь 8 мая (а не 12, как неточно указывает Валлес). В обороне форта Исси до 30 апреля и до 9 мая участвовал один из легендарных смельчаков Коммуны, полковник Максим Лисбонн (? — 1905), член ЦКНГ.

¹⁰³ *Большинство тянет в одну сторону. Меньшинство — в другую*.— 28 апреля 1871 г. член Коммуны Жюль Мио внес в Коммуну (от имени рабочих организаций XIX округа Парижа) предложение о создании Комитета Общественного Спасения, в связи с тем, что «положение Парижа становится все более и более тяжелым, что необходимо проявить тем больше энергии, чем неизбежнее становится опасность» («Протоколы Парижской Коммуны», т. 1. М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 428). Предложение Мио обсуждалось

Коммуной 28 апреля, 30 апреля и 1 мая, вызвав резкие разногласия. На заседании 1 мая за проект Мио голосовало 45 членов Коммуны, против — 23. Так произошел раскол Коммуны на «большинство» (состоявшее из неоякобинцев, бланкистов, необабувистов и лиц, близких этим группировкам) и на «меньшинство», состоявшее преимущественно из прудонистов и левых прудонистов. Хотя меньшинство настаивало на том, что создание Комитета Общественного Спасения приведет к образованию «диктаторской власти», станет «настоящей узурпацией народного суверенитета» и вдобавок подражением отжившим методам и политике революции XVIII в.— все эти утверждения были ошибочны и свидетельствовали о владении многими членами Коммуны «формально-демократических предрассудках, мелкобуржуазных по своей сущности» («Парижская Коммуна 1871 г.», т. 1. М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 424). Если среди членов «большинства» было немало людей с такими же в общем «предрассудками», то они проявили большую чуткость к требованиям пролетарских масс. Из двух членов Коммуны, близких к марксизму, Франкель голосовал за создание Комитета Общественного спасения, Серрайе — против.

¹⁰⁴ ...пять миллиардов...— Эту сумму Национальное Собрание обязалось выплатить победившей Германии, причем один миллиард уже в 1871 г., а четыре остальных — в три последующих года. Мысль Дюрана заключается в том, что Коммуна могла бы выплатить пруссакам все пять миллиардов сразу, обложив богачей или захватив Французский Банк; об этом же думали и многие другие коммунары (высказывания Ракателя на этот счет, носят, разумеется, провокационный характер).

¹⁰⁵ ...батальонным делегатом.— См. примечание 74.

¹⁰⁶ *Кавальер*.— Малый высокий бастион внутри главного бастиона форта, служащий для обстрела ложин и вообще местностей, скрытых от

главного огня (указание «Настольного словаря» Ф. Толля, СПб., 1864).

¹⁰⁷ *Мулино* — Деревня Мулино внезапно была взята версальскими войсками в ночь с 26 на 27 апреля.

¹⁰⁸ *Лже-Бийорэ* — Альфред Бийорэ (1840—1876), живописец, член I Интернационала, член ЦКНГ и Парижской Коммуны, был избран 12 мал членом Комитета Общественного спасения, чем вызвал к себе особенную ненависть версальцев. В дни «кровавой недели» они расстреляли какого-то человека, принятого ими за Бийорэ.

¹⁰⁹ *Брассардые* — см. примечание 93.

¹¹⁰ 22 мая 1871 г. — Версальские войска ворвались в Париж накануне.

¹¹¹ *Ратапуаль* — сатирический образ наглого, глупого, самоуверенного бонапартистского агента, созданный Домье в 1850 г. в знаменитой статуэтке, а затем в ряде литографий 1850—1851 гг., как ответ республиканской демократии на широко развивавшуюся бонапартистскую пропаганду после избрания Луи-Наполеона 10 декабря 1848 г. президентом Второй республики. В широком смысле Ратапуаль — обозначение бонапартиста.

¹¹² *Сен-сировец* — воспитанник военного училища, расположенного в местечке Сен-Сир, неподалеку от Версаля.

¹¹³ *Митральеза* — картечница, первоначально состоявшая из десяти ружейных стволов на артиллерийском лафете.

¹¹⁴ *Пуэбло* — город в Мексике, захваченный французскими интервентами в 1863 году.

¹¹⁵ *Лежандр*. — Матуйе имеет в виду известного французского геометра Адриана-Мари Лежандра (1752—1834).

¹¹⁶ *Вердюр* Огюст-Жозеф (1825—1873) — школьный учитель, член Парижской Коммуны: в состав Комитета Общественного спасения избран не был.

¹¹⁷ *Сатори* — одна из импровизированных тюрем в Версале; арестованных коммунаров было так много, что все парижские тюрьмы были переполнены и ряд версальских помещений приспособили для содержания заключенных, находившихся там в невероятной скученности Доки Сатори, обнесенные общей стеной, представляли собою помещения с крышей на столбах, отделенные друг от друга наскоро сбитыми перегородками; крыши пропускали дождь, глинистая почва от дождя становилась грязью; медицинской помощи для узников не было, воды для питья не хватало, в яме с водой коммунары обмывали свои раны. Саторийская тюрьма была и местом военно-полевого суда, по приговорам которого осужденных расстреливали немедленно.

¹¹⁸ *Петит Рокетт* — старинная тюрьма в Париже для заключения несовершеннолетних.

¹¹⁹ *«Отец Дюшен»* — одна из самых популярных газет Коммуны, подражавшая своим грубым простонародным языком газете того же названия, выходившей в пору Великой французской революции.

¹²⁰ *Они вывернули его шинель наизнанку*. — Речь идет о каком-то обычае военного быта, применявшемся для опозоривания пойманного дезертира-перебежчика, каким Кермадек (подобно другим солдатам, перешедшим 18 марта на сторону народа) являлся в глазах регулярных войск. Об арестованных версальцами «солдатах в вывернутых шинелях» упоминает Лиссагаре («История Парижской Коммуны». СПб., 1906, стр. 424). По словам Леона Кладеля, таких солдат заставляли перед расстрелом «снять и одеть наизнанку их военные мундиры» (Л. Кладель. Жак Ратас. М. — Л., 1951, стр. 221).

¹²¹ *Тюрьма Шантье* — в Версале.

¹²² 29 мая — описка Валлеса или опечатка: шестой округ Парижа был захвачен версальцами 24 мая. Последним днем уличных боев Коммуны было 28 мая.

¹²³ ...дано нам осадным положением.— Режим осадного положения, отмененный Коммуной, был немедленно восстановлен после захвата версальцами Парижа.

¹²⁴ *Смешанные комиссии* — так назывались организованные в департаментах после декабрьского переворота 1851 г. проскрипционные комиссии для расправы над республиканцами; воссоздавая такие комиссии, правительство Тьера поручало им пересмотр некоторых обвинительных приговоров, но последние смягчались лишь в редких случаях.

¹²⁵ *Оранжеви* — одна из импровизированных тюрем в Версале — помещение оранжеви Версальского дворца.